

469

НА БОЕВОМ ПОСТУ

10.1989

МЫ-ВОЙСКА
ПОРЯДКА

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА
ВЛДОВЫ Н.БУХАРИНА

Юрий Кларов
ПЕРСТЕНЬ
ЛЮЦИФЕРА

■ Эти снимки разделяют всего два дня. Молодые солдаты рядовые А. Савич, С. Савчиц и В. Горофей только что выполнили упражнение учебных стрельб на отлично.

А теперь они стали полноправными воинами — приняли военную присягу.

**НАШ ДЕВИЗ:
ВЕРНО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ,
НАДЕЖНО ЗАЩИЩАТЬ
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА
СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ!**

ФОТО А. АЛЕКСАНДРОВА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

НА Боевом Посту

Издается с 1958 г.

10.1989

В НОМЕРЕ:

«А что, собственно, произошло? Наша служба, как и раньше, является воинской.

Так ли уж принципиально, что несколько слов военной присяги не согласуются с нынешним положением наших войск!..»

с. 8.

Пожалуй, привычнее нескрываемое желание отдельных командиров и начальников для решения назревшей проблемы «власть употребить». Ты поднял проблему! Вот тебе десять суток ареста для начала. И нет проблем...

с. 19.

«В феврале 1949 года пойдет 13-й год с тех пор, как я расстался с Бухариным, даже личное—единственное, что меня с ним когда-то связывало, заглохло в моей душе — окончательно забыто».

с. 51.

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: НА ПОВЕСТКЕ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС; В РОТЕ НЕВЫНОСИМО; ОПЯТЬ ОБ ОТВЕТСТВЕННЫХ 3

■ ПУБЛИЦИСТИКА

АСТАШИН В. По-прежнему: «Вступая в ряды Вооруженных Сил...» 8
Эмоции и факты (открытое письмо первому секретарю ЦК ВЛКСМ Мироненко В. И. и главному редактору «Комсомольской правды» Фронину В. А.) 13
КОРОТКОВ А. На поводу у сенсации 17

■ БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

УДИНЦЕВ А., КУЗЬМЕНКО В. «Конституцией... распоряджусь я!» 19
КАРИМБАЕВ Ш. Каким я вижу совет прапорщиков 31

■ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

КИСЛЫЙ Ю. Феномен землячества 33

■ ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Почтовая канитель 36

■ КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

БОРИСОВ С. Угасший костер 38
АРТЮХОВ Е. По эту сторону разлуки 42

■ ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

БОДЯК Р. Пришлите «десант!» 29

■ НОВАЯ РУБРИКА: «ВНЕ ЗАКОНА»

с. 51. ГУРОВ А. «Воры в законе» на воле и в «зоне» . 46

Правая рука Корзухина быстро и незаметно скользнула в карман пальто. Но Петров-Скорин успел перехватить кисть его руки, сжал сильными пальцами запястье. — Ну-ну, вы же воспитанный человек, господин Ланге...

с. 70.

НА НАШЕЙ ОБЛОЖКЕ

1 с. — водитель бронетранспортера ефрейтор Николай Кравчук прибавил недавно к знакам солдатской доблести и комсомольскую награду — «За отличие в труде».

3 с. — Рита и Андрей Поддорниковы — молодожены. Предстоит первая разлука — Андрея призвали во внутренние войска. Будут письма, будет ожидание, будет любовь. Счастья вам!

Фото А. Александрова.

■ ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

«Я никогда не была политической сторонницей Бухарина...» (неизвестные письма А. М. Лариной) . . . 51

■ ИЗ ИСТОРИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ЯРОСЛАВЦЕВА С. Ни в чем не виновны . . . 54

■ ЛЮДИ. ПОДВИГИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

ТОМИН В., СГИБНЕВ А. Встреча через годы . . . 59

■ ВСТРЕЧИ ДЛЯ ВАС

АФАНАСЬЕВ В. «Сделал, что мог...» . . . 63
РЖЕВЦЕВ Ю. На всю оставшуюся жизнь . . . 68

■ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ЕРХОВ Е. На правой стороне (поэма) . . . 26
КЛАРОВ Ю. Перстень Люцифера (повесть, окончание) . . . 70

■ И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ . . . 92

■ В ЧАСЫ ДОСУГА . . . 95

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Ф. Кузьменко, Г. А. Малюшкин, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, П. А. Студеникин, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление **Е. К. Селиковой.**

Технический редактор **И. В. Володина.**

Корректоры **Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.**

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.

Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерия — 361-85-80.

Сдано в набор 5.08.89 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}
Уч.изд. л. 11,5

Г-25929

Подписано к печати 20.09.89г.
Усл. печ. л. 8,4 + вкл. 1/4 п. л.
Зак. № 1790 Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- НА ПОВЕСТКЕ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС
- В РОТЕ НЕВЫНОСИМО
- ОПЯТЬ ОБ ОТВЕТСТВЕННЫХ

ВНЕСТИ СВОЙ ВКЛАД

«Мы видим в партии носительницу программных целей перестройки, объединяющую и консолидирующую силу». Эти слова, прозвучавшие на Пленуме ЦК КПСС 19 сентября 1989 года, созвучны мыслям каждого советского человека, кому дорого революционное обновление Родины.

Время требует от нас, коммунистов в военной форме, не уходить от острых, животрепещущих проблем, своим примером доказывать истинно авангардную роль члена партии в перестройке. Заботиться об авторитете партии, по-моему, надо прежде всего честной, активной, живой работой с людьми. Это наш долг и наш реальный вклад в подготовку к очередному XXVIII съезду КПСС, который намечено провести в октябре 1990 года.

Майор А. ПАВЛОВ, секретарь парткома части.

ОТКЛАДЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС считаю событием очень своевременным. Откладывать решение национального вопроса больше нельзя. С тех пор, как я вернулся из Ферганы — там наша часть принимала участие в обеспечении общественного порядка, — у меня перед глазами стоят осунувшиеся от горя, не по годам серьезные ребятишки. Теперь они не просто мальчишки и девчонки. Они — сироты. Их родители погибли не на войне, а в наши мирные дни. От рук озверевших националистов.

...В Баку разъяренная толпа экстремистов требовала выдать задержанных нами нарушителей, избивших до полусмерти их земляка.

Мы не вершим правосудия — мы защищаем его. Солдаты с краповыми погонами стоят на страже закона в этих затянувшихся, доходящих до крайности конфликтах. Наши войска — сдерживающий фактор. Там, где несут они свою нелегкую службу, ценой предельных усилий удается предотвратить страшные трагедии. Пока удается...

Прапорщик С. ЩУКИН.

Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

От всей души благодарим военнослужащих подразделения внутренних войск, размещавшихся в здании нашей школы-интерната, за их активное участие в интернациональном воспитании детей, а также за бескорыстную помощь в ремонте классных помещений и в благоустройстве территории учебного заведения.

М. АХВЕРДИЕВ,
директор школы-интерната,
М. МАХОРАМОВА,
председатель профкома.
Азербайджанская ССР,
г. Агдам.

* * *

В роте, где служат наши мужья, вот уже четыре года некомплект прапорщиков. И проблему эту не решить, пока людям не будут созданы нормальные условия. Кто поедет сюда, если с жильем тут неразрешимые проблемы. Для нас, жен военнослужащих, работы нет. Отсутствует медицинское обслуживание. Чтобы прививку ребенку сделать, надо везти его за 42 километра...

Л. ИСАНЧУРИНА
и другие
(всего 14 фамилий).

УВВ по Дальнему Востоку и
Восточной Сибири.

ТОВАРИЩ ТРЕТИЙ...

Об антиперестроечных силах толкуют много и на все лады. А кто из вас хоть однажды видел живого противника перестройки? Кругом сплошь одни сторонники. Однако какие же они разные!

Один вроде бы целиком и полностью все одобряет, но его застывшее «За!» — главная и, к сожалению, единственная жертва на алтаре реорганизации общества: он в тени.

Второй, напротив, страстный любитель кавалерийских наскоков. За ценю не постоит, штурмует бастионы с шашкой наголо. Яростно рубит, кромсает, коверкает, крошит — все без разбору. Не человек — памятник, монолит: шашка в правой руке, кумачовый стяг перестройки — в левой (чтоб с врагами не спутали, наверно, ибо сразу и не отличишь), а в полевой сумке — несколько вариантов теоретических обоснований кавалерийских атак.

Третий — умница, хладнокровный, рассудительный — делает дело основательно,

трезво, обдуманно, взвешенно. Чтобы впоследствии все заново не перестраивать. Он не суетится попусту, не лезет по поводу и без повода на трибуну в свет прожекторов, не стремится сочным ораторским эпитетом сорвать аплодисменты, переходящие в овации. Он, Третий, колет глаза и Первому и Второму своей некричащей, расторопной напористостью, некичливым, но верным профессионализмом, пониманием смысла происходящих процессов. И потому Третий — нередко лишний. Его не жалуют почестями и наградами, он не в начальниках, ему, рабочей лошадке, труднее всех. Безусловно, он долго не протянет, ибо слишком близко к сердцу воспринимает невмешательство Первого и безрассудство Второго. Пока он укрепляет одну линию и приступает к другой, там уже все порубано-постреляно до безобразия. И не батской Махно, а Вторым. С молчаливого согласия Первого.

Где же Вы, товарищ Тре-

тий, во внутренних войсках! Слышите ли меня! Если да, к Вам обращаю свой голос. Дорогой товарищ Третий, ну, поднатужьтесь, наплюйте на принципы — история поймет и простит — и займите, наконец, руководящее кресло в ГУВВ или МВД. Выручайте, нет больше сил терпеть и обороняться, обороняться и терпеть, изредка тщетно пытаясь отразить натиск не на шутку разбушевавшихся Вторых. Потом и кровью ныне пишется исторический формуляр нашей части. Не верите?

Февраль — март 1989 года. Вторые в седлах: «Шашки подвысь!» — массируемые кавалерийские атаки. Дескать, зачем думать, считать, согласовывать — только время терять? Руби! Кто это там на пути? И еще, наглец, пытается склеить, восстановить порушенное! Самый умный, что ли? Нам умные не нужны, нам нужны крепкие и здоровые. Оставь свое мнение при себе. Что, плюрализм? Добро, пусть будет два мнения: твое и мое — правильное.

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННЫХ

«А уставом не предусмотрено» — под таким заголовком в седьмом номере журнала было опубликовано письмо старшего лейтенанта О. Брильянта, который, ссылаясь на устав, спрашивал, на каком основании его, проходящего службу в роте при штабе части, назначают по 5—6 раз в месяц дежурным офицером, увеличивая его и без того немалую нагрузку. Почему, недоумевал командир взвода, он должен подменять других должностных лиц подразделения и дежурного по части? Отчаявшись найти правду на месте, О. Брильянт просил редакцию разъяснить, какой документ регламентирует функциональные обязанности ответственного. Словом, вопросы задавались конкретные и волнующие не только автора письма в журнал.

А вот ответ на запрос по этому острому сигналу редакция получила из УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, думается, далеко не исчерпывающий. «По затронутым в письме вопросам... проведено расследование, — сообщил, в частности, генерал-майор В. Теплинский. — Изложенные факты действительно имели место. И

что же? Да то, что в результате реорганизационных мероприятий значительно снижена служебная нагрузка О. Брильянта, «который используется теперь по прямому назначению в качестве дежурного по связи». С ним, оказывается, проведена личная беседа подполковником М. Паньковым, и старший лейтенант претензий по служебной нагрузке больше не имеет.

Ладно, с Брильянтом все ясно. Но поднятые им вопросы касались ведь не только его лично. Они затрагивали интересы многих других офицеров, незаконно назначаемых дежурными в ущерб их повседневным обязанностям. Как же быть с ними? Ждать, когда, отчаявшись отстоять свои права, они напишут в журнал? Прямо скажем, не лучший выход из положения. Вот почему мы попросили прокомментировать ситуацию офицера штаба ВВ МВД СССР полковника В. ЖУРАВЛЕВА. Вот что он сообщил.

Уж сколько раз в печати поднимался вопрос об «ответственных», «контролирующих», «дежурных» офицерах и прапорщи-

Примерно в таком духе и в таком темпе провели сокращение штатов нашей части. Расстарались — в неделю уложились, разогнали заместителей командиров рот по службе контролеров, начальников караулов и самих контролеров. Никакие доводы не принимались во внимание. Подумаешь, объем службы остается прежним — пустяки. Подумаешь, количество осужденных не уменьшается (реально, не на бумаге) — мелочи. Ну и пусть выводные объекты удалены на 60 километров — тоже не беда, сдюжите.

Видимо, это решение было принято большинством голосов: при однозначно одобряющем Первом, сокрушительном в своей правоте Втором и оставшемся в одиночестве сопротивляющемся Третьем.

Товарищ Третий, ну что же Вы? Надо было грудью заслонить нас, бесправных, сделать даже невозможное. А так... Приказ выполнен, люди уволены, оставшиеся сплотили свои поредевшие

ряды и стоят, слегка согнувшись под тяжестью увеличившейся служебной нагрузки. Второй — триумфатор. Он празднует победу, пишет реляции, рапортует об успехах перестройки в войсках. Ура? Службу несущие «ура» не кричали. Этот торжествующий клич раздавался из-за дверей кабинетов строевой, финансовой и вещевой служб. Правда, он больше напоминал вздох облегчения.

Обидно, товарищ Третий, честное слово. На одну смену в зоне контролеров не хватает. Не сила — слезы. Кто в стрессе, кто в оцепенении и растерянности пребывает, кто в страхе (а вдруг завтра очередную партию выбросят на улицу?). Попробовали бы Вы сами отвечать на их многочисленные «Как же так!» и «За что!» Нет, стойкость в перенесении тягот и лишений не поколебалась, мы несгибаемы и только все более сплываем ряды. Просто понимание ушло.

И вот в июне, товарищ

Третий, нам ввели должности заместителей командиров рот по службе контролеров, начальников караулов и самих контролеров. Мы так поняли, товарищ Третий, что это — результат Вашего труда. Поздненько прислушались к Вам, но лучше поздно, чем никогда.

Докадываем: с жутким скрипом идет укомплектование. Те, кого мы беспричинно рассчитали полгода назад, уже при местах и слышать не хотят о возвращении. Сами зареклись и другим наказали не связываться с нами. А некоторые не без ехидства (вполне объяснимого и справедливого, кстати) спрашивают, куда занесет нас кривая в ближайшие полгода? Ведь это не просто штаты, это — люди. И у них есть семьи, проблемы, самолюбие, наконец, и гордость. Что бы Вы посоветовали ответить им, товарищ Третий?

Майор Е. ГЕЙХМАН,
заместитель командира
батальона
по политической части.

ках в подразделениях! Казалось бы, давно надо понять всем командирам, что эти так называемые «ответственные» большой пользы для поддержания твердого уставного порядка не приносят, даже, напротив, — ограничивают самостоятельность сержантского состава и суточного наряда. Ведь речь идет не о каком-то разовом, единичном распоряжении командира, а о своего рода системе дежурств, которая отрицательно сказывается на исполнении должностными лицами своих прямых обязанностей, увеличивает их служебную нагрузку.

К слову, на сей счет есть четкие разъяснения. Так, Устав внутренних войск предусматривает в отдельном дислоцированной роте (заставе), то есть в отдельном гарнизоне, на нерабочее время назначение дежурного офицера (прапорщика). В подразделениях же, дислоцированных при штабе части, и в отдельном дислоцированных батальонах (ротного состава) дежурные офицеры (прапорщики) вообще не предусмотрены.

Недоразумения, о которых написал О. Брильянт (а такие письма приходят и в ГУВВ МВД СССР), вполне могут быть выяснены на месте, в том числе с помощью партийных и комсомольских организаций, не говоря уж о том, что решение их является прямой обязанностью командиров и штабов вышестоящего звена.

Есть все основания утверждать, что порой за благими намерениями на деле скрывается не столько забота о наведении уставного порядка, сколько стремление застраховаться от неприятностей, прикрыть недостатки в работе по укреплению порядка и дисциплины.

Вывод отсюда должен быть сделан однозначный: там, где командиры и штабы на деле серьезно занимаются службой войск, там лучше порядок и дисциплина, там созданы нормальные условия для выполнения боевых задач, учебы и отдыха военнослужащих всех категорий, там нет необходимости иметь всякого рода «ответственных».

1. ПРОЦВЕТАЕТ НЕУСТАВЩИНА

Обратиться за помощью в редакцию меня вынудила невыносимая обстановка, сложившаяся у нас в роте. Я служу здесь полгода и за это время много хлебнул горя. Причем унижения, оскорбления приходится терпеть не от кого-нибудь, а прежде всего от старших начальников. Так, командир роты капитан А. Ременюк, как что не по нему, обзывает, а то и кулаки в ход может пустить. Кто дал ему на это право? Как можно говорить о борьбе с неуставными отношениями, если офицер-руководитель сам попирает закон?

Молчать, когда тебя называют мразью, тварью и бьют «в лобешник», больше не могу. Да и другие, кого унижает капитан Ременюк, ожесточены. Помогите нам.

Рядовой СЫЧЕВ.

2. ВСЕ НА БОРЬБУ С КОМАНДИРОМ?!

О чем только не пишут сегодня: о расстрелянном карауле, о доведенных «дедовщиной» до отчаяния новобранцах, о сознательном членовредительстве. Порой проskalьзывают суждения, что неуставные взаимоотношения — явление чисто армейское, а командиры и начальники не борются с «дедовщиной», потому что «дед» — опора офицера. Не желая работать сам, старослужащий, мол, заставит «пахать» молодого солдата и уж, конечно, проследит, чтобы все исполнялось им точно и в срок. При таком раскладе от командира требуется самая малость — приказать.

Весьма заманчивая картина, не правда ли? Все очень просто объяснено, а заодно и виновный найден — командир. Итак, все на борьбу с командиром?!

Но почему тогда капитан А. Дыдыка, другие офицеры нашего подразделения, не щадя сил и времени, борются даже с намеком на «неуставнуху»? Почему безжалостно вытравливают сам дух «дедовщины», если она была бы им выгодна?

Не скрою: первые три солдатских месяца постоянно ожидал, что вот-вот встречу эту самую «дедовщину», о которой мне столько порассказали вернувшиеся из армии друзья. А она все не начиналась, да так и не началась. Но, кто знает, сколько сил отняло это постоянное нервное напряжение, когда болезненно реагируешь на каждое грубое слово, в любом поступке больше прослужившего ищешь следы «дедовщины»! Вот это действительно мешало мне на первых порах втягиваться в службу и, как теперь выяснил, не только мне одному.

Беда в том, что многие ребята, идущие в армию, пассивны, настроены не на борьбу с унижением, а на готовность терпеть любые издевательства на первом солдатском году. Да ведь и открыто выступить против зла — дело непростое. Даже сейчас, в обстановке гласности, далеко не у каждого хватает духу на это. Иной считает высшей житейской мудростью не соваться куда не следует и побольше помалкивать. Как, скажете, переиначить взгляды человека, считающего, что с начальством лучше не спорить, который еще на гражданке испытал на себе культ силы, который законы своей страны знает понаслышке?

Армия, внутренние войска — не исправительный дом, и командир — не нянька. Разве только вопросами воспитания или, скорее, перевоспитания десятков, а то и сотен молодых людей занята его голова? Она должна у него болеть о том, как выполнить лучше поставленные перед подразделением служебно-боевые задачи. И не надо обвинять офицеров, что они мало делают для вытравливания неуставных взаимоотношений, а то и вообще даром едят свой хлеб. Учить людей правильным взаимоотношениям нужно с детства и всем — родителям, школе, предприятию, ПТУ или техникуму. А не уповать на то, что армия сделает из оболтуса человека в конце второго десятка его бесшабашно прожитых лет.

Ефрейтор И. ВИШНЕВСКИЙ.

3. И НИКАКОЙ «ДЕДОВЩИНЫ»

Просим передать через ваш журнал глубокую благодарность командирам, политработникам, всему личному составу части, где служит наш сын Александр. Доброжелательное, чуткое отношение командования, в частности полковника Ивана Герасимовича Шевчука, чувствуется не только к солдатам, но и к родственникам, которые навещают воинов. Родителям помогают устроиться в гостинице, знакомят с бытом и условиями военной жизни и службы.

Особенно нам понравились идеальная чистота и порядок в ротах, хорошее питание ребят. Высокий уровень воспитательной работы способствует тому, что отношения между солдатами разных призывов складываются товарищеские, добрые. В то время, как в прессе много пишут о «неуставщине» в армии, мы твердо знаем, что в воинском коллективе нашего сына такое исключено.

Скоро наш сын заканчивает службу в рядах внутренних войск, и на протяжении всех двух лет мы, родители, были спокойны и уверены за его судьбу. Служба стала для нашего сына действительно школой возмужания, становления характера.

С искренним уважением

Анна Яковлевна и Илья Борисович
ГАРЦМАНЫ.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ ОПУБЛИКОВАНО

НЕОБОСНОВАННЫЕ ОБВИНЕНИЯ СНЯТЫ

Рядовой В. Шевчишин и ефрейтор С. Касьянов опоздали на построение. Обнаруживший это подполковник А. Сулейманов, не мудрствуя лукаво, объявил им по 5 суток ареста. Видимо, начальник штаба части и сам сознавал, что суровость наказания не очень-то соответствует характеру проступка подчиненных, и поэтому заодно обвинил их в... употреблении спиртного.

«Я допустил нарушение и за это должен нести ответственность. Не оспариваю я и строгость взыскания. Но зачем на меня наговорили невесть что, приписали то, чего я не совершал? Помогите отместить клевету», — так закончил свое письмо в журнал рядовой В. Шевчишин.

По запросу редакции в инциденте внимательно разобрались на месте. В ответе, подписанном генерал-майором Л. Червоткиным, сообщается, что подполковник А. Сулейманов, обнаружив нарушение распорядка дня солдатами, в существе их проступка не разобрался, проявил поспешность в определении степени их вины и меры наказания. При этом офицер допустил бестактность по отношению к подчиненным.

Подполковник А. Сулейманов признал неправоту своих действий. Он строго предупрежден о недопустимости подобных действий.

ХУЖЕ НЕКУДА

Так охарактеризовал условия жизни военнослужащих в поселке, где дислоцируется их подразделение, старшина Б. Гулиев. В своем письме в редакцию он поднял ряд вопросов службы прапорщиков, взаимоотношений их с администрацией ИТУ, бытовые проблемы контролерских семей.

По жалобе старшины в поселке побывал начальник штаба части вместе с представителем УЛИТУ. Некоторые недостатки быта были устранены на месте. Так, в настоящее время выдана мебель в общежитие, и силами колонии в нем произведен текущий ремонт. Увеличился ассортимент товаров в местном магазине. Сейчас там можно купить колбасные изделия, молочные продукты.

Приняты неотложные меры по нормализации контактов с сотрудниками колонии.

Что касается культурного досуга личного состава, полковник П. Контаренко, подписавший ответ в редакцию, констатировал, что тут еще не все ладно. Хоть и есть в клубе поселка киноустановка, но должность кинемеханика не укомплектована. Библиотеки вообще нет. Ныне от части выделена библиотечка-передвижка с полсотней книг, но это, конечно же, не решение проблемы. Короче, острые вопросы не сняты с повестки дня. И решение их взято на контроль.

ПОЛУЧЕН ОТВЕТ

«ЧУЖОЕ ГОРЕ» (1989, № 4)

Из политотдела внутренних войск по Западной Сибири сообщили, что фактам, изложенным в корреспонденции, дана принципиальная оценка. Публикация обсуждена на заседании командования части, где офицерам А. Доценко и В. Кузнецову указано на бюрократизм и волокиту при решении вопросов о предоставлении военнослужащим отпусков по семейным обстоятельствам.

Поступил ответ на это критическое выступление журнала и из соединения. В нем, в частности, говорится, что на

собрании партийной организации роты, где служит рядовой С. Оширов, заслушан командир взвода коммунист лейтенант А. Курочкин. Он был подвергнут критике за серьезные недостатки в обучении и воспитании подчиненных.

В частях соединения с офицерами, сержантами, партийным и комсомольским активом проведены занятия по теме «Формы и методы проведения индивидуальной воспитательной работы с личным составом».

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА Боевом ПОСТУ»

По-прежнему:

«ВСТУПАЯ В РЯДЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ...»

21 МАРТА 1989 года Указом Президиума Верховного Совета СССР пограничные, внутренние и железнодорожные войска выведены из состава Вооруженных Сил СССР. Не знаю, как у пограничников или у железнодорожников, но у нас молодые солдаты на учебных сборах перед лицом своих товарищей по оружию по-прежнему торжественно произносят: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступаю в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу...»

Совершенно очевидно, что текст армейского торжественного обещания для нас сегодня не подходит. Первое услышанное возражение: «А что, собственно, произошло? Наша служба, как и раньше, является воинской. И так ли уж принципиально, что несколько слов военной присяги не согласуются с нынешним положением наших войск?..»

Но речь не о мелочах. Изменения произошли существенные, кардинальные — они коснулись статуса войск. И то, что порядок, условия и сроки прохождения службы в них, комплектования личным составом остались неизменными, как и материально-техническое и финансовое обеспечение не касается существа дела. Собственно, де-юре закрепило лишь де-факто, то есть давно сложившуюся практику, наши специфические задачи и функции, чисто внешнею связь с армией.

Конечно, внутренние войска были и остаются резервом Вооруженных Сил, и для такой роли в военное время надо готовиться заранее, в мирные дни. Иначе говоря, определенные оборонные функции с нас все же не снимаются. Поэтому не может быть возражения и против слов присяги: «Я всегда готов по приказу Советского правительства выступить на защиту моей Родины...»

И все же наше главное предназначение — это выполнение задач в системе Министерства внутренних дел СССР. Они четко сформулированы в Указе о полномочиях войск от 28 июля 1988 года. Наряду с охраной государственных объектов, специальных грузов, исправительно-трудовых ко-

лоний, воспитательно-трудовых профилакториев и некоторой другой деятельностью, связанной с первой, они оказывают содействие органам внутренних дел в охране общественного порядка и в пресечении его массовых нарушений. На нас возложены регулятивные функции при проведении крупных общественно-политических и спортивных мероприятий, а также некоторые задачи при различных чрезвычайных обстоятельствах — возникновении эпидемий и эпизоотий, — стихийных бедствиях и т. д. Разумеется, не снимается и обязанность пресечения групповых неповиновений осужденных, если таковые случаются.

Другими словами, на внутренние войска, исходя из их названия, всегда возлагались и возлагаются теперь функции внутренние. В обобщенном виде их можно сформулировать как защиту интересов народа от преступных посягательств, сохранение внутренней стабильности и жизнеспособности государства. Естественно, все это не могло быть отражено в военной присяге, предназначенной для личного состава Вооруженных Сил, задачей которых во все времена была защита государства от внешних врагов, что закреплено и Конституцией СССР. Вспомните слова торжественного обещания, когда воин клянется защищать страну, «не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами».

ЭТО как раз и убеждает в необходимости иметь специальную присягу для внутренних войск, учитывающую их специфику, во многом сходную с милицейскими функциями. Думаю, основа для ее разработки есть — это довольно полный перечень нравственных требований, предъявляемых к нашим военнослужащим Указом от 28 июля 1988 года. Личный состав, говорится в его первой статье, призван оберегать интересы Советского государства, строго соблюдать социалистическую законность, быть честным, правдивым и храбрым, справедливым в общении с гражданами, мужественно и самоотверженно защищать их личное достоинство, конституционные права и свободы от преступных и иных посягательств.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Я считаю эти слова своеобразным кодексом поведения при поддержании правопорядка, кодексом нашей чести. Независимо от того, будут они включены в присягу или нет, их должен всегда помнить каждый наш военнослужащий.

Что-то можно позаимствовать из присяги личного состава органов внутренних дел. Имеется в виду, конечно, не ее текст, а ее дух, основная идея — защита государственных интересов, конституционных прав и свобод граждан. Почему нельзя копировать этот документ, думаю, понятно: задачи наши и милицейские хотя и сходны, но не тождественны, милицейская работа все же имеет мало общего с воинской службой. Присяга эти особенности должна учитывать.

ных действий при выполнении задач сводит к качественным изменениям в техническом оснащении армии и флота, наличию ракетно-ядерного оружия, широкому использованию электронно-вычислительной техники. Но у нас нет ракет, и в общем-то верный тезис — чем мощнее оружие и совершеннее техника, тем ответственнее роль отдельного человека — крутится на холостом ходу.

Хотя, конечно же, нам не меньше, чем в армии и на флоте, нужны и исполнительность, и организованность, все самые высокие морально-боевые и политические качества. Более того, их значение при несении службы возрастает. Но объясняется это совсем другими причинами: расширением и усложнением задач (общая тенденция пока что такова), участием при их выполнении не только караулов и войсковых нарядов, но и крупных подразделений, частей. Сюда я бы отнес также несколько иной, чем прежде, общественный резонанс нашей службы. Неизмеримо повысилась цена небрежности. Мы, по существу, потеряли право на ошибку, хотя не знаю, делалась ли когда на нее скидка. Оперативные, эффективные и безошибочные действия частей, подразделений, караулов и войсковых нарядов возможны лишь при их мобильности, сплоченности, остром чувстве долга.

Если мы строим правовое государство, то всякая неточность, приблизительность, двусмысленность в любых документах законодательного характера недопустима. Присяга не формальность, за ней стоит жизнь, жизнь воинская, с ее жесткостью отношений, обязательностью регламентации, строгой юридической ответственностью.

ПОЛАГАЮ, что мы иначе, чем в армии, должны рассматривать связь дисциплины и инициативы, то есть исполнением приказа другими способами и методами, чем предписано. Я отношусь к той категории лиц, которые считают, что на посту по охране объектов, на патрульно-постовой службе, при ликвидации массовых беспорядков инициатива не нужна. Надо лишь точно следовать табелю постам, приказу командиров, уставу — и по способам действий, без малейших отклонений. Всякая инициатива в этих условиях, тем более в экстремальных ситуациях, когда и времени на обдумывание своих действий не остается, может привести к превышению прав, предоставленных часовому, патрульному, начальнику караула или наряда, руководителю операции законом, уставом, приказом. Грани тут тонкие, задаваемые человеческое достоинство, здоровье или даже жизнь, и есть опасность соскользнуть с них под воздействием избыточных эмоций или не вполне сформировавшегося сознания. Нарушений на боевой службе будет тем меньше, чем меньше станет отсебятины.

Указы о правах войск и изменении их статуса, несомненно, внесут коррективы в систему воинского воспитания в наших частях и подразделениях. А его основу, как известно, составляют присяга и воинские уставы. Уместен вопрос: насколько эффективной может быть перестройка воинского воспитания, если нет присяги, отражающей новые войсковые реалии, того основного документа, где были бы сконцентрированы главные нравственные и правовые нормы для нашего военнослужащего?

И пока ее нет, элементы формализма в политической работе неизбежны, как не исключаются многочисленные оговорки, умолчания, различные «аргументы», не соответствующие действительности, необоснованные заимствования «со стороны», то есть из Вооруженных Сил. Это видно даже из наглядной агитации. Нас так и тянет туда: «Военная доктрина Варшавского Договора — доктрина оборонительная».

Могут возразить, что я сгущаю краски. Как сказать. Вот передо мной методическая разработка по одной из тем политзанятий, где доказывается возросшее значение в современных условиях воинской дисциплины. Автор основные доводы в пользу высокой ответственности за порученное дело, исключительно согласованных и точ-

Эти выводы целиком и полностью вытекают из провозглашенной некоторое время назад формулы, уже прочно овладевшей общественным сознанием: «Разрешено все, что не запрещено». Однако поразмышляем, на кого и как распространяется она. Одно: дело — сфера экономической деятельности, и, очевидно, совсем другое — правоохранительной.

Одним словом, поменьше огляда на «старшего брата» — на армию (различия в наших задачах были всегда, а теперь они

подтверждены и официально, на уровне закона), побольше опоры на собственный опыт как в службе, так и в воспитании людей. Главное внимание не на то, что нас объединяет с Вооруженными Силами, а на то, что сближает с МВД. Только тогда мы будем самими собой. Но без собственной присяги нам не обойтись: наши войска потому и называются войсками, что живут по законам воинской организации.

Еще раз повторяю, не все здесь просто, как кажется. Текст присяги, скрепленный личной подписью военнослужащего, является юридическим документом, основанием для привлечения к ответственности всякого, допустившего отступление от нее. В народе таких людей называют клятвопреступниками, к ним применяются самые суровые санкции. И не без основания: «Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа». А если солдат допустил какое-то преступление, скажем, при ликвидации массовых беспорядков, возьмем крайний случай — не выполнил приказ, он нарушил присягу? Вот вопрос. И однозначного ответа нет.

К сожалению, разные мнения на этот счет высказывают и военные юристы. Одни из них, кто не видит разницы между армией и внутренними войсками, особенно до недавнего времени, без тени сомнения говорят: да, раз принял присягу, то несет ответственность за невыполнение любого приказа. Другие, кто абсолютизирует это различие, утверждают, правда, с оговорками: нет, поскольку о внутренних функциях внутренних войск в военной присяге ни слова, там речь идет об отражении нападения на нашу страну извне.

СООТВЕТСТВУЕТ этим суждениям и судебная практика. В ряде приговоров военных трибуналов мы видим расширенное толкование имеющегося в присяге понятия «защита Родины». В него включают охрану объектов ИТУ, и даже ЛТП, когда дело касается нарушений службы. Этот термин не вызывает сомнения, например, у пограничников, поскольку, как записано в Законе о государственной границе, ее охрана является составной частью защиты Родины.

А правомерно ли так ставить вопрос у нас? Тождественны ли понятия «защита Родины» и «патрульно-постовая служба»? Об этом задумываются многие. Вовсе не случайно, что в иных приговорах военных трибуналов по нашим военнослужащим мы при всем старании не сыщем выражения типа: «Допустил нарушение военной присяги, выразившееся в...» То есть сам факт торжественного обещания как бы сознательно умалчивается, вроде бы не замечается. Выходит, оно самоцель, что-то вроде дани форме, а не средство повышения ответственности и военнослужащего внутренних войск? Значит, для него присяга не самый важный и всеобъемлющий закон?

Я понимаю, что военные трибуналы в своей деятельности руководствуются не

собственно присягой, а Законом об уголовной ответственности за воинские преступления (включенным в уголовные кодексы союзных республик). Но нельзя забывать, что все его статьи прямо и непосредственно вытекают из военной присяги. В прежнем законе, помнится, была статья об ответственности за нарушение правил конвойной службы. В ныне действующем ее нет. Почему? Ведь она хотя бы частично отражала нашу специфику. Исключена, очевидно, потому, что эта статья никак не исходила из военной присяги.

Я также помню, что когда-то солдат конвойных частей за преступления, допущенные при исполнении служебных обязанностей, судили гражданские суды — в то время эти виды преступлений не считались воинскими. И тогда мы спешно стали переделывать Устав внутренних войск — всю нашу службу причислили к караульной. Так появились терминологические «шедевры» вроде «караул для конвоирования...» Хотя понятно, что такой караул все равно конвой, поскольку тот и другой предполагает вооруженное сопровождение кого-либо, чего-либо.

Смысл всех этих терминологических манипуляций один — искусственная подгонка нашей специфики (или хотя бы части ее) под общевоинские уставы и законы об армии. Вроде бы все логично, все само собой разумеется, раз и конвойные части были включены тогда в Вооруженные Силы. Теперь же, после Указа от 21 марта 1989 года, все вернулось на круги своя.

Значит, в будущем законе о воинских преступлениях (он будет приниматься после рассмотрения Верховным Советом СССР проекта Основ уголовного законодательства) статью по конвойной службе надо восстановить, как и предусмотреть в нем ответственность за нарушения правил несения всех видов нашей службы (патрульно-постовой, розыскной и т. д.), но сделать это можно лишь после того, как будет подготовлена и утверждена каким-то законодательным актом наша присяга. Без нее не обойтись — наше ведомство военное, наша служба воинская.

ВИДЕН и иной путь, к нему склоняются многие офицеры: изменить, уточнить ныне действующую военную присягу, подогнать ее под цели и задачи пограничных, внутренних, железнодорожных войск. Действительно, в каждом ведомстве своя присяга — в этом есть что-то противостественное. Вроде бы таким образом отстаиваются и закрепляются чисто ведомственные, а не общенародные, общегосударственные интересы. Хотя, как я уже говорил, есть присяга в милиции, есть клятва Гиппократа...

В пользу модернизации, а попутно и унификации военной присяги высказывается и такой довод: она действует с 23 августа 1960 года, то есть почти 30 лет, и во многом устарела. В ней, в частности, не предусмотрены интернациональные задачи. Если по большому счету, то участие нашей страны в войне в Афганистане — не

защита Родины. Союзнический же долг — дело естественное. Но тогда повторим прежний вопрос: отказ от его выполнения конкретного военнослужащего — это нарушение принятой им присяги?

Хотелось бы обратить внимание и на такую деталь. В упоминаемом проекте Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик нет такого вида преступления, как измена Родине. Прежде был, а теперь он трансформирован в государственную измену. Такая классификация, по мнению авторов законопроекта, наиболее точно отражает суть этого особо тяжкого преступления. А если провести аналогию с военной присягой, то тут есть о чем подумать. Может быть, к ней лучше подойдет государственная защита, защита государственных интересов, социалистического строя? Но только не Родины.

Кстати, и девиз, который стоит на военных газетах и журналах — «За нашу Советскую Родину!» теперь явно не подходит. Особенно к нашей войсковой печати.

Сейчас разрабатывается Положение о внутренних войсках. На повестке дня их новый устав. Будут приняты и другие документы, определяющие функциональное единство войск и МВД СССР. Но начинать нужно с самого начала — с военной присяги.

Защита Родины... Как-то неловко отказываться от этого привычного, ставшего близким, родным каждому советскому военнослужащему словосочетания. Возможно, я не прав, ратуя за это. Но тогда нужно восстановить прежнюю редакцию некоторых статей новых Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Еще не поздно. Пока они еще проект. Совершенно очевидно, что Основы, присяга и воинские уставы должны полностью согласовываться между собой. Пока же они не стыкуются.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта требует корректировки всех законодательных актов, постановлений правительства, где упоминаются внутренние войска. Тем же Указом такие предложения поручено внести Министерству юстиции СССР. Потребуется, может быть, и новые законы, прежде всего определяющие подчиненность войск. До недавнего времени здесь не было ничего неясного. В ст. 73 Конституции СССР сказано, что руководство Вооруженными Силами страны (а стало быть, и внутренними войсками как их составной части в недавнем прошлом) подлежит ведению Союза

Советских Социалистических Республик в лице высших органов его государственной власти и управления. То есть Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. А теперь эта статья Основного Закона СССР по отношению к внутренним войскам уже не действует? Пожалуй, если иметь в виду тбилисские события, когда решение на их применение принималось на республиканском уровне.

Но ведь любые войска не могут быть казачьими, казанскими или даже республиканскими. Невозможна их принадлежность и какому-то министерству. Ну разве что в организационном плане, а по сути, по характеру деятельности они должны быть только общегосударственными. Вспомним историю. На заре Советской власти разрозненные воинские отряды (прообраз наших войск) принадлежали Главсахару, Главоли, губернской отделам ЧК, входили в Продовольственную армию, в железнодорожное ведомство. Но такое положение продолжалось недолго. Возникла настоятельная необходимость их объединения и централизации руководства с целью придания им одной структуры, единообразия в подготовке и воспитании личного состава, четкого комплектования их, а главное — упорядочения использования как войск вспомогательного назначения — все это возможно лишь под эгидой государства.

И сегодня общегосударственный характер внутренних войск, несомненно, остается. Но теперь, после Указа от 21 марта, это должно быть где-то оговорено, подчеркнуто, особо выделено. О необходимости законодательного подтверждения распространения ст. 73 Конституции СССР на внутренние войска пишут граждане нашей страны в газеты и журналы. В частности, в заметке В. Турбакова «Для или против народа?» (Аргументы и факты, № 21, 27 мая 1989) читаем: «Может быть, их (внутренние войска. — В. А.) подчинить непосредственно президенту страны или Верховному Совету?»

Может быть, это будет группа депутатов. Главное, чтобы решения принимались всесторонне обоснованные, взвешенные. Недопустима как поспешность, так и малейшая затяжка в действиях войск. А такие факты были. Преждевременность — и негативная общественная реакция, опоздание на несколько часов — и новые безвинные жертвы экстремистов, хулиганствующих элементов. Угадать нужный момент трудно, но очень необходимо. От этого зависит и эффективность нашей службы, и ее престиж. Престиж в глазах народа, да и в наших собственных глазах.

А ПОКА все по-прежнему: «Вступая в ряды Вооруженных Сил СССР... торжественно клянусь...» А надо хотя бы — «возлагая на себя высокую воинскую обязанность, принимаю присягу...»

Вывели внутренние войска из состава Вооруженных Сил и забыли о них. И оставили их без присяги.

Полковник В. АСТАШИН.

ПРИНЯТЫ ВАЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

Каким быть сотруднику органов внутренних дел, что необходимо сделать для повышения качества подготовки офицеров внутренних войск — об этом шел большой и заинтересованный разговор на состоявшемся 30 августа 1989 года под председательством Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Бакатина В. В. очередном заседании коллегии МВД СССР.

Выступивший с докладом «О перестройке системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров органов внутренних дел на 1990—1995 гг.» заместитель Министра внутренних дел СССР — начальник Главного управления кадров и учебных заведений МВД СССР генерал-лейтенант внутренней службы Журкин Ю. Д., а также другие члены коллегии с уверенностью говорили о серьезных недостатках в работе по подготовке кадров для органов и войск. Отмечалось, что горрайорганы испытывают большой дефицит квалифицированных специалистов. Объясняется это тем, что во многих учебных заведениях системы МВД СССР низко качество преподавания, допускаются серьезные изъяны в подборе курсантов и слушателей.

Требуется коренной перестройки и система подготовки офицеров внутренних войск с учетом переориентации их на решение новых задач. Если два года назад, как отметил в своем выступлении первый заместитель начальника внутренних войск МВД СССР — начальник штаба войск генерал-лейтенант Дубиняк В. С., главным для наших частей и соединений было обеспечение охраны исправительно-трудовых учреждений, то сейчас на первый план встало обеспечение вместе с органами внутренних дел общественной безопасности в стране. Командиры, политработники призваны учитывать и то обстоятельство, что сегодня происходит падение престижа офицерской службы во внутренних войсках. Сумеем преодолеть

это — значит, справимся с задачами, возложенными на войска. Вот почему важно наряду с улучшением подбора будущих курсантов военных училищ поднять качество обучения, особое внимание обратить на личность преподавателя, решительно избавиться от порочной практики приема в военные вузы провалившихся на живой работе в войсках офицеров.

На нынешнем этапе в военных училищах сделан упор на расширение объема юридических дисциплин, тем по педагогике и психологии, изучение этики и эстетики.

По обсуждаемому вопросу коллегия приняла развернутое решение.

Кроме этого члены коллегии заслушали и обсудили доклад полковника милиции Кузнецова Р. А. «О мерах по укреплению службы ВИР, повышению технической оснащенности ее подразделений, улучшению обслуживания граждан, дальнейшему совершенствованию оформления выезда за границу и въезда в СССР».

Острым и конструктивным было обсуждение третьего вопроса повестки дня коллегии «О реагировании на письма и предложения, поступающие в адрес редакции журнала МВД СССР «Советская милиция». Некоторые главы и управления МВД СССР, а также министерства внутренних дел союзных и автономных республик, УВД край-облисполкомов, политорганы внутренних дел несвоевременно отвечают на публикации «Советской милиции», не прислушиваются к предложениям с мест. Коллегия признала нетерпимым такое положение и потребовала внимательного отношения к каждому выступлению в печати, принципиального подхода к оценке недостатков, энергичного их устранения, более полного использования возможностей печатного органа в мобилизации личного состава на решение стоящих перед органами внутренних дел задач.

ЭМОЦИИ И ФАКТЫ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК ВЛКСМ МИРОНЕНКО В. И.,
ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ»
ФРОНИНУ В. А.

Уважаемые Виктор Иванович и Владислав Александрович!

Для начала вот такое мнение читателя: «До чрезвычайности сложен и неоднозначен наш сегодняшний мир. В нем по-соседски прижились радость труда и суета безделья, тунеядство, двойная мораль. В нем сосуществуют дефицит вещей и дефицит духовности, равнодушие, экстремизм, межнациональная рознь с пролитием крови, организованная преступность и неуправляемые юнцы-грабители, юнцы-наильники, юнцы-бандиты. Когда моя дочь задерживается в школе на полчаса, сердце трепещет от страха: вдруг на дороге встретится ей какой-либо маньяк. Ведь мы ни от кого и ни от чего не защищены. По крайней мере, телевидение держит в страхе нас постоянно сводками о дичайших преступлениях.

...Солдаты живут не в стерильном окружении, и единственно верный способ воспитать в них политическую, общечеловеческую культуру в противовес блуждающей ныне политической наивности — это честный подход к любым проблемам нашего бытия. Кто должен доказать, что, несмотря ни на что, этот сложный мир прекрасен, кто должен подсказать, как яростно надо бороться за чистоту в нем? Думается, в первую очередь комсомол, его рупоры — молодежные газеты, и особенно «Комсомолка», прежде мной любимая.

Но сегодня она не этим озабочена. Сенсационность, шараханье в оценках, умничание вместо доверительности и проблемности, заигрывание с обывателем, скольжение по кричащим жизненным вопросам, оправдание того, что нормальная человеческая мораль не может оправдать, — вот ее странный ракурс. Чего стоит только один «невольник чести» Сакалаускас! Или милосердие наизнанку с семьей террористов Овечкиных... И порой обидно видеть под боевыми и трудовыми орденами газеты такое знакомое клише: «Орган ЦК ВЛКСМ».

Это пишет Александр Субботин, авиационный инженер, в недавнем прошлом солдат дивизии имени Дзержинского. Свой отклик он прислал в ответ на публикации «Случай в спецвагоне» (Комсомольская правда, 1988, 29 июля) и «Правда о расстрелянном карауле» (журнал «На боевом посту», 1988, № 12). В этом отклике, безу-

словно, есть серьезные уроки и для нас, и для вас. И таких писем многие сотни. Сотни потому, что тираж журнала невелик. Миллионную аудиторию журнальный очерк миновал лишь по одной причине: редколлегия «Комсомолки» заявила, что ее взгляд полностью соответствует оценкам, которые даны в статье «Случай в спецвагоне».

Так была узурпирована гласность органом ЦК ВЛКСМ, который более, чем все центральные газеты, на словах печется о гласности. Отвергнув альтернативную позицию журнала, «Комсомолка», что называется, заняла «боевую стойку» против инакомыслия по уголовному делу Сакалаускаса. Первым послал опровержение в газету председатель военного трибунала Ленинградского военного округа генерал-майор юстиции Ю. Вязигин. Его позицию в деле Сакалаускаса спецкор Мельник буквально поставил с ног на голову. Однако письмо военного юриста не только не было опубликовано, но на него сознательно не отвечено.

Другой факт. Главная военная прокуратура подготовила статью, направив ее в «Комсомолку», где в числе других правовых проблем объективно говорилось о преступлении в спецвагоне. Однако и это «не устраивало» отдел пропаганды и военно-патриотического воспитания газеты. Промариновав десять месяцев обращение Главной военной прокуратуры к многомиллионному читателю, в отделе посетовали на отсутствие «интересенького». И света статья не увидела.

Далее. В январе нынешнего года член Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ майор В. Шошин передал в «Комсомольскую правду» корреспонденцию «Время трудных вопросов», где поставил ряд животрепещущих молодежных армейских проблем. И вновь подчеркнул, что вокруг дела Сакалаускаса разгорелся нездоровый ажиотаж, а молодежная газета Литвы вместо аргументации своей точки зрения перешла к публичным оскорблениям внутренних войск в целом. Через месяц автор поинтересовался: «Как статья?» Ему ответствовали: и видом не видывали, и слыхом не слыхивали. Потерялась.

Второй экземпляр корреспонденции В. Шошин вручил лично в руки главному редактору «Комсомольской правды». Не прошло и... трех месяцев, как пришел от-

вет, что, к сожалению, опубликовать не смогут. Причины — при личной встрече...

Если этот стиль работы редакции первой молодежной газеты страны и есть дух перестройки, гласности и демократизации, то что тогда означают застойные явления и буквально круговая оборона своей «кочки зрения»?

Вернемся к ее истокам. Еще задолго до публикации «Случая в спецвагоне» ленинградская молодежная газета «Смена» выступила с материалами «Роковой рейс», «До и после рокового рейса». Несколько передач на эту тему подготовило Ленинградское телевидение. Затем его сюжеты были показаны в Вильнюсе. Заговорили о Сакалаускасе как о «жертве армии» прибалтийские газеты.

И только после того, как был совершен вот такой марафон открытости по Северо-Западу страны и Прибалтике, а также по войскам, — газеты всех управлений внутренних войск от Украинского до Дальневосточного перепечатали материал «Роковой рейс», — выкатила свою «тяжелую мортиру» «Комсомолка».

Опубликовав «Случай в спецвагоне», газета как бы присвоила себе роль «первооткрывателя» «дедовщины» и ярого борца с ней, при этом, однако, «не замечая», что военная печать давно, системно и действительно ведет об этом конструктивный и нелицеприятный разговор, но без сенсаций и всплеска эмоций. В отличие от всех публикаций о трагедии в спецвагоне, выступление «Комсомолки» оказалось самым запутанным и тенденциозным. Правовой и нравственный нигилизм корреспондента М. Мельника ошарашил и поверг в страх матерей страны. Военный трибунал и прокуратура Ленинградского военного округа были буквально завалены письмами (98 процентов от женщин), в которых предъявлялись ультимативные требования: сыновей не пустим в армию, всех офицеров части, где случилось происшествие, посадить в тюрьму, Сакалаускаса освободить из-под стражи, органы правосудия привлечь к ответственности (!!).

Могло ли взвешенное, трезвое, доказательное и честное выступление по проблемам «дедовщины» вызвать такой натиск страстей? Конечно, нет. Видимо, молодой журналист Мельник руководствовался расхожим правилом неопытных газетчиков: «Надо, чтобы читатель «вздрыгнул». И жаль, что на поводу этого пошла редколлегия столь популярного издания.

Вначале пошла, а потом и встала в позу. И уже недостаточно ей «Случай в спецвагоне», подборок читательских откликов и, наконец, официального ответа Политического управления внутренних войск о принятых мерах, хотя справедливости ради скажем, что меры были приняты задолго до публикаций и отнюдь не «Комсомольская правда» побудила к этому.

29 декабря 1988 года на страницах органа ЦК ВЛКСМ появляется некое социоло-

гическое исследование под заголовком «Рекорд уходящего года?», где вновь муссировалась «актуальность» появления «Случая в спецвагоне». Тенденциозно сгруппировав читательские письма (часть из них анонимные), газета делает себе рекламу многотысячным количеством откликов на происшедшую трагедию, кокетливо замечая: «...насколько нам удалось выяснить, столь бурной реакции в этом году не вызвала никакая статья и в других ежедневных газетах страны».

Ну, самореклама — куда ни шло. К ней всегда тяготела молодежная пресса. Но когда социологическое исследование, на каком бы уровне оно ни проводилось, принимает формы крючкотворства и огульного охавания армии как общественного и государственного механизма, тут поневоле встает вечный вопрос: кому это выгодно?

Вот, к примеру, одно из резюме социологов: «В свое время создатели административно-командной системы не случайно называли армию «школой жизни». Всеобщая воинская обязанность, благо она всеобщая, стала средством пропустить через такую систему «обучения» и «воспитания» практически всех. При этом армия выступала не как собственно вооруженная сила, но как образец осуществления власти, идеала сильной руки, сильной личности, как школа командных порядков и методов управления...»

Оказывается, всеобщая воинская обязанность — самый справедливый принцип формирования истинной народной армии, армии, которая дважды спасала страну и наш строй, а также всю Европу от порабощения — и есть тот самый институт, который в изобилии поставял и поставляет кадры для административно-командной системы (!!). Вот ведь до каких «теоретических обоснований» можно договориться, если сквозь «призму социологии» взглянуть на случай в спецвагоне.

Наконец, есть необходимость обратиться к последнему выступлению «Комсомолки», продолжающему тему происшествия в спецвагоне («Так где же правда о расстрелянном карауле?», 1989, 29 июня), под которым стоит подпись: «Отдел пропаганды и военно-патриотического воспитания молодежи». Начнем с первого опровергательного утверждения: «...поскольку автор «Правды о расстрелянном карауле» не только претендует на единоличное обладание истиной, но и пытается при этом доказать нечистоплотность, несостоятельность журналиста «Комсомольской правды», придется еще раз вернуться к тем часам, когда спецвагон № 760040 (№ 76040. —Ред.) вышел в свой трагический рейс».

Автор не мог претендовать и не претендует на обладание истиной, ибо ее может восстановить суд и только суд. Второе. Наше выступление появилось после «Случая в спецвагоне», и оно, повторяем еще раз, предлагалось «Комсомольской правде» как взгляд на проблему военного профессио-

нале. Но, как говорится, увы... Так что истина оказалась в том издании, где больше тираж. А вот насчет нечистоплотности и несостоятельности журналиста «Комсомольской правды» уточним.

Можно ли писать о событии и делать обобщения по нему, не побывав на месте события? Именно такой путь «исследования фактов» избрал Мельник. Клеймить «дедовщину» в конкретной воинской части, где на ее почве произошло ЧП, и не прийти в эту часть, не встретиться с людьми — разве это чистоплотность и состоятельность? Не похоже ли это на ситуацию, когда газетчик делится впечатлениями о пребывании в тропических джунглях, а сам, кроме как на своем садовом участке, нигде не бывал?

На стадии следствия корреспондент «КП» исхитрился — иначе не скажешь — не встретиться даже со следователем, ведущим дело Сакалаускаса, не говоря о других должностных лицах окружной и гарнизонной прокуратуры, которые имели непосредственное отношение к сложному и, можно сказать, уникальному преступлению в психологическом плане. Тем не менее Мельник в своей статье беззастенчиво заявляет: «...мне ответил военный прокурор Ленинградского округа О. Гаврилюк» (!!). Но ведь Гаврилюк и не подозревал о существовании М. Мельника и, естественно, никогда с ним не беседовал. Или еще. Корреспондент «Комсомолки», отнюдь не заочно полемизируя в своей статье с начальником политотдела управления внутренних войск по Северо-Западу и Прибалтике генерал-майором В. М. Петровым, восклицает: «Хотелось бы разделить оптимизм Виктора Михайловича. Но...»

На совещании Политического управления внутренних войск генералу Петрову был задан вопрос: «Расскажите, как же вы беседовали с тов. Мельником о методике поэтапной профилактики неуставных взаимоотношений, если он вас поставил в тупик?»

Виктор Михайлович возмутился: «Помилюйте, я и в глаза не видел корреспондента!»

Если все вышеназванное и есть чистоплотность, то что же тогда, по мнению отдела, недобросовестность? Тут бы просто надо порадоваться отделу пропаганды и военно-патриотического воспитания молодежи «КП», что генералы Гаврилюк и Петров в отличие от генерала Вязигина не написали протест в редакцию и не уличили Мельника не только в отсутствии встреч с ними, но и в передергивании их позиции по делу Сакалаускаса.

После публикации «Правды о расстрелянном карауле» и перепечатки ее журналом «Военный вестник» и десятком военных газет М. Мельник выехал в Ленинград, чтобы заручиться мнением военных юристов о «жизнеспособности» своей статьи «Случай в спецвагоне». Тут он впервые и переступил порог прокуратуры округа, где ему со всей откровенностью сказали: по-

мочь не можем ни «Комсомолке», ни вам, впредь обращайтесь не к эмоциям, а к фактам. Вот так защищала свой мундир «Комсомолка» в лице своего спецкора. В публикации «Так где же правда о расстрелянном карауле?» отдел пропаганды «КП» пытается «доказать», что «наличие, мягко говоря, «неуставных взаимоотношений» в спецвагоне кроме рецидивиста Евтухова подтверждают в деле осужденные Е. Лебедев, К. Суховский, Г. Богачев, И. Морозов. Но почему же отделу не привести вот такие показания осужденных из дела Сакалаускаса. «Е. Зиновьев: «На моих глазах фактов конфликта и стычек между лицами караула не было. Никаких звуков побоев я не слышал». «А. Гвалдов: «Стычек не видел, не слышал, чтобы кто-нибудь кричал. Заметил, что прибавил чаще других стоял на посту». «В. Баранов: «Никаких конфликтов не замечал. Видел, что солдаты бросались картошкой». «Е. Гончаров: «Драк на моих глазах не было. Как картошкой бросались друг в друга — это было».

Уж очень хочется «Комсомольской правде», чтобы «отношения солдат в карауле были хуже, чем между заключенными», но и в этом мы разочаруем авторов: более 40 осужденных не подтвердили издевательств над Сакалаускасом, и только более 10 сказали, что они имели место, но отнюдь не такие, которые «выпорхнули» из-под пера Мельника. Приведенные свидетельства явно «невыгодны» отделу пропаганды «КП», поэтому можно о них и умолчать. Ведь читатель в дело Сакалаускаса не заглядывает...

Теперь о якобы «странной забывчивости», которая вменяется автору «Правды о расстрелянном карауле». «КП» утверждает, что председатель военного трибунала округа Ю. С. Вязигин несколько раз повторял Дурневу, что выдает ему дело после корреспондента «Комсомолки» (!!). Но об этом Вязигин не только не «повторял», но и вообще не говорил по одной простой причине: полковник Ю. Дурнев в сборе фактов к очерку абсолютно никакими материалами по делу Сакалаускаса в военном трибунале не пользовался. Задолго до посещения председателя военного трибунала наш корреспондент изучил надзорное дело Сакалаускаса в Главной военной прокуратуре, в Москве, а затем 13-томное дело о трагедии в спецвагоне в военной прокуратуре округа. Там же ему показали видеоролик допроса обвиняемого. Единственное, чем поделился генерал Вязигин, — копия опровержения, адресованного в «Комсомольскую правду».

«Странную забывчивость» отдел пропаганды «КП» должен, на наш взгляд, отнести к себе. Он «забыл» прежде всего о том, что каждое выступление прессы до суда, да еще с оправдательным уклоном есть не что иное, как прессинг средств массовой информации на органы следствия и правосудия. Журнал «На боевом посту» не планировал публикаций по делу Сакалаус-

каса до решения трибунала. Но он вынужден был выступить в связи с развернувшейся массовой кампанией молодежных газет, ленинградского и литовского телевидения, которые всецело представляли убийцу как «жертву армии, ее уклада, ее командиров и политорганов». Именно поэтому автор очерка «Правда о расстрелянном карауле» поддержал позицию следствия.

Говоря об этом, приведем размышления заместителя военного прокурора, начальника следственного отдела прокуратуры Ленинградского гарнизона подполковника юстиции А. И. Марченко: «Статьи молодежных газет, фильм «Кирличный флаг», к сожалению, опираются в основном на показания Сакалаускаса и эмоции. Большую роль здесь сыграло преждевременное заключение экспертной комиссии психиатров и психологов, в том числе профессора Кудрявцева, о том, что преступление было совершено в состоянии физиологического аффекта.

Ныне в деле Сакалаускаса имеется модель преступления. На мой взгляд, это очень серьезный документ, и возникает сомнение, что Артурас совершил преступление в состоянии физиологического аффекта.

Добираясь до основных обидчиков—Сафарова и Маджунова, он вначале убивает троих: начальника караула, совсем постороннего в конфликте проводника, своего сослуживца, мало чем ему насолившего, и уже потом Сафарова, Маджунова, старшего сержанта Слесарева, с кем он сводит таким образом счеты. И заодно убивает затем еще двух свидетелей — сослуживцев. Забрасывает трупы матрацами, сжигает в топке вагона свою военную форму. Одевшись в форму прапорщика и похитив у убитых деньги, ценности, прихватив с собой пистолеты и патроны, скрывается. На станции Бабаево, назвавшись чужим именем, входит в доверие к одинокой женщине и оборовывает ее. Переодевшись в гражданскую одежду, вновь скрывается. Пытался, как он говорил на допросе, пробраться в Литву и спрятаться у бабушки в деревне. Его действия настолько четки и последовательны, что крайне трудно говорить о физиологическом аффекте.

Подобную версию и отстаивал автор очерка «Правда о расстрелянном карауле», что и разгневало «защитников» Сакалаускаса, представивших его неким агнцем, страдальцем от армии и лубочным паймальщиком. И уже совсем теряют чувство реальности некоторые радетели ложного авторитета «КП», когда позволяют себе выходы, не совместимые со статусом журналиста центральной печати. Так было с Мельником, когда, приехав в Армению после землетрясения, он в присутствии офицеров Главного и Политического управлений со свойственным ему снобизмом заявил: «Я приехал, чтобы реабилитировать внутренние войска... А этого полковника

Дурнева я сделаю подполковником...» Тут, как говорится, комментарии излишни.

В том же номере «КП» за 29 июня, где опубликован материал «Так где же правда о расстрелянном карауле?», есть информация «Погуляли...», в которой живописуется, как призывники в г. Емба, что в Коми АССР, перепившись, устроили дебош. Они перебили стекла в 15 домах, повредили несколько автомобилей, избили четырех прохожих. Милицейский наряд из 12 человек пытался образумить пьяную молодежь, но та начала избивать их ногами. В представителей правопорядка полетели камни, пошли в ход палки и пустые бутылки. Четверо сотрудников получили телесные повреждения.

Наверное, этот вопиющий факт достоин того, чтобы отдел пропаганды и военно-патриотического воспитания «КП» проанализировал положение дел с допризывной молодежью, подготовкой ее к армии, роль в этом комсомольских организаций Коми республики. Но вновь «просочилась» на страницы «Комсомолки» сенсация с оговоркой, что это случилось по вине тех, кто сопровождал призывников. Значит, опять армия «виновата», что в нее направлялась очередная толпа будущих «дедов»?

И последнее. Реплику отдела пропаганды «Так где же правда о расстрелянном карауле?» «Комсомольская правда» опубликовала в те дни, когда вышло в свет постановление Секретариата ЦК КПСС и записка к нему «Об освещении в центральной печати жизни и деятельности Советских Вооруженных Сил». В ней, в частности, говорится: «Вместо серьезного, вдумчивого анализа... широкому читателю без достаточной проверки нередко подаются всякого рода «жареные» факты. Порой отдельные, правдиво показанные детали обрастают надуманными ситуациями и оттенками, в результате чего таким выступлениям придется сенсационный характер. Так получилось с публикацией в газете «Комсомольская правда» статьи «Выстрел в вагоне» (здесь допущена опечатка, следует читать «Случай в спецвагоне». —Ред.). В ней еще до окончания следствия были сделаны преждевременные выводы о мотивах, которыми руководствовался солдат, совершивший тягчайшее преступление. Генерал-майор Вязигин направил письмо в газету «Комсомольская правда» с протестом на недобросовестное, неточное цитирование его высказываний об этом факте, однако ответа не получил, его письмо опубликовано не было. И это не единственный факт. Редакции многих изданий, отставив честь ведомственного мундира, не считают возможным печатать материалы, расходящиеся с их мнением или опровергающие его».

Амбиции не позволили «Комсомольской правде» прислушаться к постановлению Секретариата ЦК КПСС. А какова на этот счет точка зрения ее издателя — ЦК ВЛКСМ?

Отдел пропаганды журнала.

На поводе у сенсации

Рядом с домом, где я живу, есть газетный киоск. Каждое утро возле него многолюдно. Здесь и студент, и рабочий, и домохозяйка... Все мы, читатели, стоим в очереди, потому что доверяем нашей прессе, верим в правдивость и объективность публикаций. К счастью, они таковы в абсолютном большинстве.

Но не могу промолчать и о досадных издержках некоторых изданий. Ведь тот же студент или рабочий, который стоял когда-то рядом со мной возле газетного киоска, до сегодняшнего дня даже и не подозревает, что, скажем, в двух сенсационных материалах уважаемой «Комсомольской правды» (существо их мне известно до последней буквы) не все ладно, попросту говоря, не сходятся концы с концами.

Речь идет о публикациях «Случай в спецвагоне» (29.07.88) и «Так где же правда о расстрелянном карауле?» (29.06.89). Обе посвящены трагическому событию, происшедшему в спецвагоне в ночь с 23 на 24 февраля 1987 года, когда рядовой А. Сакалаускас на почве «дедовщины» расстрелял семь своих сослуживцев и проводника.

Трагедия неординарная, редкая, но на фоне борьбы с неуставными взаимоотношениями в армии, безусловно, имеет немалую общественную значимость. Статьи вроде бы действительно на эту тему. Но, судя по содержанию, все же главная их цель — защита Сакалаускаса, оправдание его преступления, то есть, по сути дела, намеренный уход от самой борьбы с «дедовщиной». Именно уход — я это подчеркиваю особо.

Предполагал ли автор статьи «Случай в спецвагоне» М. Мельник, что и строки из его материала будут неоднократно цитироваться в других публикациях, сверяться с показаниями свидетелей по рассматриваемому делу? Видимо, не предполагал. И, забыв о профессиональной обязанности во всем быть точным, при описании происшедшего почему-то часто отдавал предпочтение домыслу. Так, в протоколе допроса осужденного С. Евтухова (т. 7, л. д. 84—98) нет слов, которые корреспондентом поданы в прямой речи: «Когда я увидел, как солдаты караула издеваются друг

над другом, то просто оцепенел. Даже среди рецидивистов и уголовников отношения более теплые, доброжелательные, чем у этих солдат».

Кстати, на этот казус среди других подобных в статье М. Мельника указал в своих полемических заметках «Правда о расстрелянном карауле» полковник Ю. Дурнев (журнал «На боевом посту», 1988, № 12). Реакция автора «Случая в спецвагоне» на выступление коллеги была такой: он приехал в Ленинград, встретился (кстати, впервые) с работниками военной прокуратуры Ленинградского военного округа, чтобы оправдать свою позицию. Но, увы, помочь ему в этом мы не смогли. Только посоветовали: при подготовке материалов в газету впрямь обращаться не к эмоциям, а к фактам. Тогда же корреспонденту «Комсомольской правды» был задан вопрос: на основании чего он сделал в своей статье вывод о том, что Сакалаускас, не вынеся «процедуры дознания с многочисленными допросами и следственными экспериментами... перестал объективно воспринимать происходящее»?

Вразумительного ответа мы не получили. Да и откуда ему было взята, если с подследственным был проведен только один эксперимент. А с начала июня по 20 сентября 1987 года следствие с ним в контакт вообще не вступало, так как он был направлен в Институт имени Сербского.

Справедливости ради отметим, что не избежал неточности в своей статье и Ю. Дурнев, правда, надо отдать ему должное, он встречался с заместителем прокурора округа и дважды со следователем капитаном юстиции И. Латышевым до, а не после выхода в свет статьи, как это сделал М. Мельник.

Военный корреспондент смешал заключения судебно-медицинских экспертиз и экспертиз судебно-психиатрических, и вывод в его очерке таков: «10 мая 1987 года работа в прокуратуре по делу Сакалаускаса практически завершилась. Мы имели заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что Сакалаускас совершил умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и сильного душевного волнения в момент преступления у него не было. Заключение подписали группа ученых Военно-медицинской академии и доктор медицинских наук профессор Ленинградского университета В. Петров». Это не так, поскольку к маю 1987 года по делу были проведены только судебно-медицинские экспертизы, заключения же психиатров еще не было. Сакалаускас позднее был направлен на экспертизу в Институт имени Сербского, где специалисты сделали заключение о наличии у него физиологического аффекта.

Эту неточность И. Латышев подтвердил

при встрече с корреспондентом «Комсомольской правды». Но одновременно следователь в моем присутствии, говоря словами статьи «Так где же правда о расстрелянном карауле?», также «очень сильно посетовал» и по поводу материала М. Мельника «Случай в спецвагоне», как известно, изобиловавшего гораздо более серьезными неточностями и даже выдумками.

Предостаточно различного рода недомолвок, намеков и необоснованных выпадов и в статье «Так где же правда о расстрелянном карауле?». В частности, в ней говорится: «Вряд ли упорное замазывание всех обстоятельств, предшествовавших кровавой развязке в спецвагоне, повысит престиж воинской службы». О каком замазывании обстоятельств и кем пишет газета?

Или еще: «Не об оправдании убийцы идет речь, а об установлении действительных корней трагедии. Но, похоже, полковник Ю. Дурнев не слишком стремится к этому. Куда проще объяснить все дурными наклонностями Сакалаускаса. А факты?» Такие фразы вряд ли приблизили читателя к истине, скорее наоборот...

Возникает вопрос: зачем понадобилось «Комсомольской правде» через 11 месяцев возвращаться к статье «Случай в спецвагоне», пытаться «изобличить» Ю. Дурнева в неверном ее толковании и ошибках — они были допущены лишь в использовании медицинских и правовых терминов при написании очерка? Нам кажется, что здесь задеиствован небезызвестный прием: «Защищаясь, нападай!» Конечно, удобнее заметить в чужом глазу соринку и промолчать о том, что сам окривел. Но следствию-то очень даже видны, мягко говоря, огрехи в статье М. Мельника. В свое время на них и Ю. Дурнев не обратил внимания. А так как путь к истине один — правда, то мы их обнаружим.

Так, М. Мельник откуда-то взял, что Сакалаускас стоял на посту по 10 часов. Это не соответствует установленным данным по делу.

Далее он пишет: «Через несколько мгновений купе караула сотряс крик. «Товарищи» Артура разбудили его. Сделали так: между пальцами ног вложили комок бумаги и подожгли. Это называется «велосипед». Должен сообщить, что данных о крике в купе в ходе следствия установлено не было. Никто из осужденных, а их было допрошено свыше 170 человек, не слышал никаких криков (да еще таких, которые сотрясали!) из купе личного состава караула ночью, хотя всем им такой вопрос на допросах в прямой постановке задавался».

И, пожалуй, самый «смелый» вымысел вот в этих словах из статьи: «В туалете произошло страшное. Ударив несколько раз в живот, мучители стали лихорадочно сдирать с Артура брюки... Сколько пролежал на железном полу, не помнит. Пришел

в себя от дикой боли — кто-то поднес к его телу горящую спичку». Ситуация, как видите, описывается очень подробно, как будто Мельник был тому свидетелем. Однако следствие такими данными не располагает. В частности, о том, что мучители стали сдирать с него брюки, что лежал на полу без сознания, даже сам Сакалаускас не говорил. Других же данных в деле нет. Это ли не беспардонный вымысел?

А ведь у многих читателей «Комсомольской правды», особенно у матерей (об этом свидетельствует поток писем в прокуратуру и трибунал), сложилось мнение, что иного выхода, как расстрелять караул, у рядового Сакалаускаса не было. Но это не так. Артурас мог еще в подразделении доложить старшему начальнику о ненормальных отношениях с отделением, кстати, при инструктаже караула персонально ставится вопрос перед каждым солдатом и сержантом: может ли он нести службу в составе данного караула? Он также мог на железнодорожной станции обратиться к дежурному помощнику военного коменданта, к проверяющим караул офицерам. И еще десятки вариантов он мог использовать, чтобы защитить свое достоинство. И тогда бы не было ни преступника, ни жертв. Это, кстати, тоже к теме о «дедовщине», в которой нужно детально и спокойно разбираться, а не нагнетать события неизвестно ради чего, как это сделал М. Мельник.

Расследование по делу А. Сакалаускаса завершилось и передано в военный трибунал округа. Однако слушание откладывается из-за обострения болезни обвиняемого.

Внимание молодежных средств массовой информации к делу А. Сакалаускаса объяснить можно. Гораздо труднее понять, что же стало причиной неточностей и прямых искажений в статьях «Комсомолки», где описаны трагические события: издержки профессионализма или запланированная тенденциозность? Хочется надеяться, что в будущем и корреспондент, и отдел пропаганды и военно-патриотического воспитания молодежи газеты не позволят себе ни того, ни другого, не пойдут на поводу самими же созданной сенсации.

Вне всякого сомнения, что «дедовщина» в армии — явление позорное. С нею все активнее борются командиры и войсковая общественность. Свой вклад вносит и военная прокуратура, стоящая на страже соблюдения законности в многообразной и непростой армейской жизни. Основной принцип в нашей работе — это профилактика правонарушений и преступлений. Их число пойдет на убыль лишь в том случае, если мы будем давать им правильную оценку.

Полковник юстиции А. КОРОТКОВ,
заместитель военного прокурора —
начальник следственного отдела
военной прокуратуры
Ленинградского военного округа.

«КОНСТИТУЦИЕЙ... РАСПОРЯЖАЮСЬ Я!»

— СКАЗАЛ КОМАНДИР ЧАСТИ
ПРАПОРЩИКАМ ИЗ ВЗВОДА РОЗЫСКА

Эта история началась не сегодня, она стара, как и проблемы службы, которая занимается поиском бежавших преступников. Просто прапорщик Александр Полянский, командир взвода розыска, категорически отказавшись жить по прежним меркам, одним из первых сказал: «Хватит!». И прислал в редакцию это письмо.

«Буду откровенен: я из тех, кого одни называют настырными, другие — неугомонными, третьи — неудобными. Не обижаюсь. А еще иногда за глаза с иронической ухмылкой роняют: «Правдоискатель».

Дожили. Чем попрекаем! Над людьми, которые до истины доискиваются, не довольствуются достигнутым (если то, что мы имеем, можно считать достижением), подтруниваем, а порой открыто смеемся. Судачим: что им, больше всех надо! Больше не больше, а сверх положенного не требуем. Только то, что нужно для дела.

К примеру, офицер вышестоящего штаба Ю. Верейкин — так называемый куратор нашего взвода розыска. Знает ли он о трудностях и сложностях коллектива, о тех «подводных камнях», на которые мы то и дело натываемся! Знает и очень хорошо: я постоянно держу его в курсе дел, периодически докладываю об обстановке. Сделал ли он что-нибудь в интересах взвода, помог ли? Увы, и палец о палец не ударил. Мог бы хотя бы сообщить руководству: так, мол, и так, взвод розыска не обеспечен самым необходимым для нормальной служебной деятельности, принимайте экстренные меры. Но об этом — ни слова.

Возьмем для наглядности хронические трудности с транспортом. Может быть, для кого-то автомобиль действительно средство передвижения, а для нас, как ни странно, — роскошь. Есть несколько распоряжений, в том числе и начальника внутренних войск страны, в которых недвусмысленно разъясняется: взводу розыска автомашина положена. Казалось бы, какие могут быть

возражения, если начальник приказал: положено — берите. Тем более, век больших скоростей, прошли те времена, когда преступники пешком через всю Россию хаживали. Недостатка в «колесах» не ощущают. Это понятно.

Понятно всем, кроме офицера автомобильной службы В. Радугина, для которого, видно, никакие распоряжения, кто бы их ни издавал, — не указ. Своя рука впадыка. И многолетняя тяжба с ним, к сожалению, до сих пор ни к каким результатам не привела.

Проблема острая, сказывающаяся на качестве службы, но далеко не единственная. Ибо не только дефицит техники беспокоит нас — дефицит внимания. Когда чаще всего вспоминают о розысках! Правильно, когда возникают трудности с билетами на поезд и самолет для своего и заезжего руководства. Тогда и встречаешься лицом к лицу с вышестоящими. А то, что у нас даже мало-мальски приличного помещения для занятий по специальной подготовке нет, — дело десятое.

Теперь так: предположим, что преступника особо или не особо опасного мы — пусть даже на троллейбусе или пешком — настигли. Что дальше! Это же только в плохих кинокартинах и в книгах для среднего школьного возраста они, глупенькие, делают все для того, чтобы их взяли.

В жизни, к великому сожалению, иначе. И нередко если уж бежит преступник, то не просто так, от нечего делать, лишь бы размяться. И не намерен он легко попадаться, напротив, на все готов, только бы не взяли. А случается, и оружием распола-

БОЕВАЯ СЛУЖБА

гает, что значительно затрудняет задержание, так как мы ножам и пистолетам, пикам и обрезам можем противопоставить лишь похвальный решимость не отступать и личное мужество. Конечно, это немало и, безусловно, красит советского военнослужащего, но с оружием все же спокойнее. Согласитесь, крайне неприятная, щекотливая ситуация, когда преступника надо брать, брать нечем, но брать, повторяю, надо. И берем, но...

Насколько мне известно, работнику милиции, надумай он пойти на задержание без оружия (да и вряд ли кому придет в голову такая абсурдная мысль — снова живем), — не поздоровится. Даже если все обойдется — строго накажут. Так инструкция (к слову, очень правильная) велит: в случаях, связанных с риском для жизни, милиционер должен быть вооружен. И это,

ПИСЬМО уже собралось было опубликовать, когда неожиданно в редакции раздался телефонный звонок. Все тот же Полянский от имени взвода розыска попросил срочно прислать корреспондента в далекий уральский город: конфликт с командирами достиг критической отметки.

Оказалось, что немногим ранее аналогичные звонки были в штаб войск, в Политуправление, в УВВ по Уралу. На стол же командира части, а затем и соединения легли листы бумаги с требованиями, аналогичными изложенным в письме, но уже явно ультимативной направленности. Что толкнуло на подобные действия этих в общем-то не избалованных вниманием людей?

Ответы на вопрос были получены непосредственно в части. И ответы далеко не однозначные, ибо в слишком тугой узел сплелись здесь не решаемые годами проблемы, вопросы, на которые никто не хотел отвечать, человеческие обиды, на которые никто не желал обращать внимания. А последней каплей, переполнившей чашу долготерпения, стало получение серьезных травм пятью прапорщиками взвода в результате схватки с большой группой бывших осужденных, пытавшихся перебраться наркотики своими дружками в колонию.

Из-за этих перебросов оперативная обстановка в ИТК время от времени резко обострялась. Надо было предупредить наступление тяжелых последствий. Командир части подполковник Г. Макаров направил сюда прапорщиков С. Лутошкина, В. Бутаревича, И. Карачева, С. Авксентьева и А. Жернова с задачей патрулировать территорию вокруг объекта. Прапорщики должны были нести службу совместно с милицией и сотрудниками ИТК, но командование части это взаимодействие не организовало, и на рассвете пятерка прапорщиков оказалась лицом к лицу с пятнадцатью хулиганами, вооруженными прутьями арматуры. Военнослужащие же не имели никаких средств защиты. Их не снабдили даже радиостанциями и фонариками. Итог схватки: у прапорщиков телесные повреждения различной степени тяжести. Особенно досталось Лутошкину, около четверти часа его избивали арматурой и ногами. Спасибо часовому — позвонил в караул и вызвал подмогу.

на мой взгляд, тоже забота о людях. При чем забота по большому счету. А наши жизни, выходит, и гроша ломаного не стоят.

Когда нам говорят «надо» — мы выкладываемся, делаем. Почему же наше «надо» никого не интересует и не волнует? В том числе и тех, кто частично с высокими трибунами бросает звучные лозунги о перестройке в войсках, о необходимости проявлять заботу о людях. Абстрактную заботу об абстрактных людях! Или эти ораторы полагают, что люди, нуждающиеся в заботе, где-то там, вдали. Нет уж, здесь мы, рядом. Вполне конкретные, со своими конкретными проблемами. Будьте так добры, позаботьтесь.

Прапорщик А. ПОЛЯНСКИЙ,
командир взвода.

УВВ по Уралу.

Случай, скажете вы? Риск, от которого не застрахованы люди этой профессии? Но его можно было избежать, если бы командование более серьезно относилось к организации службы. Разве не знали командиры и начальники о сложной оперативной обстановке вокруг ИТК? Разве не ведали, что только за последний месяц у перебросчиков прапорщиками изъяты пистолет и десятки единиц холодного оружия? И, наверно, без схваток в этих случаях тоже не обходилось...

Конечно, знали. Только ведь проще так, как по накатанной колее: несут службу и ладно. И все повторялось из раза в раз.

Нисколько не беспокоило штабы части и соединения и то обстоятельство, что, задерживая гражданских лиц без представителя милиции, прапорщики тем самым нарушают законность, дают пищу для жалоб. Забыли, что времена нынче не те и люди, которые не в ладах с законом, делают все, чтобы доставить нам больше неприятностей. И вот розыскники решили, что настало время потребовать от командиров наведения порядка.

Позвонил Полянскому, который проводил отпуск в Москве, рассказали о травмах, полученных на службе. Тот, побывав в ГУВВ, срочно вылетел домой. Это не было началом конфликта, это было его развитием, ибо и ранее Полянский неоднократно обращался во все инстанции вплоть до УВВ по Уралу, писал в войсковую газету «Сын Родины», выступал перед коммунистами части, на собрании партийного актива региона, говорил о бедах взвода розыска в полный голос. И все безрезультатно.

Теперь же в требованиях Полянского зазвучали нотки нетерпимости, манера поведения стала вызывающей. Да он и не скрывал, что взял на себя роль защитника подчиненных, даже подчеркивал это.

Тут бы командиру проявить благоразумие, попытаться понять состояние людей, заботы и тревоги, которые движут ими, но где там! Взыграли амбиции: кто мне будет указывать — прапорщики?! «Мы вас успокоим, как алкашей в ЛТП», — пригрозил он Полянскому. И добавил, что немедленно пропустит всех через мандатную (!) комиссию. Прапорщика, правда, угрозы не удивили. Он ждал их и потому заранее

приготовил магнитофон, на который скрытно записал разговор, состоявшийся в комнате взвода розыска. Узнав об этом, подполковник Макаров принял контрмеры, которые при всем желании позитивными не назовешь.

Вскоре Полянского вызвали к начальству. В кабинете сидели командир, начальник штаба, врио начальника политотдела соединения и командир части. После того, как Полянский разъяснил требования взвода, он услышал: «Оружие давать не будем. Если преступник вооружен и будет оказывать сопротивление, — лучше ноги в руки, и ходу. Мне герои в мирные дни не нужны, чтобы из-за поганого зека погибал прапорщик. По билетам: брали и будете брать. Я вам в служебные обязанности вместо доставать билеты офицерам. Вы там балду гоняете, а я должен офицеров от службы отрывать». И далее в таком же духе. В заключение командир соединения потребовал отдать кассету с магнитофонной записью. В противном случае, сказал полковник, будете наказаны и впоследствии убранны из взвода розыска. Полянский упорствовал, просил не угрожать ему.

Разговор шел на повышенных тонах, эмоции били через край. Они еще более разыгрались, когда Полянскому неожиданно объявили 10 суток ареста «за неадекватное поведение со старшими». Он встал и, попросив разрешения, пошел к выходу. Ему преградил дорогу полковник Ф. Фаткиев, и, схватив за рубашку, стал трясти, требуя при этом обратиться по уставу (!).

НАВЕРНОЕ, в этот момент, впервые за несколько часов, командир соединения правильно оценил ситуацию. Возможно, он сумел увидеть со стороны все происходящее, себя, подчиненных, нашел в себе силы и спокойно сказал полковнику: «Пригласите к себе взвод и поговорите с людьми». Но полковник Фаткиев уже не мог воспринимать дельные советы, так как настроен был на иную волну: они, прапорщики, будут диктовать ему какие-то требования? Никогда!

В своем кабинете он зачитал притихшим розыскникам наскоро составленный приказ о прикомандировании взвода к штабу соединения.

«Если вы будете продолжать то же самое, то половина из вас будет переведена, а половина уволена после мандатной комиссии, — гремело в кабинете. — Идите и заходите по одному. Кому скажу «нет», тот с завтрашнего дня работать в розыске не будет. Наберу такой взвод, который будет у меня работать».

Члены стремительно созданной так называемой мандатной комиссии находились тут же и хранили молчание. Заговорили только после того, как за последним прапорщиком закрылась дверь. Политработник сказал, мол, если это аттестование, пусть занимается им специальная комиссия, отданная приказом по части. Фаткиев не стал слушать. Тогда хотя бы формы ради предложили входящих представлять. Это взял на себя начальник штаба части. Последнему было нелегко, ведь все пра-

порщики взвода розыска награждены знаком «За отличие в службе» II степени, а некоторые и первой. В их числе Полянский. В части хорошо знали, что все они добросовестно выполняют служебные обязанности, поэтому начальник штаба подполковник В. Сулин, даже не имея перед собой личных дел, давал в общем объективные характеристики. Вопросы полковника Фаткиева ничего, кроме внутреннего протеста, вызвать не могли. От прапорщиков требовали назвать фамилию, имя, отчество, год рождения, семейное положение... («Ну только статью и срок не спросил, — с обидой говорили потом они в беседе. — А так все, как на этапе. Но мы же военнотружущие, прапорщики — первые помощники офицеров. Мы до случившегося по много раз бывали в этом кабинете, а теперь вдруг слышим: фамилия, имя, отчество. Превратились прямо-таки в преступников»). Далее всем задавали один и тот же вопрос: желаешь ли служить во взводе розыска, как относишься к изложенным требованиям?

Отвечали однотипно: служить в своем коллективе желаю, требования законные.

Чтобы понять человека, говорят, надо поставить себя на его место. Просто, правда ведь! Однако не ставим, не умеем или не хотим!

С УТРА следующего дня командирский пресс продолжал давить прапорщиков. В ходе политинформации подполковник Макаров в выгодном ему свете интерпретировал требования личного состава взвода. Теперь они выглядели необъективными, а их податели — бунтовщиками.

Давайте посмотрим, что это за требования и действительно ли они незаконны.

Об оружии, автотранспорте и некомпетентности офицера, курирующего службу розыска в штабе соединения, в письме Полянского уже сказано. Далее выдвинуто требование прекратить использование личного состава взвода не по штатной принадлежности; разобраться с жилищно-бытовыми условиями, привести в соответствие с принципами социальной справедливости очередность в получении квартир; приказом по части закрепить за взводом розыска помещения, необходимые для нормальной его жизнедеятельности; дать партийную оценку стилю руководства командования части и соединения по использованию, материально-техническому и бытовому обеспечению взвода розыска.

Как видим, ничего противозаконного здесь не было и нет, хотя форма заявлений своих прав прапорщиками для нас непривычна. Пожалуй, привычнее нескрываемое желание отдельных командиров и

начальников для решения назревшей проблемы «власть употребить». Ты поднял проблему? Вот тебе десять суток ареста для начала. И нет проблем...

В этом, кстати, офицеры части и соединения не одиноки. С разных концов страны приходят сообщения от розыскников, в которых они жалуются не на большую служебную нагрузку, не на тяготы и лишения, а на неприкрытое хамство со стороны некоторых начальников, стремление унижить, оскорбить их, «говорить через губу» даже тогда, когда надо срочно приобрести билеты для родственников или знакомых. И упаси господи попросить при этом машину доехать до вокзала: нарвешься на грубость. Полковник Н. Коптев в штабе этого же соединения на вопрос прапорщика Лутошкина, на чем доехать до вокзала, чтобы доставить ему билет, с неприкрытым цинизмом заявил: «А хоть на... галопом!» (по соображениям морального плана цитата приведена не полностью). Начальник службы соединения бьет кулаком по столу: билеты!

Но бывают у невольных денщиков из взвода розыска и более пикантные поручения. Подполковнику В. Ращинскому, например, принеси водку, заплати за прокат холодильника, сходи в библиотеку за книгой, купи в магазине острodefицитный шампунь... Подполковник В. Сулин дает указание поехать на контейнерную станцию и получить контейнер для знакомой дамы из поликлиники...

Каждый должен заниматься своим делом. Обязательно профессионально и ответственно. Интересам дела надо подчинить все — таково кредо подчиненных прапорщика Полянского.

МОЖЕТ быть, такое происходит только в части, в состав которой входит взвод Полянского? К сожалению, нет. Аналогичные проблемы существуют во всех подразделениях розыска войск, и стоят они столь же остро. Просто у людей терпения больше. Далеко за примером ехать не пришлось. Командир соседнего подразделения розыска капитан А. Дорофеев рассказал: тринадцать прапорщиков роты используются не по назначению.

Люди восстают против формализма и бездушия, против бюрократического крючкотворства, когда усилили начальников направлены не на разрешение проблемы, а на то, как бы загнать ее внутрь, лишь бы с глаз долой. Смотрите, что получается: подразделению капитана Дорофеева положена машина — дали такую, что восстановить ее невозможно. Пришлось отказаться. Начальник УВВ в марте с. г. распорядился выделить взводу Полянского автомашину — выделили грузовик-развалюху,

из-за неисправностей которого дважды создавались предпосылки аварий, едва не повлекшие человеческие жертвы. Машины вроде бы и есть, но фактически розыскники без транспорта. И вот в одном случае двое из них 50 км идут пешком по зимнику «брат» бежавшего, в другом — в пятидесятиградусный мороз на попутке, в кузове, легко одетые (не дали полушубков и валенок) едут 40 км задерживать в селе дезертира. И ведь не выделили теплую одежду и обувь не потому, что нельзя, а из-за прихоти офицера тыла соединения.

Ему и другим, видимо, в голову не придет мысль, что прапорщики взвода розыска готовы недоедают, недосыпают, мерзнуть, лишь бы выполнить мероприятия в интересах всей системы розыска войск страны. Кто-кто, а они-то знают, сколько бед сотворить, сколько преступлений может совершить бежавший рецидивист. Совсем другое отношение к этому вопросу у подполковника Сулина: «Мне ваша результативность не нужна. Важно то, что я скажу». Слова он подкрепляет делом: люди просят бинокли для организации наблюдения в розыске — он отказывает в этом, дескать, вещь дорогая, мало ли что с ними сделают прапорщики. Поступает сигнал — бежавший находится у жены, нужен «брат». Полянский докладывает по команде, просит освободить ненадолго несколько прапорщиков от итоговых занятий и слышит в ответ: только после сдачи проверки. Пытается доказать: проверка — всего лишь учеба, а розыск — служба, с преступником шутки плохи. Бесполезно. Идет в штаб соединения — та же стена, звонит в УВВ — оттуда вздох сочувствия. И не более. Результат: бежавший ушел, не «дождавшись» розыскников, и не задержан и поныне.

Вывод один — командование части и соединения от организации службы по выполнению розыскных заданий по существу самоустранилось. Куратор службы розыска — капитан Ю. Верейкин к своим обязанностям относится халатно, сам по себе очень конфликтен, постоянно кричит — по-другому и распоряжения отдать не может. Даже в период работы офицеров ГУВВ он, не имея на то прав, наказал в дисциплинарном порядке исполняющего обязанности командира взвода розыска прапорщика Лутошкина. Как видим, тот же почерк, тот же стиль. Прав Полянский — бездеятельность именно этого офицера привела к тому, что основные учетные документы по розыску находятся в запущенном состоянии, вот уже многие месяцы не заполняются результатами отработки заданий. Анализом розыскных мероприятий в интересах УВВ и ГУВВ практически никто не занимается, все отдано на откуп прапорщику Полянскому. Принцип, увы, не нов: тебе надо — ты и крутись. Можно ли считать такой подход к делу государственным?

ОРУЖИЕ прапорщикам не выдают не только на службу. С. Панфилов, С. Авксентьев, О. Лях, А. Жернов почти полгода вообще не могли получить его со склада АТВ — вопрос решили только за день до приезда комиссии. Но есть еще одна, по-

жалуй, самая главная причина, по которой люди идут на вооруженного преступника с голыми руками. «Мне легче отписаться за прапорщика, чем за пистолет», — заявил во всеулышание подполковник Макаров. Чего больше в данной фразе — цинизма или боязни за свое благополучие? Над этим и сегодня думают его подчиненные. Скорее всего, и того и другого в избытке.

ПРОБЛЕМ в службе розыска много. Но самая большая и насущная — это неурегулированность правового положения прапорщика штатных подразделений розыска. Имеют удостоверения образца МВД, УВД, но в них черным по белому записано — «прапорщик». А антисоциальные элементы (а именно среди них в большинстве случаев приходится работать по розыску) заявляют: «Знаешь что, «прапор», я уже давно не в армии и не в тюрьме, а потому никаких обязательств тебе давать не буду!» И с точки зрения Закона они правы — не милиция мы, не уголовный розыск. Выделение в наших интересах по каждому случаю работника милиции в современных условиях совершенно нереально. Объясняется это тем, что, по словам Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта В. В. Бакатина, «нагрузка на оперативных работников и следователей возросла на 35%. Они уже не справляются с захлестнувшей их массой преступлений».

А выполнять задачи по розыску надо, хотя со сложными ситуациями сталкиваешься на каждом шагу: на каком основании войти в квартиру гражданина, на каком основании задержать подозрительного, по приметам схожего с бежавшим, на каком основании... Вопросы, вопросы...

Выход между тем есть. Надо на уровне Министерства внутренних дел СССР, МВД союзных и автономных республик, УВД краев и областей решить вопрос о выдаче военнослужащим внутренних войск, занятым розыском бежавших преступников, специальных удостоверений. Оформить эту акцию приказами МВД—УВД, что обеспечит и соответствующее правовое положение розыскников, и более тесное взаимодействие с территориальной милицией, да и с автотранспортом полегче будет. Коротко говоря, менее чужеродной будет выглядеть специфика деятельности подразделений розыска войск. Ведь задача их с милицией и органами внутренних дел одна — охрана общественного порядка и борьба с преступностью.

Новое всегда с трудом пробивает себе дорогу. Но по-старому подходить к проблемам уже нельзя, время не то. Все должно быть подчинено интересам государства, а не узковедомственным задачам. В правовом государстве все должно быть на законной основе. Естественно, многие командиры лишатся своего «резерва», который потребен для решения и служебных, и личных вопросов. Но давайте отыскать от барских замашек, учиться ценить людей, обходиться в организации службы тем, что определено штатами. Тогда, возможно, не будет в частях таких «крылатых» выражений, как у подполковника Ма-

карова: «Конституцией в части распоряжаюсь я!».

Несколько слов о прапорщике Полянском. Да, порой он слишком увлекается ролью защитника и выходит за рамки устава. Да, он и его подчиненные законные требования пытались решать далеко не уставными, кстати, всеми решительно осужденными методами. Но нельзя не видеть и другое: он подобрал людей во взвод и сделал коллектив одним из лучших в УВВ по Уралу, он вступает в нелицеприятный разговор с теми офицерами, кто потерял авторитет, кто недобросовестно выполняет свои обязанности. Полянский — профессионал и вправе требовать профессионализма не только от подчиненных, но и от руководителей. Иначе какая может быть перестройка?

Командиры не пожелали спокойно, чисто по-человечески поговорить с людьми, выслушать их дельные предложения, помочь, наконец. Тем более, что ничего неразрешимого не было, только с квартирами действительно трудно. Можно было просто объяснить ситуацию: когда, где сдается дом, кому в него вселяться. Вместо этого — категоричное заявление: «Жилье будет предоставляться кому нужно». И весь разговор. Каким он был по духу много лет назад, таким и остался. Но вот оказалось, что терпеть его и дальше — охотников мало. Все меньше и таких, которые готовы «балду гонять», больше людей дела. Ведь в письме Полянского и в требованиях взвода ясно прозвучало: дайте нам возможность как можно лучше выполнять свои профессиональные обязанности. А потому глубинный смысл конфликта еще и в столкновении старых подходов к решению насущных проблем, инертности с деловитостью и компетентностью новых.

— Будем поправлять командиров, учить видеть в подчиненных людей. Достоинство человека должно быть защищено, — сказал генерал-майор З. Сидоренко.

Поживем — увидим...

Подполковник А. УДИНЦЕВ,
начальник службы ГУВВ МВД СССР,
подполковник В. КУЗЬМЕНКО,
наш спецкор.

ПОСТСКРИПТУМ. В канцелярии капитана Дорощева раздался телефонный звонок.

— Давайте прапорщика, — приказал заместитель командира части по тылу. — Надо трайлер на учебный отогнать.

— Товарищ подполковник, людей нет, в нашем хозяйстве побег, вы же знаете...

— Давай человека!

— Товарищ подполковник, здесь комиссия, начальник службы из Москвы, корреспондент из журнала...

— Да! А когда они улетают!

— В 17.40...

— Хорошо, как из части выедут, позвони мне...

А потом в штаб ГУВВ пришли документы на командира части подполковника Г. Макарова. Прямые начальники представляли его к присвоению звания полковника и выдвигали на вышестоящую должность.

Еще поживем, еще что-то увидим!

**ОДНА НА ВСЕХ
ЗАДАЧА**

ФОТОРЕПОРТАЖ

В карауле по охране ИТУ несут нелегкую службу солдаты разных национальностей. Одна на всех боевая задача. И бдительны все как один.

■ Приказ очередной смене отдает начальник караула прапорщик А. Сурков.

■ На проверку внешней запретной зоны вышли рядовые Махмуд Нурбаев и Геннадий Лисник с верным Мигом.

■ «Тревога!»

■ Хорошее настроение у рядового Зохраба Алиева — скоро домой! За время службы солдат несколько раз отличался на посту, обнаруживал запрещенные к провозу предметы в автотранспорте.

**ФОТО НАШЕГО
НЕШТАТНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
В. СЕМЕНОВА**

НА ПРАВОЙ СТОРОНЕ

**СОЛДАТАМ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
С ПОНИМАНИЕМ ИХ НЕПРОСТЫХ
ОБЯЗАННОСТЕЙ**

Евгений ЕРХОВ

ПОЭМА

Запеленат во вьюгу,
чутко спит гарнизон,
где к Полярному кругу
примерз горизонт.

Все до срока уснуло —
и в коробке стальной
пуля
в шаге от дула
на подушке взрывной!

Пролегла не граница
здесь,
но, как и на ней,
так легко оступиться
каждый миг тишине.

Здесь на грани азарта
с двух сторон — свет и мрак.
С двух...

На правой казарма,
на неправой — барак.

За морозною вязью
на оконном стекле
там и там —
по приказу
почивают. В тепле!

И выходят облавой
к изголовьям их сны:
лучезарны на правой,
на неправой — чумны.

Воспаленный, как чирей,
вор стенает
во тьму:
давит прошлое гарей,
непосильной ему.

Не спихнуть и не вылезть!
И
сквозь скрежет зубной
бредит:
— Ааа-а...нна-валились
правой всей стороной!..

Просыпается в злобе,
как в ознобе, дрожа,
трусится
не в утробе —
в пятаках где-то
душа:

на углах часовые
снег подошвами мнут,
взгляды их ножевые
мимо
не проскользнут!

Слезет с нар,
воровато
постоит у окна:
«Шилом в бок бы
солдата
ради вечного сна!
Отоспался б...»

И страшно
рот ощерит во тьму.
И припомнятся брашна!
на свободе — ему.

¹ Яства. Здесь в значении застолья, гульбы.

«Ах вы,
 ножички-полосунчики,
 чик —
 и ветер у дамы в сумочке,
 вжик —
 и легок чужой карман...
 Не истечь
 дармовым кормам!»

Задохнется —
 тепла в нем нет,
 чтоб глазок на окне протаять.
 И не глянуть
 на вольный свет...
 Вой
 и ногти ломай о наледы!

И услышит
 в себе — себя,
 и зальется неслышным смехом:
 у солдата
 не лучше судьба —
 день и ночь скрипит
 тем же снегом!

«Ах ты, ножичек мой,
 полосунчик,
 не броня на часовом,
 а тулупчик!
 Заевайся он на миг,
 заглядишь —
 тут и кончатся
 мой срок, его жись...»

И — на нары. И затихнет...
 самый сон!
 Подступает к часовым он
 с двух сторон.
 От казармы —
 и желанен, и добр,
 от барака —
 словно нож
 между ребр-р-р.

Но и с той
 и с другой стороны
 часовому
 неприятели сны.

И скрипит под сапогами
 снег,
 одинаково рассыпчат
 для всех.

Кто бы где ни прошел —
 каждый шаг
 застревает
 отголоском в ушах.

Чу!
 Отсюда за тысячу верст
 слышен мне каблучок твой —
 промерз!
 А за ним —
 то ли тать, то ли вор,
 словно рвет сапогом
 коленкор.

Нет,
 слышалось, милая, мне!
 То не там,
 не в твоей стороне.
 Это здесь,
 на неправой, на той,
 обнесенной
 запретной чертой...

Из барака,
 парашею сыт,
 вышел душу унять
 экс-бандит.

Раздирающий этот
 скрип,
 словно вскрик его:
 «Сгиб я,
 сгиб...
 Ни-ку-да-не-уй-дешь,
 глазаст
 часовой,
 утесняющий нас-т...»

Не уйдет,
 я не дам уйти,
 чтоб не стал
 на твоём пути,
 чтоб к другим
 никогда, нигде
 не шагнуть от него
 беде.

И легко ты бежишь —
 чок-чок!
 Отогрелся твой
 каблучок.
 Между злом и добром
 черта
 через пост мой легла
 неспроста...

Неспроста,
 ничего неспроста!
 Там нам быть,
 где Отечеству нужно.
 Потому-то она
 и свята,
 и почетна —
 солдатская служба.

Приказали —
 не медля вперед!
 Непогода ли, страх, неохота —
 покидает десант
 самолет,
 и вгрызается в землю
 пехота.

«Милый,
 помнишь дружка своего?..»
 Помню,
 фотку прислал мне недавно.
 И берет,
 и тельняшка его
 мне бы впору пришлось и подавно!

Я не ростом горжусь,
 а что к службе гожусь.

Нет такой,
чтоб солдат не осилил.
Ведь, по сути, она —
за спиной, страна.
Защитишь,
если ты не всесилен?!

Потому нам
и власть командиров легка.
Если только бедою подуло —
«Есть!» —
коснется ладонь козырька,
и готовы шагнуть мы
под дула.

«Милый!..»

Милая,
сердце не мучь:
надо мною
ни гроз, ни туч.

...Сопредельные
две стороны
непохожие
смотрят сны.
На неправой,
чефирно сияя,
видит вор
на свободе себя,
ниже ярусом
смачно храпит,
воздух «с воли» глотнует,
экс-бандит.

А на правой,
как в гамаках,—
ах! —
солдаты качаются
в снах.
В этот час, в этот миг
все в войсках
(исключим часовых!)
в «отпусках...»

Слюнку тклет
рядовой имярек —
снится сочный ему
чебурек,
и луна
над тесниной Куры
апельсином
без кожуры!

Был в посылке
такой один,
он на всех его
разделил.
Долька к дольке —
вот и луна,
друг же к другу станет —
стена!
И ни к городу,
ни к селу
сквозь нее не пробиться
злу...

29 ОКТЯБРЯ —
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМСОМОЛА

ТОЛЬКО ДЕЙСТВУЙ!

Лишь стало известно, что в городок приехал студенческий строительный отряд, комсомольские активисты во главе с рядовым В. Кеушем предложили провести с ним совместные мероприятия. Коммунисты поддержали идею, и вскоре члены бюро ВЛКСМ подразделения встретились с командиром и комиссаром ССО.

Сначала организовали политбой «Права человека в СССР и США». «Делегацию Америки» представляли студентки, нашу — военнослужащие. Подготовили вопросы «на засыпку», зрительный зал украсили рисунком бабочки, крылья были окрашены в тона государственных флагов СССР и США. Рядом — плакат рядового С. Подлесного: сквозь окно, обрамленное символикой двух великих держав, улыбается планета.

Политбой начался с того, что делегация гостей поприветствовала нас на чистом английском с оксфордским акцентом. А затем развернулись идеологические баталии.

Трудновато пришлось студенткам отвечать, почему «у них» нет гарантированного права на труд, охрану здоровья.

Но основательно подготовились и наши соперники. На их вопросы о событиях в Нагорном Карабахе, совершенствовании советского законодательства, отношении к диссидентам требовались аргументированные и обстоятельные ответы. Вот где пригодились знания, полученные и на политподготовке, и на семинарских занятиях с комсомольским активом. Вот где появлялся широкий простор, чтобы показать эрудицию. «Американцы» довольно свободно приводили нам выдержки из работ В. И. Ленина, а наши парни наизусть «рубил» высказывания лидеров разных эпох — от Линкольна до Рейгана...

Не менее интересно прошел и КВН.

Эти молодежные встречи помогли комсомольской организации подразделения словно бы очнуться от спячки. Многие поняли, что мы выглядим совсем неплохо и на студенческом фоне.

Старший лейтенант
О. ЧЕРЕДНИЧЕНКО.

УВВ по Уралу.

ПРИШЛИТЕ «ДЕСАНТ»!

СКАЖУ сразу: идею создания «десанта» от комсомола — проблемно-целевых групп — мы отнюдь не воспринимаем как «палочку-выручалочку», панацею от всех болезней. Это просто одна из многообразных форм деятельности организаций ВЛКСМ. Необычная форма, новая. Родилась она в Сухопутных войсках. Перенимая опыт у сухопутчиков, мы, разумеется, не занимались механическим копированием. Но основные принципы формирования «десантных» комсомольских групп и их деятельности перенесли в наши условия без изменений.

В задачи «десанта» входит изучение комсомольской жизни подразделений, анализ проблем, волнующих молодежь, генерация конкретных импульсов перестройки непосредственно на месте, в гуще событий.

Но случилось так, что поначалу проблемно-целевые группы были созданы только на бумаге, то есть исчезали, не успев возникнуть. Поэтому нужен был как воздух первый практический опыт. Организовать его удалось в комсомольском коллективе, возглавляемом старшим лейтенантом С. Поповым. Кроме Сергея в группу вошли пять активистов — те, кто проявил себя толковыми организаторами, настоящими вожаками в своих первичках. Это ефрейторы В. Маргуля, А. Бережной, М. Пухлов, рядовые Г. Джаниян и У. Кадырмышев.

И вот «десант» должен был высадиться последовательно во всех подразделениях части. Цель операции формулировалась несколько расплывчато: глубоко вникать в обстановку и помочь комсомольским организациям в решении наиболее важных проблем.

...Получив в штабе части командировочные удостоверения, «десантники» отправились в свой первый рейд. И в первом же подразделении (им командует офицер П. Ильенко) активисты попали, как говорится, с корабля на бал — были приглашены на вечер чествования передовиков социалистического соревнования. Что тут сказать... Чересчур официальным выглядел тот праздник. И выступавшие, и зрители чувствовали себя скованно. И слова на вечеру звучали какие-то затертые, казенные. При всем при этом видно было, что мероприятие активисты роты готовили старательно. Почему же такой результат?

После первых бесед с комсомольцами у членов группы начало складываться нелестное мнение о секретаре бюро ВЛКСМ роты. Рядовой А. Верзилов, а с ним и другие члены бюро практически бездействуют. Отсюда блеклые, ничего не решающие комсомольские собрания, низкая действенность комсомольской работы. Неудачный вечер чествования — одно из проявлений сложившейся в комсомольской организации обстановки.

С Верзиловым и остальными членами бюро был долгий разговор. Критика, похоже, повлияла. Ведь одно дело, когда на твои недостатки указывает комсомольский работник, другое — когда это делают такие же ротные секретари...

Потом на пути группы были другие длительные остановки. И всякий раз активисты выходили на набережные в подразделениях проблемы. В одной из рот группа даже вступила в «конфликт» с командиром — старшим лейтенантом В. Павловым.

А дело в том, что солда-

ты посетовали на грубость офицера, на то, что тот «командует» комсомольскими собраниями, пытается преследовать людей за критику.

Старший лейтенант С. Попов, суммировав информацию, изложил ее командованию части. В итоге старший лейтенант Павлов был строго наказан, отстранен от должности.

Не остались без внимания и другие предложения членов группы.

В политотделе части состоялось специальное совещание, где были подведены итоги работы группы. Прозвучало мнение начальника политотдела части: подобные рейды надо проводить как можно чаще.

После первого удачного опыта старшего лейтенанта С. Попова и его команды проблемно-целевые группы начали реально действовать и в других частях. Наиболее широко распространилась такая форма работы в соединении, где помощником начальника политотдела по комсомольской работе капитан А. Климов. С каждым новым выездом методы работы групп совершенствуются. Цели и задачи определяются все более четкие и актуальные. В одном коллективе, например, группа будет изучать ситуацию с неуставными взаимоотношениями и поможет активистам первички наладить борьбу с неуставщиной. В другом — основные усилия, может быть, придется направить на улучшение «взаимоотношений» между командиром и комсомольской организацией. В третьей группе придется помочь бюро ВЛКСМ наладить досуг комсомольцев. Но, подчеркну, все они определяются еще до выезда группы. Импровизации хороши не всегда. Да и материальную базу группы

следует подготовить соответствующую целюм работы. Например, если выезд планируется по оказанию помощи в организации досуга, то закупаются (за счет комсомольских средств) необходимые вещи — игры, инструменты и т. д. Или в том случае, когда в подразделении есть случаи употребления спиртного, заранее готовится общественный суд над пьянством (пишется сценарий, подбираются исполнители «ролей», заказывается кинофильм и т. д.). В подразделениях уже привыкли, что в любой момент здесь может высадиться комсомольский «десант».

Что касается авторитета проблемно-целевых групп, не могу отказать себе в удовольствии привести слова командира соединения: «Десанты» в плане определения истинного положения дел дают порой больший эффект, чем комплексные группы штаба». Сказано это было после одного из последних рейдов. Проблемно-целевая группа тогда работала в одном из подразделений практически параллельно с группой офицеров штаба части.

Признаться, оценка командира лестна для комсомольских работников. Но только, думается, высокая эффективность групп — это не такая уж большая заслуга Климова и его коллег (хотя они, действительно, трудятся добросовестно, с энтузиазмом). Результаты их деятельности, на мой взгляд, во многом predetermined самой формой работы. Почему так утверждаю? Поясню на примере того рейда, о котором говорил командир соединения.

Одной из целей высадки «десанта» было изучение моральной атмосферы в комсомольской организации, взаимоотношений между людьми.

«Операция» прошла удачно, если только можно назвать удачей то, что было выявлено в подразделении. Оказалось, там сложилась обособленная группа воинов одной национальности, игнорирующая интересы других членов коллектива. Приблизительно в это же время в подразделении работали офицеры штаба час-

ти. Они тоже вышли на ряд недостатков. Но выявить изъяны в моральной атмосфере не сумели. Может быть, потому, что цели перед комплексной группой штаба стояли иные? Вероятно. Но все же, думается, там, где сложилась круговая порука, «приезжему» офицеру очень трудно войти в контакт, вызвать на откровенность воинов: для них любой начальник — «чужак». А члены комсомольской группы, хоть и прибыли издалека, такие же солдаты, значит, «свои». С комсомольцами воины подразделения были откровенны. Да и общались они друг с другом не в кабинетах, а в карауле, на питомнике служебного собаководства, в курилке и т. д. Словом, «команда» Климова узнала обо всем, что творится в роте, — всю «подноготную». И меры были приняты, по моему, более действенные в той ситуации, чем те, которые бы применили офицеры штаба. Посоветовавшись, члены группы собрали весь актив подразделения. Долгий, тяжелый разговор получился. Говорили резко, по-мужски. Старались пристыдить крепких, здоровых парней, поддавшихся влиянию пятерых хулиганов. На совесть «давили», на человеческую справедливость. Кажется, получилось. Задели за живое. Постепенно хмуро молчавшие до того комсомольцы заговорили. Да еще как заговорили — словно плотину прорвало.

...Уезжая из того подразделения, Климов и члены его группы были уверены, что след после себя оставили заметный. Конечно, проблему решить полностью не удалось — до этого еще далеко. Но, главное, расшевелили комсомольскую организацию, сплотили здоровые силы.

...Итак, в соединении, где служит капитан А. Климов, группы стали действенной формой комсомольской работы. Почему же в других частях наша идея не встретила отклика? Буду самокритичен, наверное, комсомольское отделение политотдела еще не проявляет должной настойчивости. Видимо, нужно лучше довести до комсомольских работников частей смысл новше-

ства. Это во-первых. А вторая причина — главная, на мой взгляд, — бюрократизм. В частях просто побоялись брать на себя ответственность. Ход мыслей армейского бюрократа прост до примитива: в проблемно-целевую группу должны входить комсомольцы — воины срочной службы, это значит, их надо на несколько дней откомандировать в дальнюю поездку, а вдруг что-то случится? И потом, как это так — солдат в роли проверяющего? А самое главное для бюрократа — проблемно-целевые комсомольские группы не предусмотрены никакими приказами и инструкциями. Принцип застойных лет, увы, живуч: что не разрешено, то запрещено. Так что, видимо, мы допустили ошибку, отказавшись от «администрирования». Пока, к сожалению, командный метод руководства в комсомоле в некоторых случаях необходим. Эту свою «ошибку» исправили. Подготовили проект распоряжения. Командование и политотдел внутренних войск Урала были «за».

Что же, комсомольское отделение отступило от своей позиции — встало на путь администрирования? Нет! Направление в войска распоряжения было своего рода тактическим ходом против бюрократов. А так всю работу по формированию проблемно-целевых групп, по направлению их деятельности решили чисто пропагандистскими методами. Совместно с войсковой газетой «Сын Родины» регулярно выпускается «Комсомольский бюллетень». В этом своеобразном органе комсомольских организаций войск освещаем ход работы нашего «десанта», распространяем опыт лучших.

Ширится движение проблемно-целевых групп, растет их авторитет. В подразделениях их ждут те, кому действительно нужна поддержка. Нам, комсомольским работникам, звонят солдаты и при встречах просят: «Пришлите «десант!» И наши «десантники», не мешкая, спешат на помощь.

Капитан Р. БОДЯК

УВВ по Уралу.

485

Совет прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы является выборным общественным органом, призванным оказывать повседневную помощь командиру, заместителю командира по политчасти, партийным и комсомольским организациям в воспитании и обучении прапорщиков и сверхсрочнослужащих, стоять на страже чести и достоинства их воинского звания, приумножать славные традиции войск.

КАКИМ Я ВИЖУ

СОВЕТ

ПРАПОРЩИКОВ

ком говорил: о воинском долге, чести, боеготовности подразделения и роли каждого из нас в общем деле. Убедительно и страстно. Потому и равнодушных, и сторонников Фролова резко поубавилось: большинством голосов приняли предложение Югая.

Все, можно поставить точку, заседание закрыто, хорошо поработал совет. Но, словно заноза, беспокоит мысль: а хорошо ли? Почему столько времени «вливали» на Фролова и ничего не добились? Где слабину дали? Да и не первая это осечка...

В ОТ УЖЕ ГОД, как я возглавляю совет. Нет, не сидим сложа руки, стараемся ничего не упустить, работаем, не считаясь со временем: стремимся предупреждать нарушения по службе

и воинской дисциплины, воспитываем у прапорщиков и сверхсрочнослужащих высокую ответственность за выполнение должностных обязанностей. Непримиримы к пьянству. Не так давно, к слову сказать, провели заседание по этому вопросу. По просьбе совета майор медицинской службы А. Саидов ярко, на примерах рассказав о пагубном воздействии алкоголя на человеческий организм. Не раз приглашали к себе на различные мероприятия офицеров штаба части В. Коломийцева, С. Кузьменко, А. Шестова. Да и сами в последнее время все больше и больше практикуем заслушивания отчетов военнослужащих о выполнении ими должностных обязанностей. Результаты? Радоваться нечему.

К примеру, младший сержант сверхсрочной службы Ш. Усманов, можно сказать, хронический нарушитель. Неряшлив, часто опаздывает на службу. Не однажды обсуждали его поведение, выносили решения одно строже другого. И наконец последнее — ходатайство перед командованием о лишении его единовременного денежного вознаграждения. Удар рублем — весьма ощутимый удар. Полагали, подействует. И ошиблись. Как нарушал Усманов дисциплину, так и нарушает. В чем же дело?

Однозначно ответить трудно. Отмечу несколько моментов. Первый: в целом совет — это сила. Но сила его — в активности, настойчивости и принципиальности каждого члена. Да, коллектив выбрал в совет достойных, оказал доверие. И все же часть его состава на собраниях и заседаниях предпочитает отмалчиваться, поглядывая на часы. И это нередко сводит на нет все усилия, ибо воспитуемые прекрасно различают ростки формализма и равнодушия в нашей работе.

П РАПОРЩИК Ю. Фролов ершится перед сослуживцами:

— Что вы меня учите? Надоело. Увольняйте и все!

Так и хочется бросить: «Ради бога, уходи». Однако молчу, жду, что скажут другие: ведь сколько людей — столько мнений. И действительно, разных душевных оттенков взгляды скрестились на прапорщике: тут и сочувствие, и равнодушие, и интерес, и, конечно, осуждение.

Прапорщик Фролов — нарушитель воинской дисциплины, а значит, и нормальной жизнедеятельности нашего коллектива. Обсуждали ли его раньше на заседании совета? Да. Но жалели, уговаривали, объявив общественное порицание, надеялись: поможет. Верили, что откликнется он на человечность и долготерпение товарищей, возьмется за ум. Но, увы...

— Кто желает выступить? — предлагают присутствующим.

Прапорщик Т. Рахматов бросает Фролову соломинку, дескать, парень на службе старается. Что скажут командиры — делает. Предлагает еще раз дать испытательный срок.

Прапорщик Б. Югай не столь лояльно настроен: сколько можно нянчиться? Предлагает ходатайствовать перед командиром об увольнении Фролова по служебному несоответствию.

Зашумел совет, словно лес могучий: зачем так круто, стоит ли сплеча рубить? Подряд несколько выступлений, пронизанных одной мыслью: а может, простим? Но неуверенно, робко. А вот прапорщик Н. Жураев высказался, что называется, не в бровь, а в глаз. Без патетики, но о высо-

ЕСТЬ ТАКОЕ МНЕНИЕ

Нарушители не чувствуют могучей силы коллективного мнения, единодушного опора — вот наша и беда, и вина. Почему вина — ясно, а беда? Суть в том, что советы существуют дёзно, но до сих пор нет хорошего, толкового пособия с обобщенным опытом работы лучших советов и необходимыми рекомендациями по улучшению их деятельности. Мы вынуждены порой полагаться на собственную интуицию, идти вслепую, а отсюда и ошибки, и промахи, и не всегда позитивные результаты.

Еще одна причина низкой эффективности и, следовательно, малой авторитетности совета кроется в том, что, случается, с его мнением руководство не считается. Изредка указывает мне командир роты майор Д. Михуткин; того надо разобрать, этого заслушать. Делаем, ибо помним: руководство советом по Положению осуществляет командир. Но в некоторых, особо острых ситуациях о нас забывают. Так произошло в минувшем году, когда по указанию вышестоящего командования за халатность, допущенную при несении службы, уволили прапорщиков Е. Рустамова и Р. Ваганова. И никого не интересовало, что думают на этот счет члены совета. А многие из них были против увольнения.

Другой пример. Проводили мы устное аттестование прапорщиков, оценивая, кто достоин поощрения единовременным денежным вознаграждением, а кто нет или не в полной степени. Мероприятие было, безусловно, полезным. Это отметили и командир, и активисты, принявшие в нем участие. А когда пришла пора реализовать наши слова и пожелания в конкретные дела, решение совета опять же — побоку. И некоторые нарушители, ехидно над нами подсмеиваясь, получили столько же, сколько и передовики. Мол, грош цена вашему совету.

Конечно, единоначалие — главенствующий принцип армейской жизни. И его совсем не просто соединить с расширяющейся демократизацией функционирования общества и войск. Непросто, но, видимо, надо, коли командир желает иметь боевое, активное и мобильное ядро в коллективе.

ВОЗЬМЕМ другой аспект проблемы — наши права, данные Положением о совете прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы. По нему мы имеем полное право при необходимости (эта оговорка сделана, наверное, для того, чтобы осадить ретивых: мол, куда лезете, ведь необходимости-то нет) войти с предложением к командирам, поллитработникам и в другие инстанции об обеспечении прапорщиков, сверхсрочников и членов их семей жилплощадью, путевками в лечебные и оздоровительные учреждения, а также по другим вопросам, связанным с удовлетворением их нужд и запросов. Уверяю: право это существует только на бумаге, ибо реализовать его мы практически не в состоянии. Единственно, что удалось сделать совету, если не ошибаюсь, за долгие-долгие годы, так это помочь прапорщику Югаю получить разрешение на строительство кооперативной квартиры. Об остальных вспоминать — только расстраиваться.

Путевки, конечно, выделяются. Но преимущественно в зимнее время или «горящие». Совет здесь также бессилён что-либо изменить.

Есть у нас и еще одно хорошее и важное право — право участвовать в расследовании обстоятельств и причин происшествий, правонарушений и аморальных поступков прапорщиков и сверхсрочников. Но... На объекте как-то недосчитались одного осужденного. Прибывший в роту вышестоящий начальник со слов первого встречного арестовал прапорщика Б. Каримова на десять суток, обвинив его в халатности. Когда же страсти улеглись, выяснилось, что прапорщик не виновен в случившемся. Закончилось тем, что старший начальник был вынужден публично извиниться. Об этом писал журнал в статье «Презумпция виновности». Вернемся к сути вопроса: гарантированы ли контролеры от подобного произвола в дальнейшем? Нет. Скажет командир, что ты хорош, — значит, так и есть, хорош. Скажет: плох — и все, не отмоешься от клейма.

Сейчас в стране неизмеримо возросла роль советов трудовых коллективов, защищающих интересы каждого члена своего коллектива. А что же наши советы отстают? Или военнослужащие меньше нуждаются в защите своих прав? Вряд ли.

Уже не первый год говорим о необходимости перестроить стиль и методы работы советов. А воз и ныне там: главное — отстоять интересы члена своего коллектива — нам не по силам. В лучшем случае командир может принять к сведению мнение совета.

Я за объективность. Командир — тоже человек и потому не застрахован от ошибки. И если речь идет о чьей-либо судьбе, ошибки не только можно, но и нужно избежать. Гарантия — мнение коллектива, его избранных — членов совета. Если прислушиваться к нему почаще, в том числе при назначении на должность, присвоении воинских званий прапорщиков, и дело выигрывает, и авторитет совета поднимется (единоначалию это не повредит).

И наконец, есть ли живая взаимосвязь между советом прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы подразделения, с одной стороны, и командованием части — с другой? Если и есть, то едва ощутимая. Мне, как председателю совета, в лучшем случае можно обратиться к замполиту части, то есть к должностному лицу, которому не всегда в состоянии рассказать все откровенно. Иное дело — свой брат прапорщик. Ему обо всем расскажешь. Вот я и предлагаю суды чести прапорщиков с чисто карательными функциями слить воедино с советами прапорщиков части, председатели которых могли бы стать заступниками любого, обратившегося к ним за помощью. Но при этом не отнимать права судить. Такой совет с широкими полномочиями координировал бы работу советов в подразделениях, внося элементы демократизации в войсковую жизнь.

Старший прапорщик Ш. КАРИМБАЕВ.

УВВ по Средней Азии и Казахстану.

**С
О
Л
Д
А
Т
Ы
В
Ф
Е
Р
Г
А
Н
Е**

Крошечные ребята - несмышлениши тянутся к солдатам — те гладят малышей по черноволосым головкам, угощают кто конфеткой, а кто и просто куском хлеба.. Солдатские машины привозят воду, солдат-

ские палатки стали кровом для беженцев.

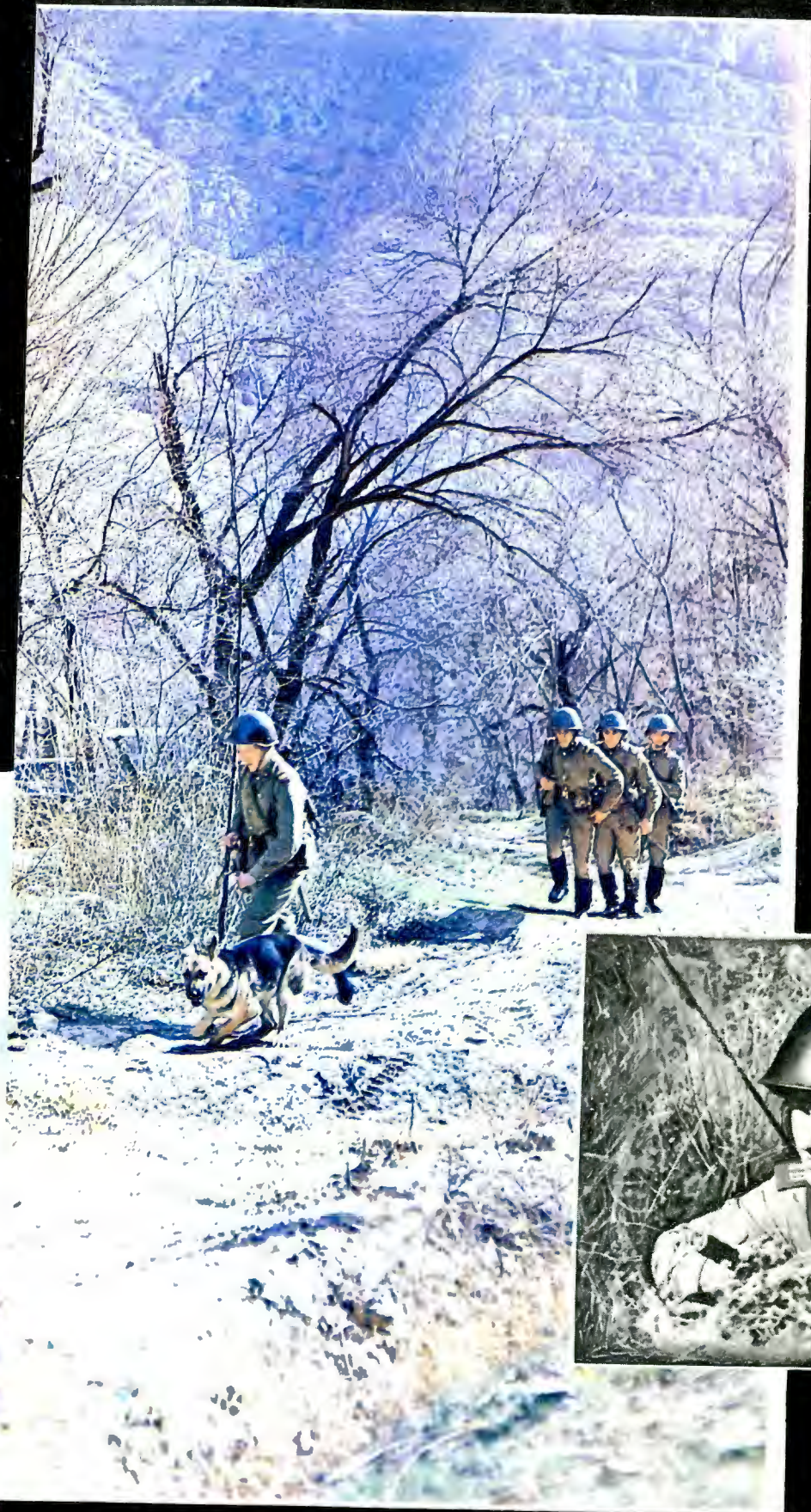
Прокаленный жарким солнцем военный полигон охраняется подразделениями внутренних войск во избежание новой резни. „Не уходите, солдатики!“ — просят женщи-

ны, старики. „Ребята, помогите!“ — просят мужчины.

Солдаты остаются. Солдаты помогают. Солдаты день и ночь настороже. Горькие дни в Фергане учат бдительности.

Фото

А. АЛЕКСАНДРОВА

Нет, на этот раз помощник начальника караула по службе собак младший сержант Валерий Сульдин и его товарищи не преследуют бегавшего опасного преступника. И радист рядовой Александр Циколенко прибыл на временный розыскной пост не по тревожному сигналу. Просто идет учеба, повседневная, напряженная.

Но ведь она—боевая. А Сульдину и Циколенко не нужно объяснять, что это такое, как надлежит действовать при осложнении обстановки.

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА.

Самый горячий участок перестройки... Так можно охарактеризовать сегодня состояние межнациональных отношений. Остроту вопроса вновь выявил I Съезд народных депутатов. Проблемы национальной политики стали предметом обсуждения на Пленуме ЦК КПСС.

Намечены революционные по своему характеру меры, направленные на укрепление дружбы народов. Они касаются и армейских подразделений. Ведь Вооруженные Силы, внутренние войска — сколок общества, и многие проблемы, естественно, у нас общие.

ФЕНОМЕН ЗЕМЛЯЧЕСТВА

О НОВЫХ ПОДХОДАХ
К ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМУ
ВОСПИТАНИЮ,
«ФАШИКЕ» В КАЗАРМЕ
И «ОКОПНОЙ ТАКТИКЕ»
ЗАСТОЯ

...В СПОМИНАЕТСЯ случай, происшедший несколько лет назад в одной из частей войск по Средней Азии и Казахстану. Однажды на стене казармы появилась выполненная мелом надпись агрессивного-националистического содержания. Причем, как это ни странно, на английском языке. Найти «автора» кощунственного лозунга не составило большого труда. Хорошим знанием английского часто хвастался рядовой В. Проскурников. Стало известно и другое: солдат любил посямковать в кругу сослуживцев некоторые, скажем так, далеко не лучшие стороны западного образа жизни.

От козвенных улик и предположений ниточка потянулась к неопровержимым доказательствам: надпись сделана именно Проскурниковым. С какой целью? «Да так, решил поразвлечься, не замышлял ничего дурного», — пытался выкрутиться уличенный в гнусном поступке комсомолец. Но когда стали серьезно разбираться (еще бы, расистский лозунг в военном городке — такое и во сне кошмарном не приснится), выяснилось, что подобным образом Проскурников «развлекается» не первый раз. Вот некоторые подробности.

Банальная завязка: «тусовки» в компаниях рок-фанатов, доморощенных панков, «направленные» занятия английским языком, чтобы черпать информацию о «звездах» хит-парадов и модных группировках западной молодежи из «первоисточников». Через это, впрочем, многие проходят, так что к мотивам юношеских увлечений Виктора Проскурникова можно было бы отнестись с пониманием. Если бы не одно обстоятельство. С некоторых пор в сфере его интересов оказались музыкальные ансамбли и политические организации, культивирующие идеи насилия, расовой дискриминации, антисоветизма. Дальше — больше: Проскурников и его приятели увлеклись «игрой» в тех, чьим символом явля-

Став солдатом, он решил вовлечь в эту «игру» некоторых сослуживцев. Начал знакомить их с бредовыми идеями об «избранных» и «неполноценных» народах. Пичкал рассказами о бандитских вылазках расистов в западных странах и тут же прозрачно намекал, что и у нас-де не мешало бы использовать этот «опыт», имея в виду многонациональный коллектив роты, в котором, как он, Проскурников, полагал, не должно быть места принципу равенства по отношению к представителям кавказских и среднеазиатских народов.

Такова кульминация этой истории. А вот ее закономерная развязка. Комсомольцы подразделения, разобравшись, какую опасность представляет «агитация» Проскурникова, сурово осудили его, единогласно постановив на собрании исключить из рядов ВЛКСМ.

Слов нет, это частный случай. Но, учитывая сегодняшнюю обстановку в сфере национальных отношений, трудно дать гарантии в том, что мы застрахованы от попыток новых проскурниковых внести в воинские коллективы дух национальной вражды.

Годы искусственного насаждения политического оптимизма породили различные формы протеста против фальши командно-административной системы. И далеко не все они теперь придают ускорение перестройке. Многие уходят в мутную пену, поднимающуюся на волнах революционного обновления. Речь, в частности, идет о тех, кто в стремлении вернуть своему народу якобы утраченное достоинство прельстился идеями махрового национализма и шовинизма. Большой резонанс среди читателей вызвала как-то опубликованная в «Неделе» статья «Фашики». Там приводятся рассуждения одного из членов так называемого «национального фронта»: «Мы требуем стерилизации неполноценных народов, решения жилищной проблемы путем выселения недочеловеков из благоустроенных квартир». Читая это, вспомнил историю с

Проскурниковым и невольно подумал: многим школьникам, учащимся ПТУ, которые сегодня «играют» в «национальный фронт», завтра предстоит надеть солдатскую форму. Не позавидишь их будущим армейским воспитателям.

Здесь нет попытки намеренно сгустить краски, придать ситуации излишний драматизм. Реальность требует учитывать все происходящие в обществе процессы, и в первую очередь неожиданные, непривычные, к которым уже не подходят стандартные приемы идеологического влияния. Как, скажем, противодействовать «вирусу» национального эгоизма, заразившему некоторых молодых солдат, призванных из республик, где отмечались вспышки национализма? Как освободить сознание определенной части войсковой молодежи от заскорузлых этнических стереотипов, предрассудков, приводящих подчас к недоразумениям и конфликтам? А взять вопрос о создании условий для реализации национального достоинства, духовных запросов воинов. Разве можно решить его, руководствуясь старыми подходами?

МНОГИЕ грани национальных отношений предстают сегодня в новом свете. В соответствии с этим должна строиться и работа по сплочению воинских коллективов. Однако зачастую как не учитывались, так и не учитываются в ней непростые реалии, связанные с обострением межнациональных противоречий. С одной стороны, мешают инертность, привычка действовать только по указаниям сверху, боязнь проявить самостоятельность, инициативу, а с другой — недостаточная компетентность в вопросах национальной психологии, культуры, традиций: раньше этому внимания не уделяли, пребывая в плену иллюзий о бесконфликтности межнациональных отношений. Теперь расплачиваемся за поверхностные, утопические представления о жизни в нашем общем доме.

Вот характерный для нынешнего времени пример. В части внутренних войск, дислоцирующейся на территории Эстонии, сложилась в прошлом году весьма своеобразная практика политической работы вокруг событий, связанных с деятельностью Народного фронта республики. В двух словах ее можно охарактеризовать так: что бы ни происходило за территорией военного городка, делать вид, что личного состава это не касается. Но превратить воинский коллектив в «закрытую зону», когда вокруг накаляются страсти, так же невозможно, как невозможно заставить человека не думать о том, что его волнует. А волновало воинов многое. На улицах города нескончаемые митинги, демонстрации. На что направлены требования их участников? В местной печати ведется острая полемика о республиканском гражданстве, национальных вооруженных силах, хозяйственной самостоятельности, государственном статусе эстонского языка. Попробуй разберись в потоке противоречивой информации. А разобраться необходимо. Иначе как определить свое отношение к происходящему, дать ему правильную оценку?

В это время в часть был командирован офицер Политического управления войск. Первая же его встреча с воинами показала, насколько остро нуждаются они в умном партийном слове, в доверительном обмене мнениями с опытным пропагандистом. Особенно много вопросов задавали молодые солдаты, призванные из Эстонии. Вопросы прямых, откровенных, требующих таких же откровенных ответов. Разгорелся импровизированный диспут по национальным проблемам. Каждый получил возможность высказать свою точку зрения, поспорить. Ведя свободный диалог, пришли к единому мнению: забота о процветании своего народа не должна затмевать общенациональные цели и интересы. А они в том, чтобы набирала силы перестройка, развивалась демократия, крепла дружба — тогда и ссоры прекратятся в нашей многонациональной семье.

Подобные политические беседы в открытой дискуссионной форме можно было организовать, не дожидаясь представителя вышестоящего политоргана. Но не нашлось среди коммунистов части смелого идеологического бойца. И здесь не только вина, но и беда партийной организации: крепко приучила к осторожности «кокопная тактика» застоя. Но сейчас — эпоха гласности. Она заставляет решительно избавляться от идеологических стереотипов и табу на обсуждение волнующих проблем. Это хорошая политическая школа. И уже есть первые успехи в усвоении ее уроков.

ПРИМЕТЫ, свидетельствующие о перестройке работы с учетом национального фактора, появляются во многих воинских коллективах. В их числе и часть, политаппарат которой возглавляет подполковник А. Новиков. Не менее трети проводимых мероприятий связаны здесь с проблемами интернационального сплочения личного состава подразделений. И вот что примечательно: многие из них направлены на изучение и использование в практике политико-воспитательной работы национальных особенностей, нравов и обычаев воинов, призванных из разных республик. Безусловно, это очень важное направление перестройки. Жизнь показала: обитая в общем доме, мы все еще плохо знаем друг друга. А ведь каждый народ имеет свою историю, гордится трудовыми и ратными традициями, выдающимися людьми. Различаемся мы не только чертами внешности, обычаями, но и психическим складом, выражающимся в особенностях национального характера, темперамента. С этим надо считаться, проявлять терпимость к чужим привычкам и вкусам, конечно, при том условии, что в них заложено здоровое начало. Чтобы крепла наша дружба, мы должны знать проблемы, волнующие тот или иной народ, трудности, с которыми он сталкивается. Речь тут идет об элементарных, азбучных навыках культуры межнационального общения. Увы, порой даже они — в дефиците...

Офицер Новиков рассказал мне об одной беседе с комсомольскими секретарями. Дело в том, что активисты отказались

участвовать в организации дней союзных и автономных республик. И вот почему. По их словам, в такие дни представители народа, в честь которого проводятся массовые мероприятия, начинают проявлять чванство, требуют выполнять все их прихоти, что, естественно, приводит к конфликтным ситуациям.

Как ни парадоксально, даже праздники при низкой культуре взаимоотношений могут «провоцировать» рецидивы «дедовщины» с национальным уклоном.

Этот случай красноречиво свидетельствует: сколько же еще неподнятой целины в интернациональном воспитании предстоит, образно выражаясь, вспахать и засеять зернами доверия и уважения. И тут не отделять одной-двумя шумными кампаниями с «валовым» подходом да «массовым» охватом. Вспомним, сколько в застойные годы проводилось всевозможных юбилеев, декад, фестивалей, прославляющих нерушимую дружбу народов. Помогли они решить проблемы, накопившиеся в сфере межнациональных отношений? Нужны праздники, и массовость нужна — кто спорит. Но жизнь все же протекает не на клубных и дворцовых сценах, а в трудовых, ратных буднях. Стало быть, здесь и надо сосредоточить основные усилия по сплочению многонациональных воинских коллективов.

И, конечно же, успех в этом деле будет зависеть прежде всего от умения офицеров управлять процессами, происходящими в подразделениях, откликаться на запросы подчиненных, видеть в них не безликую, однородную массу, а многообразие характеров и судеб. Не всем это удается. Многие предпочитают прямолинейные подходы, не понимая, что принцип казарменного единообразия имеет свою разумную сферу распространения. Для того, чтобы влиять на межнациональные отношения, нужны более сложные психологические инструменты.

Хорошим подспорьем в повышении методического мастерства офицеров, необходимого для успешной работы в новых условиях, подполковник Новиков считает собеседования по вопросам интернационального воспитания. Он, как заместитель командира, а также секретарь парткома майор С. Кирилук проводят такие встречи с командирами и политработниками подразделений регулярно. В процессе собеседований проверяются знания руководящих документов, проводится обмен опытом, обсуждаются наиболее важные направления работы.

Собеседование, на котором мне довелось присутствовать, Александр Константинович проводил в связи с прибытием в часть молодого пополнения. Но разговор не ограничился проблемой ввода в строй новобранцев. Регионы их призыва вновь напомнили офицерам о явлении, будоражащем жизнь казармы. Землячество по национальным признакам — так называется этот своеобразный феномен.

Отношение к нему неоднозначное. Можно и нужно понять потребность воинов в общении с земляками. Но именно в таких группах чаще всего проявляются национальная замкнутость и чванство. Чис-

ленный перевес представителей одной национальности дает им возможность верховодить над сослуживцами, притеснять тех, кто оказался в меньшинстве.

Наблюдается тенденция к росту сплоченности и организованности некоторых национальных групп, отмечали политработники, обмениваясь мнениями на собеседовании. В части был случай, когда азербайджанцы, собравшись тайком, решили, что ни уговорами, ни наказаниями их не заставят взять в руки швабру. Вскоре стали затягиваться тугие узлы конфликтов. Разрядить напряженную ситуацию удалось благодаря вмешательству командира батальона подполковника Р. Гурчиани. Хорошо зная психологию кавказцев, он нашел подход к «возмутителям спокойствия», убедил: настоящему мужчине не зазорно взяться за любую работу, если этого требует долг. Авторитет комбата оказался сильнее ложных представлений о национальном достоинстве.

Главная проблема землячества — в противоречивом характере этого явления. Надо создавать такие условия, чтобы воины одной национальности не отгораживались от коллектива, могли выразить свои национальные чувства, верность добрым традициям родного народа не только среди земляков, но и в широком кругу всех сослуживцев — тогда национальные группы будут отказываться от «воинственных» замашек. Многие зависит и от подходов к неформальным лидерам «землячества»: лучшие из них могут стать помощниками офицеров, если только правильно направлять их авторитет и организаторские способности, вовлекать в активную общественную и комсомольскую работу.

Все эти вопросы поднимались на собеседовании у подполковника Новикова. Получился пусть небольшой, но, несомненно, полезный урок по совершенствованию практики интернационального воспитания. Главное, чтобы он вышел за рамки кабинетного разговора, помог в решении тех проблем, которые так волнуют офицеров.

И ЕЩЕ ОДИН запомнившийся мне эпизод. Как-то, собирая материал для этих заметок, я познакомился с двумя замечательными парнями. Норайр Арутюнян и Арнольдас Верикас зовут их. Оба солдата — умельцы, мастера на все руки. Командир подразделения, политработник не нахвалятся ими.

Однажды Норайр был в плановом карауле, а в это время замполит поручил ефрейтору Верикасу обновить в роте наглядную агитацию. «Разрешите подождать, пока Арутюнян вернется, — попросил Арнольдас. — Когда мы вместе, дело идет веселее и получается лучше».

Рядовой, будничной эпизод, подобных ему — не счастье. Но именно в таких эпизодах человеческой жизни заключен глубокий смысл, одинаково близкий философу и рабочему, хлеборобу и воину: быть вместе, в дружбе вершить наши дела — вот непреходящие ценности для людей и народов.

Майор Ю. КИСЛЫЙ.

ВСЕ начиналось по-доброму. В июле прошлого года прислал тогда еще подполковник внутренней службы В. Ковалев в редакцию деловое, хотя и несколько пространное письмо, поделился соображениями по поводу больной темы — проблемы взаимоотношений войск и ИТУ. Заинтересованная не менее Владислава Максимовича в придании этим контактам плодотворного и добросердечного характера (в чем легко убедиться, перелистав любой номер журнала) редакция от души поблагодарила автора, заверив, что письмо его найдет свое место в журнале.

Смущали, правда, некоторые обстоятельства. К примеру, непонятно было, почему автор выражает столь серьезное беспокойство по поводу событий в ИТУ и в ротах, отстоящих от сегодняшних дней «на 8—10 лет». Что мешало ему поведать о них раньше? Внешне радея о единстве целей и помыслов военнослужащих и администрации, тов. Ковалев тем не менее изредка противопоставлял их друг другу, и не только используя местоимения «мы» и «они». У первых (ИТУ) все было хорошо, просто замечательно, тогда как у вторых (рота) — из рук вон плохо. При такой большей частью искусственно создаваемой поляризации интересов и результатов практика взаимоотношений, увы, терялась за чередой давних негативных фактов «из воинской жизни». О взаимодействии общалась скороговоркой: «не получил ответа...», «пришла обтекаемая отписка...» Так изображалась «обратная связь» — деятельность войск.

Но не это главное. Суть в том, что письмо это пришло сразу же после того, как полковник В. Лосев, начальник отдела журнала, побывал в УЛИТУ и показал начальнику управления генерал-майору внутренней службы В. И. Сныцереву

ПОЧТОВАЯ КАНИТЕЛЬ

- К ЧЕМУ ПРИВОДЯТ ПУСТЫЕ АВТОРСКИЕ АМБИЦИИ!
- «НЕ БОРОТЬСЯ, А СОТРУДНИЧАТЬ» [1988, № 10]!
- ТОЛЬКО БОРЬБА!
- КАК НАЧАЛЬНИК ИТУ УЧИЛ НАШ ЖУРНАЛ РАБОТАТЬ.

подготовленную к печати статью «Не бороться, а сотрудничать». Вот тут-то — не раньше и не позже — и объявились доселе молчавшие, желающие изблечить редакцию в частности и войска в целом. И хотя автор ничем не выдает того, что ему известно содержание статьи, он красной нитью проводит основную мысль: с приходом тов. Сныцерева «резко изменилось и коренным образом улучшилось» отношение «к решению бытовых проблем военнослужащих»; тов. Сныцеров «при каждом своем приезде... лично проверяет состояние караульного помещения и КПП»; генерал дает «разрешение и совет» в решении проблем и так далее в подобном духе. Случайное совпадение? Может быть, но какой пафос, какая настойчивость!

После публикации «Открытого письма начальнику УЛИТУ генерал-майору внутренней службы В. И. Сныцереву» мы получили немало откликов наших читателей, большинство из которых однозначно приняли сторону полковника В. Лосева, автора статьи. Разумеется, пришло письмо и от Владислава Максимовича (его, честно признаться, уже ждали), в котором он категорично заявил, что настаивает на публикации настоящей и предыдущей корреспонденций. Никто бы не возражал, более того, так

и планировалось «подать» отклики, да вот незадача — Владислав Максимович поставил серьезное условие: публиковать «полностью, без купюр, без «причисывания» и «приглаживания»... не экономя каждую строку».

Этот ультиматум немало удивил сотрудников редакции. И вот почему. Во-первых, никто не давал Владиславу Максимовичу повода и права так разговаривать с официальным печатным органом: свобода высказывать свое мнение, за которую он ратует, ничего общего с бестактностью и менторским тоном не имеет. Во-вторых, то, что тов. Ковалев назвал «причисыванием» и «приглаживанием», к его сведению, во всем цивилизованном мире принято считать литературным редактированием. И, в-третьих, письма «тянули» почти на шесть журнальных страниц текста, а прав на публикацию у тов. Ковалева было ничуть не больше, чем у доброго десятка других читателей, откликнувшихся на выступление журнала.

Забегая вперед, отметим, что материал Ковалева занял столько же журнальной площади, сколько все остальные, вместе взятые. И это вовсе не означает, что по своим публицистическим достоинствам и характеру деловых предложений он превосходит другие. Просто

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

редакция пошла навстречу автору.

Итак, решив сократить письма тов. Ковалева (главным образом за счет изъятия из них цитат, например Шота Руставели, и ухода от иных литературных параллелей и излишних детализаций факта), мы поставили Владислава Максимовича в известность. Ответ не заставил себя долго ждать — в чем другом, а вот в оперативности тов. Ковалеву не откажешь. Разгневанный автор настойчиво потребовал не трогать его писем, а публиковать «живьем», уверяя, что любая правка лишь навредит. Он так и заявил, что претендует «на равенство подхода к публикации с обеих сторон... без редакционных ущемлений».

Честно признаться, редакция, не привыкшая к подобным авторским амбициям даже известных всей стране писателей и публицистов, уже после этого вправе была просто-напросто отказать тов. Ковалеву. Но думая больше о деле, нежели о собственном ущемленном самолюбии, не сделала этого.

Ковалев требовал равенства подхода. Мы согласились. В свое время «редакционным ущемлением», то есть правке, в том числе и сокращению, подверглось «Открытое письмо...». Понятно, что отклик, в полтора раза превосходящий по объему «запленный» материал, не мог избежать этой участи.

То ли насмешки ради, то ли находясь в плену у собственной гордыни, Ковалев письменно уведомил редакцию, что разрешает исправить грамматические ошибки и недопустимые выражения.

А тут стало известно, что копия первого письма тов. Ковалева готовится к публикации в журнале «Воспитание и правопорядок». Считая незтичным (Владиславу Максимовичу это, увы, и в голову не пришло) публикацию одного и того же материала в двух журналах, редакция сообщила Ковале-

ву, что опубликует только второе его письмо. И указала причины.

Что предпринял Владислав Максимович? Он пустил в ход командно-нажимной метод: написал начальнику Политуправления МВД СССР. Решил, наверное, что возьмет не мытьем, так катаньем. Не отрицая, что «дело редакции решать, что доводить до сведения читателей, а что бросить в корзину», он все же настаивал «на публикации своих возражений в полном виде» и просил у начальника Политуправления содействия. Здесь же, в письме, Ковалев выдал желаемое за действительное, обвинив редакцию в затягивании ответов на его письма. Мягко говоря, это неправда, и тому есть документальное подтверждение — копии писем автору. Так, на письма, полученные 25 июля, 9 ноября и 6 апреля, ответили соответственно — 26 июля, 10 ноября, 7 апреля.

Кстати, были и телефонные звонки, и даже как-то пришла телеграмма. Подполковник очень торопился и беспокоился — может быть, не верил тому, что его письмо находится в работе? Оно было опубликовано в несколько сокращенном виде. Оскорбленный (или избалованный вниманием журнала?) автор решил искать защиты в ЦК КПСС. Вот уж где не пожалел Владислав Максимович красочных эпитетов, огульно навесив на редакцию весьма нелестные ярлыки. Обвинил нас в «трусости», «уклончивости», «непорядочности», «войсковой демагогии» и «пустом жонглировании высокими понятиями», автора «Открытого письма...» — в ханжеских разглагольствованиях, а обусуждение его статьи назвал «парикмахерской возней».

Так тов. Ковалев опустился в полемике до прямых оскорблений. Да и не полемика им затеяна была, если называть вещи своими именами, а склока. Чтобы увести в сторону действительно важный разговор, перевести его в русло анализа

личных качеств оппонентов. Именно это, убеждены, двигало автором. В противном случае ему бы пришлось касаться таких болевых вопросов, как несвоевременные выплаты военнослужащим денежного содержания, незаконные штрафные санкции, нарушения их конституционных прав на отдых и нормированный рабочий день, незаконные переносы праздничных дней, то есть, по сути, нарушения социальности. Тогда бы не смог он обойти и такие «пробелы», как скрытая незаконность осужденных, нарушения режима их содержания, забвение социальной сферы, которое, кстати сказать, распространяется на ИТУ. Но все это в поле зрения автора не входило, ибо не «работало» на главную задачу — выступить в роли адвоката генерал-майора внутренней службы В. И. Сныщерева. Надо полагать, что Василий Иванович и сам в состоянии постоять за себя. И коли он до сих пор этого не сделал, значит, не считал нужным.

Интересно, что бы сказал Владислав Максимович, если бы мы, далекие от специфики деятельности межобластной противотуберкулезной больницы, начальником которой тов. Ковалев является, стали учить его, как нужно работать! Вряд ли он был бы столь же терпелив и корректен...

Главную мысль «Открытого письма...» полковник В. Лосев вынес в заголовок — «Не боретесь, а сотрудничать». Очень жаль, что тов. Ковалев не внял этому доброму совету. Он решил, несмотря ни на что, бороться. И потому пытается воздействовать авторитетом высоких инстанций.

Решать, кого публиковать, в каком объеме и публиковать ли вообще — прерогатива редакционной коллегии. И никому не дано права ни командовать ею, ни ставить ей условия. Так-то, Владислав Максимович!

Отдел войсковой жизни.

Угасший костер

К ДОМУ, в котором он живет, можно пройти по улице Труда, но удобнее по другой — имени XXVII съезда КПСС. Дорога здесь мощеная, дома большие, добротные, из белого кирпича — самые, наверное, красивые в Лихновке. Сразу видно — поставлены на долгие годы и живут в них люди серьезные, основательные, душой преданные земле. Даже название улицы символично.

Его дом — под стать остальным, такой же крепкий и просторный. Казалось бы, все здесь в порядке: покой и достаток. Но именно отсюда ушло в далекую Москву тревожное письмо. В нем — крик души, просьба о помощи.

И вот передо мною Николай Третьяк, бывший прапорщик внутренних войск, уволенный в запас по служебному несоответствию. Невысокого роста, худощавый, с грустными карими глазами. Темный свитер спадает на брюки военного покроя. Старается казаться спокойным, но выдают руки — не может найти им место. И говорит, говорит, говорит... Многое, видно, накопилось на душе с момента увольнения, велико желание высказаться. Нет-нет да и посмотрит украдкой на фуражку с краповым околышем и китель, что висят в углу.

Письмо писал долго — несколько дней: начинал, бросал, снова брался за ручку. Еще дольше проносил его в кармане — не решался отправить: «Никогда раньше не обращался в редакцию». Так бы, наверное, и пропало оно, не заметь однажды Николай Павлович ехидной усмешки бывшего сослуживца при случайной встрече. Отбросив последние сомнения, решительно направился к почтовому ящику. Он не требовал восстановления в должности, но до глубины души обижен был на несправедливость при увольнении.

Слушал Николая Павловича и вспоминал записи в его личном деле. На службу поступил в восьмидесятом. Через два года стал прапорщиком. В восемьдесят седьмом продлили подписку. Характеристики положительные. Десять поощрений, взысканий последние четыре года не имел.

Все изменилось с января восемьдесят восьмого. За неполные шесть месяцев наказывался трижды: два раза командиром роты и один раз командиром взвода. А осенью, по итогам аттестования контролерского состава, признан был непригодным для службы и уволен из войск.

Правда, аттестацию писал уже другой командир (прежнего перевели к новому месту службы), и была она полной противоположностью предыдущей. Резко бросалась в глаза частица «не»: «...над повышением идейно-теоретического уровня не работает... в общественной жизни участия не принимает... среди товарищей по службе авторитетом не пользуется...» И внизу вывод: «Прапорщик Третьяк Н. П. занимаемой должности не соответствует. Целесообразно уволить в запас по служебному несоответствию».

Встреча с Николаем Павловичем была последней в командировке. До этого беседовал с офицерами и прапорщиками управления части, штаба батальона, роты, побывал в исправительно-трудовом учреждении. Скажу сразу: сомневаться в справедливости решения оснований нет. Принявшие его — люди компетентные, до тонкостей разбирающиеся в вопросах боевой службы.

Практически все, с кем удалось встретиться, подтвердили — прапорщик Третьяк в силу своего характера не способен положительно влиять на осужденных: одет неяршливо, грубоват, невыдержан, любитель «крепкого» слова.

Более того, нередко создает на объекте конфликтные ситуации. Приводили конкретные примеры. То он изрезал сапоги, изъятые у осужденного, то на виду у всех схватился врукопашную с нарушителем режима, и неизвестно, чем бы все закончилось, не подоспей вовремя помощь.

Оказалось, возникали трения у бывшего контролера и с сослуживцами, особенно с командирами. Свое мнение отстаивал порой нетактично, грубо. Пытался учить их работать «из благих намерений».

Откуда в нем это? Долго размышлял и в конце концов понял: зачастую его чрезмерные требования и взгляды на вещи не оправданы реальной действительностью. Позиция для общения с товарищами — не лучшая, а уж со спецконтингентом и вовсе не приемлемая.

Почему же, в таком случае, не расстался с ним раньше, по окончании подписки? Во-первых, подразделением командовал тогда другой офицер, умевший, видимо, нейтрализовать «взрывной» характер подчиненного. А во-вторых, время было иное: вопрос о гуманизации жизни осужденных особо не поднимался. Это сегодня

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМУ

увольняют из войск за ущемление прав и достоинства охраняемых, за нарушение социалистической законности.

ЧЕГО лукавить: еще бытует мнение, что, если не употребляет контролер спиртного, выходит исправно на службу, прилежно учится, — значит работник стоящий. Согласиться с этим трудно. Даже обладая многими положительными качествами, можно «не потянуть» боевую службу. Далеко не каждый способен выдержать психологическую нагрузку непосредственного общения с осужденными.

В любой профессии есть критерии, по которым оценивается пригодность к ней того или иного человека. Имеются они и в контролерской службе. Главное здесь — умение быстро и точно оценивать обстановку, принимать единственно верное решение, оставаться хладнокровным даже в экстремальных ситуациях. Прапорщику Третьяку удавалось это далеко не всегда — изменяла выдержка. Кстати, он и сам не отрицает ошибок.

Почему же появилось тогда письмо в редакцию — четырнадцать тетрадных листов, исписанных убористым почерком?

— По прочтении аттестации ощущение было такое, будто ушат грязи на меня вылили, — рассказал Николай Павлович.

Перестройка пробудила в людях активность, чувство личного достоинства и нетерпимость к несправедливости. Борясь за поруганную честь, они вынуждены писать во все инстанции, требовать защиты.

Выходит, все дело в необъективности характеристики? Подписался под ней капитан В. Андреев, в ту пору командовавший ротой. Однако разговора с офицером не получилось, поскольку документ составлял не он, а заместитель по службе контролеров старший лейтенант С. Бевзо. Почему пренебрег установленным порядком, Андреев толком не объяснил.

С Сергеем Владимировичем Бевзо беседа была долгой. Начинал офицер с контролеров. Экстерном закончил военное училище. Командовал взводом, был замполитом роты, словом, опыт работы с личным составом имеет. Тем не менее грамотно аттестовать подчиненного не смог.

По его словам, уволили Третьяка в основном из-за конфликтов с осужденными. В аттестации же об этом — ни слова. Зато фигурируют довольно расплывчатые формулировки: «...не всегда проявляет старательность, инициативу и находчивость... не всегда добросовестно относился к выпол-

нению служебных обязанностей...». Что значит «не всегда»? Характеристика должна отображать характерные, отличительные черты, свойства и качества человека. Общие фразы лишь искажают смысл.

По ходу дела выяснилось, что отдельные факты документа не соответствуют действительности. Чтобы понять причину этого остановлюсь на отношениях между командиром и подчиненным. Они не сложились. Время от времени возникали конфликты.

Конечно, характер у контролера трудный и офицеру порой не удавалось совладать с нервами, на что, кстати, ему не раз указывали старшие начальники. Словом, нашла коса на камень. Взаимная неприязнь росла с каждым днем. А тут как раз пошла пора аттестования личного состава.

Французский философ Гельвеций писал в свое время, что страсти вводят нас в заблуждение, так как они сосредоточивают все наше внимание на одной стороне рассматриваемого предмета и не дают нам возможности исследовать его всесторонне. Отбросить бы офицеру свои эмоции, взглянуть на контролера без предубеждения, посоветоваться, наконец, с общественностью. Но тычетно — в плену страстей сел он за составление характеристики. В результате наряду с вполне справедливыми формулировками «...по характеру вспыльчив... имеет неопрятный внешний вид... в обращении со старшими нетактичен...» появляются явно предвзятые — «...над повышением идейно-теоретического уровня не работает... среди товарищей авторитетом не пользуется...». А за что же, простите, поставили контролеру четверку по политической подготовке? И почему не подтвердили сослуживцы отсутствие авторитета у прапорщика?

Несправедливо показывать лишь недостатки подчиненного, умалчивая о его достоинствах. Вполне можно, да и нужно было отметить в документе такое, например, качество Третьяка, как честность. О ней говорили многие. Порицая ошибки человека, не следует ради них порицать и самого человека. Прапорщик Третьяк ошибался, но не намеренно, а в силу своего характера.

Но только ли заместитель командира роты виноват в недостаточной объективности аттестации? Думается, нет. Почему не поправили его более опытные начальники из тех, кто подписал документ? Вполне могли бы поинтересоваться обстоятельствами увольнения.

Не последнюю роль тут сыграла и практика, сложившаяся во времена застоя, когда на увольняемых в запас по служебному несоответствию пишут характеристики самые что ни на есть плохие — иначе не уволят.

А как еще понимать историю с Третьяком? Судите сами. Был контролер в течение восьми лет положительным: авторитетный, вежливый, опрятный — и вдруг буквально за месяц превратился в злостного нарушителя. Получается — испортили его нынешние командиры. А может, был он таким и раньше, при прежнем начальстве, да оно это скрывало?

На мой взгляд, все это время Третьяк оставался самим собой — не лучше и не

хуже: не тот у него возраст, чтобы менять характер. Просто привыкли отдельные командиры писать аттестации на подчиненных в зависимости от обстоятельств: если на увольнение или продление подписки, то отличные, на увольнение — крайне отрицательные. А у природы, сотворившей человека, не две краски — белая и черная, их куда больше. У каждого есть недостатки, но есть и достоинства. Нужно только найти их, иначе до несправедливости — один шаг. И тогда рождаются жалобы.

КСТАТИ, письма в редакцию могло не быть, поскольку окончательное решение об увольнении принимает не командир роты. Состоялось заседание аттестационной комиссии. Здесь прапорщик Третьяк выразил несогласие с отдельными формулировками аттестации, обратился за помощью к командиру части подполковнику Е. Закускину. По распоряжению последнего в подразделение выехали председатель комиссии подполковник М. Рахуба и ее секретарь — старший лейтенант П. Макаревич.

Встретились с личным составом. Служивцы действительно подтвердили, что Третьяк над повышением идейно-теоретического уровня работает, в общественной жизни участие принимает, физически развит... Офицеры пообещали устранить неточности в аттестации.

Казалось бы, справедливость восторжествовала. Но, увы, до очередного заседания аттестационной комиссии дело не дошло. Подполковник Рахуба занялся подготовкой к встрече молодого пополнения, старший лейтенант Макаревич убыл за новобранцами. А аттестация так и ушла в вышестоящую инстанцию неисправленной. Узнав об этом, Третьяк возмутился. Долго переживал, а потом написал в редакцию.

Признаюсь, работа в подразделении оставила не совсем приятное впечатление. С учебой, боевой службой, материальным обеспечением дела обстояли неплохо, а вот атмосфера в коллективе...

Многих бывших сослуживцев Третьяка куда больше волновали собственные заботы, нежели судьба товарища. Кое-кто выражал недовольство, что по «вине» проверяющего пришлось задержаться после службы. А заместитель командира роты по службе контролеров и командиры взводов решили к тому же, что приехал он специально для защиты бывшего прапорщика. Для них лично вопрос с Третьяком давно был решен — отрицательный со всех сторон. Довод — «железный»: хорошего бы не уволили.

Свое мнение на этот счет я уже высказал: поступили правильно. Но ведь уволили-то человека, не подумав при этом, что рано или поздно Третьяку придется устроиться на работу. И кадровик обязательно попросит характеристику. Поверьте, его меньше всего будет интересоваться, как бывший прапорщик стрелял или носил военную форму. Скорее обратит он внимание на личные качества человека, его моральный облик. Так зачем же писать в характеристике заведомую неправду?

Хорошо быть строгим, лучше быть доб-

рым, а еще лучше — справедливым, говорили в старину. Особенно справедливы должны быть те, кому дано право оценивать других, поскольку обыкновенный листок бумаги, скрепленный печатью, способен порой решить судьбу человека. Куда, скажите, идти Третьяку с такой незавидной характеристикой?

Уволили прапорщика.
Характеристику выдали необъективную, полагая, очевидно, что в противном случае могут оставить служить. За бумагой не видели человека, которому лжедокумент отравил дальнейшую жизнь, препятствует в трудоустройстве на работу.

...Николай Павлович умолк, тяжело вздохнул, отвел взгляд в сторону.

— Нашли работу?

— На птицефабрике, учеником слесаря.

— А как с зарплатой?

— Какая там зарплата... — он удрученно махнул рукой и отвернулся. В комнату с радостным криком вбежала маленькая девочка. «Папа, папочка...» — весело зашептала она. Следом вошла молодая женщина. Извинившись, увела ребенка.

Николай Павлович поднялся, подошел к окну. Вдали расстилался пустырь. Вечерело.

— Доводилось вам видеть в степи одинокий догорающий костер? — не оборачиваясь, проговорил он. — Пламя едва колыхнется на ветру: погаснет, вспыхнет, снова погаснет... Так и моя душа, как тот угасший костер: был когда-то жар, да ничего не осталось... Особенно тяжело пришлось в первые дни после увольнения — ну, словно пуста внутри... Не знаю даже, как и объяснить... Сейчас хоть отлегло немного, случившееся кажется дурным сном...

И никто из командиров не поинтересовался, где их бывший подчиненный, что с ним? Даже после нашего разговора не признали ошибки, остались уверены в своей непогрешимости.

Уволили Третьяка. А через несколько дней пошел на преступление прапорщик В. Захарченко: попытался вступить в недозволенную связь с осужденным. Характеристика на контролера была самая положительная: «...честный, добросовестный, занимаемой должности соответствует». Пришлось лицам, облеченным властью, срочно выезжать в часть, переписывать аттестацию. На увольнение, с приставками «не» — «нечестный, недобросовестный» и т. д.

Капитан С. БОРИСОВ.

УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР.

УЛУЧШАТЬ ПРЕПОДАВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

На очередном совещании Политуправления рассмотрен вопрос о состоянии и мерах улучшения преподавания общественных наук в высших учебных заведениях войск, повышении их влияния на действенность воспитания курсантов. По обсуждаемой повестке дня были заслушаны доклады начальника политотдела Орджоникидзевского высшего военного училища полковника И. Стомбуна и заместителя начальника кафедры марксизма-ленинизма Новосибирского высшего военного командного училища полковника Л. Истомина.

Выступавшие в прениях отметили, что политорганы, кафедры общественных наук вузов проводят работу по совершенствованию процесса перестройки обучения и воспитания курсантов.

Вместе с тем реализация курса КПСС на перестройку высшей школы требует более решительных перемен в деятельности политорганов и кафедр. Указывалось, что политотдел ОБВВКУ несколько ослабил руководство кафедрами общественных наук, особенно кафедрой партийно-политической работы, педагогики и психологии. Не случайно государственная экзаменационная комиссия предъявила серьезные претензии к качеству учебной, методической, на-

учной и политико-воспитательной работы кафедры. Партийные организации слабо участвуют в создании в кафедральном коллективе обстановки творчества, педагогического подвижничества, высокой требовательности в оценке достигнутого.

На кафедре марксизма-ленинизма НВВКУ недостаточно налажено взаимодействие со смежными кафедрами при рассмотрении таких актуальных проблем, как идеология, нравственность, перестройка, новое политическое мышление, и других. Не преодолен разрыв между обучением и воспитанием, преподаватели слабо приобщаются к изучению и формированию общественного мнения в курсантских коллективах.

В указаниях Политуправления войск обращено внимание тт. И. Стомбуна и Л. Истомина на недостаточное личное участие в улучшении преподавания общественных наук, на необходимость принять исчерпывающие меры для активизации перестройки учебно-воспитательного процесса.

Политорганам вузов, кафедрам общественных наук рекомендовано итоги сдачи комплексного государственного экзамена по марксизму-ленинизму рассмотреть в партийных организациях.

ОЧЕЛОВЕЧИТЬ СТИЛЬ РАБОТЫ

Обсужден круг проблем, связанных с реализацией установок XIX Всесоюзной конференции КПСС на овладение политорганами, партийными организациями политическими методами руководства. Основой для обсуждения послужила работа политотдела войск по Украинской ССР и Молдавской ССР, активно влияющая на выполнение ответственных задач, стоящих перед войсками региона.

С докладом на совещании перед офицерами Политуправления, начальниками политорганов частей Московского гарнизона выступил начальник политотдела войск по Украинс-

кой ССР и Молдавской ССР генерал-майор В. Н. Санин.

Подводя итоги откровенного и обстоятельного разговора, член Военного совета — начальник Политического управления внутренних войск генерал-майор А. И. Гриенко особо подчеркнул, что сама жизнь диктует необходимость очеловечивания стиля работы политорганов, партийных организаций. Без этого нам не выиграть сражения за души людей.

Предложения, высказанные на совещании Политуправления, направлены для изучения в политорганы соединений и военно-учебных заведений.

«...Младший сержант Шумейка (здесь и далее фамилия, имя, отчество военнослужащего, а также имена его жены и сына изменены.— Ред.), находясь на службе помощником начальника караула, выстрелом из автомата ранил себя в живот, чем причинил себе телесные повреждения».

Из приказа по части.

По эту сторону разлуки

В ТОТ дальний, затерянный среди лесов и озер уголок российского Севера меня привлек солдатское письмо. Писал человек о том, что, дескать, поощрен краткосрочным отпуском, но вот уже пять месяцев как его водят за нос. Разобраться что к чему оказалось не так-то просто. Командир батальона уверял, что ни ротный, ни он в своих рапортах фамилии этого солдата не указывали. Стало быть, ошибка вышла. О ней сообщили в штаб части. Его начальник сделал соответствующую вымарку, скрепив то место в приказе подписью и печатью. Ну а вычеркнутый из списка поощренных рядовой П. Шендерей все ждал и надеялся, что перед ним, по крайней мере, извинятся за пять месяцев обманутых надежд. Не дождался, написал письмо в редакцию.

Один ли он такой здесь? Стремясь ответить на этот вопрос, я встречался с солдатами, сержантами и в подразделениях, и в караулах. Тогда-то и услышал о младшем сержанте Викторе Шумейке, который, по словам сослуживцев, вместо обещанного отпуска чуть было не побывал... на том свете.

ДОБРАЯ четверть года минула с того дня, когда с Виктора сняли обвинение в попытке членовредительства и уголовное дело на основании п. 1 ст. 5 УПК РСФСР было прекращено. Но для большинства окружающих (Шумейка был переведен в другой батальон) он представлял загадку: «Нет военного билета, а на службе. Не солдат, а в погоне рядового. Без комсомольского билета, а взносы платит». Так кто же он такой, и что толкнуло девятнадцатилетнего юношу к шагу, чуть ли не ставшему для него роковым?

Внешне — парень как парень, с небольшими глубоко посаженными глазами, иногда боязливо, иногда зло, а чаще застенчиво глядящими на собеседника. Я чувствовал, что ему не хотелось заново воро-

шить недавнее прошлое, еще такое болезненное, не отпавшее вместе с бинтами. Он рассказал столько, сколько считал нужным, остальное дополнили материалы служебного расследования.

■ Из объяснений младшего сержанта В. ШУМЕЙКИ:

«Мы познакомились с Надей 19 мая 1985 года. Школа проводила «Зарницу», и я, видимо, приглянулся девчонке, гоняя по полю на мотоцикле. Потом стали встречаться каждый день. В восемьдесят шестом поступил в СПТУ, а она перешла в десятый класс. На следующий год мне предстояло идти в армию, а ей сдавать выпускные экзамены. 3 июня меня призвали, она была уже в положении, и я об этом знал.

Когда из военкомата пришли документы, подтверждающие, что Надя ожидает ребенка, меня отпустили в отпуск. Зарегистрировали брак 18 декабря, а через два дня она родила мальчика. Вышло так, что роды пришлось принимать мне: когда уже запеленал ребенка, приехала «скорая помощь». Жену и малыша забрали в роддом, я поехал с ними. 25 декабря у меня завершился отпуск. Военком продлил его на трое суток, и я смог забрать жену и сынишку из роддома, привезти к родителям. Она говорила, что будет благодарна мне всю жизнь, считала себя самым счастливым человеком. 28-го я уехал к месту службы.

С января по май мы писали очень часто друг другу. Она рассказывала, как растет сын, я—как идет служба. С конца мая по 21 июля писем от нее не было. Причину я не знал, и каждую неделю обязательно отправлял весточку. 21-го наконец-то пришло ее письмо, из которого узнал, что она изменила мне...».

ДВЕ СТРАНИЦЫ, вырванные из тетрадки в клеточку. Вместе с конвертом они подшиты к материалам расследования. Я по-

знакомлю вас с этим письмом, разумеется, не для того, чтобы удовлетворить чье-то нездоровое любопытство. Просто читатель должен доподлинно знать, с чем поступался младший сержант в командирскую дверь.

«Здравствуй, Виктор! С огромным скучающим приветом к тебе Надя и Сергуня. В первых строках своего письма спешу сообщить, что писем от тебя не получала уже две недели.

Ты знаешь, не хочется мне писать об этом, но никуда не денешься. Мне это уже надоело хуже горькой редьки. Я не знаю точно, кому в нашем городе нужны твои письма, но меня, вероятно, считают за дурочку и дают понять: письма все-таки кто-то перехватывает. Я устала, короче, ждать писем. Мне тут как будто не хотят дать с голоду умереть: принесут письмо раз в месяц — живи и радуйся. А ведь прекрасно знаешь, какой я псих и все что угодно могу сотворить. Я себя считаю мразью, тварью, идиоткой, кем угодно. Но я не хочу, чтобы тебе написал кто-то. Короче, я тебе изменила. Ну, всплыла, познакомилась с парнем возле военкомата. Но у меня с ним ничего не было, хотя, может, тебе расскажут совсем иначе. Но знай, я тебе пишу истинную правду, хоть и врать умею, может, даже похлеще тебя. Лично ко мне он приезжал всего 2 раза. А вообще сюда приезжает к друзьям — к Сане, к Светкиной соседке, вернее к ее мужу, а лично ко мне всего два раза.

Только так я пишу тебе это не в оправдание, а просто, чтобы знал. И я тебя прошу очень-очень, если тебе дорог твой сын (не я, нет, а сын), не нужно ничего делать, не нужно пускать руки в ход. Я же знаю, ты это можешь. И оскорблять тоже никого не надо.

И будь так добр, напиши ответ на это письмо и вопрос: «Почему тогда, когда мы шли из поссовета и я сказала, что легче развестись, чем расписаться, ты ответил: «Посмотрим?!». Ну, если смотреть, то, по моему, это время уже наступило.

Надежда».

И крупно, через оставшуюся страницу ровным почерком выведено: «Только не буйся. Я тебя уверяю: ничего страшного не случилось».

■ Из объяснений командира батальона майора А. ХАЧАТУРОВА:

«В конце июля ко мне обратился младший сержант Шумейка с письмом от жены. В беседе он изъявил просьбу о краткосрочном отпуске по семейным обстоятельствам, чтобы самому во всем разобраться. Я ответил, что доложу командиру части и ответ дам в ближайшее время...»

И действительно, вскоре в батальон прибыл командир части полковник М. Дуда. Побеседовав с младшим сержантом, он сказал ему, что к 25 августа закончится ввод в службу молодого пополнения и в интервале от двадцать пятого до первого сентября отпуск будет предоставлен. И тут же попросил комбата напомнить об этом разговоре через две недели, аккуррат к названной дате. Однако на деле все вышло иначе.

За подписью командира части в военкомат, откуда призывался Шумейка, была направлена вот такая телеграмма:

«Прошу вас обследовать и взять на контроль семейное положение военнослужащего нашей части Шумейки Виктора Андреевича. Он получает плохие письма от своей жены, угрожает разводом, что отрицательно сказывается на его службе». (И далее сообщался адрес Надежды).

АХ, КАК все у нас просто: встал вопрос — направляй запрос. Слово дело идет о протекающей крыше или трудностях с дровами. Перечитайте еще раз письмо молодой женщины. Уверен, никто не скажет определенно: чего она больше добивалась своей исповедью — развала или сохранения семьи? А каково же было разбираться в этом людям, которые и в глаза не видели того письма? Как обследовать «семейное положение» в столь пикантной плоскости: задавать вопросы в лоб или прикажете собирать сплетни и слухи?

Впрочем, не будем разгадывать чужие «профессиональные тайны». Нам хотя бы узнать, какой ответ рассчитывали получить офицеры-руководители на свое послание в военкомат? Читая телеграмму, не поразишь даже, кто кому угрожает разводом. Не говорю уж о такой деликатной туманности, как «плохие письма». Или, может, по-здешнему это синоним женской неверности?

Задать свои вопросы Михаилу Петровичу Дуде я не смог: он находился в отпуске. А вот Александра Георгиевича Хачатурова спрашивал. Но если что и прояснил для себя, так только то, что перед случаем с Шумейкой подключали военкомат разбираться с житейскими неурядицами рядового Алиева, в недавнем прошлом курсанта военного училища. Но, насколько я понял, там и речи не было об измене.

Как бы то ни было, но и на этот раз майор Хачатуров звонил в штаб части. Телеграмма на родину младшего сержанта ушла 8 августа, а 15-го помощник начальника отделения прапорщик В. Гарцевич продиктовал Александру Георгиевичу полученный ответ:

«Сообщаем, что в беседе с Шумейкой Н. В.—женой военнослужащего Шумейки В. А.—установлено, что о разводе она совершенно не думает, а тем более не пишет. Получила от мужа посылку и поздравление с днем рождения. Сразу же ответила ему письмом. Родители супругов живут рядом, отношения между ними хорошие. Никаких проблем и нерешенных вопросов семья Шумейки В. А. не имеет, а он, очевидно, под надуманным предлогом желает приехать в отпуск на родину.

Врио гэрвоенкома, начальник отделения».

■ Из объяснений младшего сержанта В. ШУМЕЙКИ:

«Восемнадцатого августа меня вызвал командир батальона и сказал, что пришел ответ на запрос, который посылали в военкомат, чтобы они обследовали мое семейное положение. В ответе сказано, что письма жена не только получает регуляр-

но, но и на них дает ответы, что ждет меня из армии, о разводе не думает. А я под надуманным предлогом желаю ехать в отпуск. Затем он сказал, что в отпуск я не поеду.

Расстроился, конечно, а когда пришел в роту, там лежало письмо от жены. Она писала, что не надо посылать свое начальство разбираться в наших отношениях, что насильно мил не будешь.

19 августа я пошел на службу».

В МАТЕРИАЛАХ расследования есть объяснительные командира взвода и командира роты. Оба сообщают, что душу свою перед ними младший сержант никогда не открывал, о его семейных неурядицах они узнали от комбата. Оба дают Шумейке свои оценки. Командир взвода старший лейтенант Л. Ципулин — положительную, что, в частности, отразилось и в служебной характеристике, подписанной им. Есть там лишь единственная претензия к младшему сержанту: «Допускал упрощенчество в смене часовых и их проверке».

У капитана Г. Селезнева мнение во многом противоположное. Именно с недостатков на службе он начал рассказ о подчиненном и во время служебного расследования: «Смену часовых проводил, не поднимаясь на посты, за что я его наказал, объявив 22 мая строгий выговор. С первых дней службы Шумейка к своим обязанностям относился недобросовестно, отделением командовал поверхностно. Свою работу показывал только в присутствии командира».

Вот только интересно, почему командир роты и словом не обмолвился, как тогда по итогам зимнего периода обучения отделение Шумейки вышло на отличный рубеж? И были ли в подразделении сержанты, кто мог похвастать таким же результатом? И как он поощрил победителей в социалистическом соревновании? И наконец: легко ли быть младшим командиром, ходить на службу ПНК, исполнять обязанности замкомвзвода и не услышать за целый армейский год ни единой благодарности в свой адрес?

Капитана Селезнева я тоже, к сожалению, не смог об этом спросить по причине его очередного отпуска. А, поверьте, очень хотел, и особенно когда в материалах расследования «споткнулся» о его фразу, как мне показалось, прозвучавшую не без некоторой обиды: «По личным вопросам Шумейка ко мне не обращался ни разу. И когда в июле получил письмо от жены, ко мне не подошел, не посоветовался, а сразу направился к командиру батальона».

Вероятно, Григорию Павловичу надо серьезно задуматься над этим, тем более теперь, став заместителем командира батальона по политической части.

■ Из объяснений сержанта В. МАКСИМОВА — командира отделения:

«Мы вместе были на учебном пункте, потом в сержантской школе. Дружили. Виктор всегда делился со мной своими впечатлениями. Он нормальный парень, всегда поможет в трудную минуту».

18 августа ему пришло письмо от жены. Перед службой, когда рота отдыхала, мы вышли с ним в курилку поговорить. Он был очень мрачен. Я спросил: в чем причина. Он ответил, что получил плохое письмо. Поинтересовался, что в нем. Он отмахнулся, мол, расскажет потом. Я себя виню, что не придал этому особого значения и не доложил командиру о том письме».

Сержант себя винит, что не придал значения изменению в поведении друга. Но он юн, неопытен. А вот куда же смотрели Ципулин, Селезнев, Хачатуров?

■ Старший лейтенант Л. ЦИПУЛИН: «19 августа перед заступлением на службу я встречался с Шумейкой, но никаких странностей не замечал. Последняя встреча была уже в карауле в 18.40. Ничего подозрительного».

■ Капитан Г. СЕЛЕЗНЕВ: «19 августа я лично отправлял караулы на службу. Никаких вопросов со стороны Шумейки не было. Состояние его было вполне нормальным».

■ Майор А. ХАЧАТУРОВ: «В ночь с 19-го на 20-е я был ответственным по батальону. Мне позвонили, что на объекте был слышен одиночный выстрел. Я прибыл туда. С КПП связался с пятым постом, где находился начальник караула. Он доложил, что Шумейка случайно ранил себя».

ВОТ УЖ воистину: у семи нянек дитя без глаза. И что интересно: стоило Шумейке посвятить в свои семейные сложности комбата, Хачатуров тут же дал команду внимательно за ним наблюдать. А Селезнев довольно продолжительное время обходился без этого сержанта в карауле (Шумейка заступал в нарядах дежурным по роте). Но вот пришел ответ из военкомата, и все моментально переменялось. Где та осторожность, тот догляд? Такое впечатление: словно и в батальоне, и выше камень упал с командирских плеч. Оно и понятно: никуда, выходит, парня не надо отпускать. А то ведь не ровен час натворит бед. Нет надобности его готовить к поездке: убеждать, успокаивать, советовать, наставлять... Словом, вот она в руках, счастливая ниточка: в военкомате люди умные, раскусили хитреца, который чуть было всех не обвел вокруг пальца. А письмо? Что ж, такой и жену подговорит, чтобы побывать у нее да поиграть с мальчонкой.

Так или иначе рассуждали люди, ответственные за солдатскую судьбу, не столь уже и важно. Главное — поступали они сообразно своему умонастроению. Все — от командира взвода до командира части — были вовлечены в эту историю, и тем не менее...

■ Из объяснений прапорщика С. ПЕТРЕНКО, фельдшера батальона:

«Виктора я знала, ведь он мой земляк. Знала, что женат, что растет сын. В мото-возе я спросила: «Земляк, что ты наделал? Как все это произошло?» Он ответил, что

хотел себя застрелить, но поскольку выстрелил в бок. При этом его сильно отбросило и вырвало из рук автомат. Хотел дотянуться до него и не смог, помешала сильная боль в животе... Просил передать комбату, чтоб в случившемся никого не винили и не писали домой жене. Она может с собой что угодно натворить».

ПОСЛЕ ТОГО, как уголовное дело прекратили, не усмотрев в действиях младшего сержанта состава преступления, и содеянное им из разряда «преступление» автоматически перешло в разряд «происшествие», вышел приказ по части, с которого как раз и начался наш рассказ.

«За поверхностное руководство и контроль за боевой службой» начальнику штаба батальона объявлен выговор. «За самоустранение от подбора и инструктажа личного состава, заступающего в караул» командир взвода старший лейтенант Л. Ципулин получил строгий выговор. Точно так же наказан начальник караула прапорщик О. Кметь, «поверхностно руководивший боевой службой».

«За поверхностный подбор и расстановку личного состава на боевую службу» майору А. Хачатурову и капитану Г. Селезневу — строго указано. Строго указал полковник М. Дуда и политработникам батальона майору В. Орехову и лейтенанту О. Марусу, чью роль в происшедшем мне не удалось проследить даже по материалам служебного расследования. Обоих как будто и не было рядом с Шумейкой. Ну и наконец, в отношении самого Виктора возбуждалось ходатайство перед командиром соединения о лишении его воинского звания «младший сержант».

Почему же, читая этот документ, ловишь себя на мысли, что далеко не всех по-настоящему проняла пороховая горечь того августовского выстрела?

Да, причины случившегося вроде бы и названы, но нет среди них главной. Понятно, винить в происшедшем младшего сержанта куда проще, чем признаться, что в ту роковую полночь давила на спусковой крючок автомата не только его рука, а и твоя черствость.

ВОТ, ПОЖАЛУЙ, и вся печальная история, хотя точку в ней ставить рано.

Недавно у офицеров, прапорщиков, сверхсрочнослужащих здесь год стал идти за полтора. Независимо от выслуги, им предоставлено на отдых полтора месяца, не считая времени на дороге в оба конца. А почему бы тогда же не выйти с предложением (пусть в форме эксперимента): сделать обязательным краткосрочный отпуск для солдат и сержантов, несущих службу в этих глухих местах? Ан нет, отпуск для них как был, так и остался призовым делом.

И вот что еще настораживает: ни один командир роты, а я беседовал со многими, не сказал, что его просят о поощрении подчиненных удовлетворяются полностью.

Так, может быть, задержка в батальонном звене?

— Нет, — ответил начальник штаба батальона капитан А. Москаленко.—Мы препятствий не чиним. Да и зачем, если в роте знают, кем «перекрывать» отпускника в карауле? Последний раз наш комбат ходатайствовал о пяти отпусках, шестнадцать знаках «За отличие в службе». А прочитали в приказе: отпуск только троим. Да и наградными знаками потом была поощрена ровно половина.

Рассказал Анатолий Павлович и вот с чем (правда, так и не решившись назвать старших офицеров, приезжавших в батальон из Ленинграда). Призывая личный состав удерживать хороший настрой, взятый в начале года, они обещали: «Если до первого снега побегов не будет, — четыре отпуска той роте, которая охраняет лес!» Уехали—и ни слуху ни духу. А солдаты тем временем атакуют вопросами начальника штаба, показывая на сугробы, которые выросли по груди.

Что это, как не спекуляция на чувствах людей? Солдат безответен, а потому необходимость многим еще сходит с рук. Но до какой же поры?

Не знаю, думают ли как-то перестраиваться в этом вопросе офицеры-руководители, какое мнение зреть в душе политработников, партийных активистов по поводу набившей всем оскомину разнарядки, кладущей в прокрустово ложе все дело воспитания. Но одно могу сказать определенно: зимний период обучения здесь опять начался с посулов. Выступая перед личным составом, офицеры штаба части, политотдела доводили до сознания солдат и сержантов вот такую цифирь, полученную на инструктаже: «Если подразделение в течение месяца успешно справится со своими служебно-боевыми задачами, не допустит дисциплинарных проступков, то командир соединения (помимо командира части) предоставит 1 отпуск, 5 нагрудных знаков «За отличие в службе» II степени, 5 благодарственных писем на родину, 5 грамм». Комментарии, как говорится, излишни.

В минувшем году в роте, где заканчивал службу Шумейка, 12 человек съездили по поощрению в родные края. В соседней — восемь. Много это или мало? Судить не берусь уже хотя бы потому, что при существующей системе это чересчур от многого зависит. Скажу только, что подразделения со служебными задачами справились, не допустив побегов осужденных. И тем не менее: 12 и 8.

Здесь, где перед глазами человека только лес, зона, казарма да горстка прилепившихся к ней домишек с семьями командиров и начальников, где некуда солдату толком сходить в увольнение, хотелось бы все-таки большего. Ведь, поверьте, когда слышишь, что «зэк сидит по ту сторону «ключики», а я по эту, он за преступление, а я...», очень хочется оборвать нелепый, но, к сожалению, пока еще такой жизненный монолог. А главное — сделать, чтобы лучше жилось людям по эту сторону разлуки.

Майор Е. АРТЮХОВ.

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северу-Западу и Прибалтике.*

В. И. МОНАХОВУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Эпоха перестройки обнажила и такую тяжелую болезнь нашего общества, как организованная преступность, мафия. Долгое время средства массовой информации замалчивали эту тему. Но ведь, чтобы бороться с этим опаснейшим явлением, нужно знать его истоки, условия существования, принципы деятельности. Сегодня мы публикуем рассказ начальника недавно созданного в системе МВД Управления по борьбе с организованной преступностью доктора юридических наук А. И. ГУРОВА об уникальнейшем криминальном явлении — «воров в законе».

**НОВАЯ РУБРИКА:
«ВНЕ ЗАКОНА»**

ПРЕСТУПНЫЙ мир со времен Ваньки «Канна» окружен таинственностью. Это чаще являлось следствием его незнания, а порой желания властей (что типично для России) скрыть от общества гноящиеся социальные язвы. Много небылиц в песнях и преданиях создавали сами преступники. Да и народ закрепощенной России видел в разбойнике некий идеал свободы. Но если после публикаций А. Чехова, а затем В. Дорошевича о сахалинской каторге российское общество всколыхнулось, увидев страшную картину «второй жизни», то книгу В. Монахова о группировках рецидивистов, написанную им в 1957 году, не только засекретили, но и подвергли жесткой критике.

СДЕЛАЛИ это работники политотдела ГУЛАГа МВД СССР—эти извечные поборники чистоты нравов— в статье «О некоторых ошибках и недостатках в брошюре В. Монахова...» Его обвинили в преувеличении организованной преступности в СССР, хотя он об этом не писал, в излишней оценке организованности «воров в законе», будто бы не имевших ее в таких формах, в неправильном взгляде на советскую молодежь, представители которой, дескать, не могут быть завербованы профессиональными преступниками в свое сообщество.

С легкой руки противников правды о группировках профессиональных преступников ничего до 1987 года не писалось, да и как-то не принято было. Колючая проволока ограждала осужденных и их тайны

надежно. Помню, лет пять назад при подготовке одного нормативного акта даже малейший намек на неформальные группировки в ИТУ вызвал у тогдашнего руководства неприкрытое раздражение. Но времена изменились, и жизнь показала, что прав был Монахов, один из думающих, по оценке Г. Медынского, сотрудников МВД СССР.

«Воры в законе» есть и теперь. Но это качественно иное сообщество, опасность которого не всегда воспринимается однозначно, возможно, от простой неосведомленности. А отсюда и парадоксы. Как-то в 1988 году на служебном совещании в МВД СССР один из начальников УВД, пытаясь отстоять тогда еще распространенное мнение о том, что у нас нет организованной преступности, произнес буквально следующую преступную организацию, как в США, и мы не смогли бы с ней ничего сделать, то тогда можно считать — мафия у нас есть». И невдомек было уважаемому генералу, что ни сталинские репрессии рецидивистов, ни эксперименты 50-х годов по развенчанию группировки «законников», ни последующие меры не смогли прервать воспроизводство нашей специфической и не имеющей аналогов в мировой криминальной практике организации «воров в законе».

НАСЛЕДНИКИ «УРОК»

ГРУППИРОВКА «воров в законе» появилась в результате возникших в преступном мире противоречий в конце 20-х — начале 30-х годов и бесчеловечных экспериментов «по перековке» уголовников.

Сейчас трудно сказать, почему члены группировки стали называться «ворами в законе». Очевидно, в связи с подчинением неформальным нормам, получившим статус своеобразного закона. Частично его положения были взяты из традиций уголовного мира дореволюционной России, в которой, как известно, существовала небольшая каста профессиональных воров под названием «урки» (мелкие воры назывались «оребурки»).

В 50-е годы группировка «воров в законе» насчитывала 3 тысячи преступников и характеризовалась, по словам Монахова, принципиальным паразитизмом и организованностью. Сами «воры в законе», например, не знают истории группировки, и их суждения противоречивы. Так, «законник» Ч. [общий срок отбытого наказания около 30 лет] рассказывал, что когда он был еще пациентом, то ему внушали, будто в них течет дворянская кровь. Одним словом — дворяне преступного мира. Правда, газет «дворяне» не читали — запрещалось. Основное занятие — кража. Нынешние молодые «воры» даже не знают, что татуировка «Не забуду мать родную» означает вовсе не мать, его родившую, а воровскую среду, ставшую ему как бы матерью.

ЧЛЕНЫ ГРУППИРОВКИ были ей преданы и не только из-за страха. «Некоторые из них («законников»). — А. Г.) — пишет реци-

дивист Ч., — предпочитали умереть, чем отказать от своих воровских «идей». Но это было в далекие 50-е годы. Теперь же остались лишь легенды о чести воров, о якобы умиротворительной их миссии в преступном мире. Разумеется, отрицать их регулирующую роль в лагерях нельзя. Не случайно тогда в некоторых ИТЛ администрация шла у них на поводу и такие зоны объявлялись воровскими. В одном из документов МВД СССР того периода отмечалось, что «воры в законе» влияли на осужденных с помощью установленных правил поведения, возведенных в закон. Во избежание ответственности они подбирали второстепенных лиц («сухарников») и с помощью угроз заставляли их совершать опасные преступления, брать вину на себя. Заметим, что на сахалинской каторге времен Чехова обстановка была более «демократична», ведь там «сухарникам» за «работу» платили деньги.

По документам МВД, «воры в законе», боясь разоблачения, вместо прямых убийств провинившихся перед ними осужденных доводили их до самоубийства с помощью истязания и надругательства. Они паразитировали в среде заключенных, по халатности администрации проникали на должности низового административно-производственного персонала и терроризировали основную часть осужденных — «мужиков».

В результате целенаправленных мер правоохранительных органов деятельность группировки к концу 50-х годов была ослаблена. Значительная часть ее членов была вынуждена отказаться от столь почетного блатного звания, оставшаяся — маскироваться и рядиться под «мужика». Эти меры преимущественно основывались на принуждении, чего полностью нельзя было исключить в борьбе с «идейными» преступниками.

«ЧТО ПРЕЗИРАЛОСЬ, НЫНЕ ВОЗВЫШЕНО»

КТО ОНИ, «законники» наших дней, и чем теперь занимается их криминальное объединение? Как и раньше, к «ворам в законе» относятся лица, получившие такое звание на специальной воровской сходке, неоднократно судимые и глубоко усвоившие уголовную субкультуру. Они по-прежнему считают себя «идейными» преступниками. Абсолютное их большинство в прошлом судимо за кражи, грабежи, разбои или сбыт наркотических веществ. Средний срок отбытого наказания в местах лишения свободы заметно снизился и достигает, по нашим данным, 13—15 лет.

Вступление в сообщество ограничено и связано с соблюдением ряда формальностей. К кандидатам, например, предъявляются такие требования, как преданность воровской «идее», наличие преступного опыта, знание блатных «законов», отсутствие компрометирующих данных. Под ними

понимаются служба в армии, работа в ДНД, членство в ВЛКСМ и даже государственные награды.

Обязательным условием является авторитетность среди профессиональных преступников, что подтверждается письменными или устными рекомендациями от них. Таким образом, ритуальные принципы мало чем отличаются от традиций прошлых поколений «законников». Да что там «законников»! Еще С. Максимов, описывая в книге «Сибирь и каторга» быт профессиональных преступников России, подчеркивал, что преступный мир требовал от новичков твердого нрава и несокрушимого характера, преданности общине, ловкости, умения «концы хоронить, никого не задевая и не путая».

Перечисленные выше условия в целом соблюдаются, но даже в этой своего рода элитарной среде проявляется все сильнее паразитарно-анархическая сущность современного профессионального преступника. По выражению одного закоренелого рецидивиста, «то, что когда-то считалось неплющенным, сегодня, напротив, возвеличено, то, что презиралось — ныне возвышено».

ПСИХОЛОГИЯ ВОРОВ, особенно нового их поколения, претерпела существенные изменения, а вместе с тем модифицировались и сами «законы». И вот что небезынтересно. При изучении личностей 73 «воров в законе» оказалось, что 11 из них не имели судимости. Столь грубое отступление от воровских традиций было связано с тем, что прием осуществлялся за деньги.

Современные «воры в законе» в отличие от «воров» 50-х годов стараются тщательно маскировать свой антиобщественный образ жизни под внешне законопослушный. Изменилось и само понятие преступника данного типа. Во-первых, он уже, как правило, не совершает преступлений, а делает это с помощью других лиц («пехоты»). Во-вторых, его деятельность связана преимущественно с решением организационных вопросов, нередко таких, за которые в прошлом сходка приговаривала к смерти. В частности, «вор в законе» стремится устанавливать контакты с работниками правоохранительных органов и иных административных учреждений, он может отступать от любых неформальных норм, лишь бы это шло на пользу ему и его окружению. В-третьих, он отходит даже от занятия кражами. Только четвертая часть изученных «воров в законе» имела косвенное отношение к тайному хищению чужого имущества. Остальная масса занималась организацией рэкета, азартных игр и преступлений, связанных с наркоманией.

А что говорить о забвении столь распространенного изречения «тюрьма для нас забава». Никто из «новых» воров не желает попадать в места не столь отдаленные. Из обследованных «законников» каждый второй имел фиктивные документы об инвалидности. Явно хотелось быть на свободе, где забав больше, чем в тюрьме. Одним словом, понятие «вор в законе» сегодня трансформировалось и приобрело совершенно иную, причем бо-

лее социально опасную криминальную окраску.

Тем не менее сегодня следует различать две категории «воров в законе»: лиц, жестко придерживающихся старых воровских традиций (они получили название «нэпманские воры»), и преступников, модифицирующих старые положения блатного «закона», устанавливающих новые неформальные нормы поведения применительно к изменившимся социальным условиям. Между ними ведется борьба, в основе которой стоит неприемлемость «старыми» новых воровских установок. Они обвиняют новое поколение «законников» во лжи, корысти, называют их «сторожами» расхитителей («акул») и пытаются подорвать их авторитет в среде уголовных элементов. «Новые» же стремятся путем подкупа и угроз привлечь на свою сторону наиболее авторитетных представителей старой группировки, а нередко уничтожают их физически. По словам ныне покойного (убит вместе с телохранителем) «вора в законе» (кстати, купившего это звание) Нарика, «нэпманские воры» выбиваются или вымирают, как мамонты». Однако есть и более демократические пути решения этого вопроса. На открытом научно-практическом семинаре, проходившем во ВНИИ МВД СССР в декабре 1986 года, отмечалось, что в ряде регионов «старым» ворам выплачивается из воровских касс «пенсия» взамен присутствия их на сходках без права решающего голоса. Идея идея, а жить хочется — расчет верный.

В целом для данной категории профессиональных преступников типичен ряд принципиальных неформальных норм поведения, большей частью связанных с функциями организационного характера. Они, например, пропагандируют преступный образ жизни, воровскую «мораль» и «этику», активно расширяют свое окружение путем вовлечения молодежи, усвоившей блатные обычаи и традиции. Также стремятся поддерживать тесные связи с лидерами организованных групп преступников, оказывать на них влияние, определять стратегию и тактику деятельности уголовных элементов. Организуют общие воровские кассы, выявляют расхитителей, мошенников, спекулянтов и иных лиц, живущих на нетрудовые доходы, с целью установления контроля за ними. «Воры в законе» организуют противодействие нормальной работе правоохранительных органов, что нередко достигается с помощью подкупа должностных лиц, распространения ложных слухов, угроз и тому подобное.

НАДО СКАЗАТЬ, что в исправительно-трудовых учреждениях эти особо опасные лидеры, помимо названных выше функций, придерживаются некоторых особенных норм поведения, обусловленных спецификой условий нахождения осужденных в изоляции. В частности, общаться они должны, как правило, только с лицами, себе подобными либо приближенными к воровской касте, иметь так называемую пристяжь — своего рода слуг. Сюда входят лица, выполняющие за «вора» черновую

работу, отдельные поручения («шестерки»), берущие его вину на себя («громоотвод»), выполняющие карательные функции («быки», «солдаты»). Престижным считается иметь нелегальный канал связи с внешним миром («дорогу»), по которому осуществляется с воли доставки запрещенных предметов, денег и продуктов питания. Престижно занимать наиболее удобные, лучшие места в общежитиях, камерах (около окон, в углах, на первых ярусах коек, нар), столовых, банях, клубах, что делается в ущерб другим осужденным.

Нередко «вор в законе» руководит группировкой отрицательной направленности, которая по его заданию распространяет ложные слухи в отношении осужденных, вставших на путь исправления, «обрабатывает» вновь прибывших в зону осужденных, искаженно толкует советское исправительно-трудовое законодательство и так далее.

Много внимания они уделяют, и небезуспешно, выявлению ошибок и просчетов администрации ИТК, стараясь использовать их для компрометации сотрудников и актива осужденных. «Воры в законе» предпочитают трудиться на престижных, легких работах (бригадирами, нарядчиками, банщиками) и ни в коем случае не участвовать в ремонте и строительстве инженерно-охранных сооружений, а нормы выработки выполнять за счет других осужденных. Такая «справедливость», кстати, ведется с 30-х годов. Очень активно они выявляют среди работников ИТУ и военнослужащих внутренних войск тех, кто мог бы вступить с ними в неслужебные контакты.

МАФИЯ ПО-НАШЕМУ

СООБЩЕСТВО «воров в законе» относится к особой форме объединения касты профессиональных преступников-лидеров и имеет все признаки преступной организации, но вместе с тем отличается от пресловутой «Коза Ностры». Во-первых, отсутствием привязки к конкретной территории. Во-вторых, особой структурой, поскольку объединение основано на уголовных традициях и неформальных «законах». В-третьих, практически равным положением состава лиц этой корпорации. В-четвертых, разными течениями «законников», объединенных общей уголовной «идеей». Среди других организованных преступных объединений сообщество «воров в законе», пожалуй, самое устойчивое и гибкое. В последнее время оно стало приобретать даже некоторые политические оттенки, что связано с оказанием организованного противодействия нормальной работе правоохранительных органов по наведению в стране должного правопорядка, контактами с экстремистскими элементами. Но еще большая опасность кроется в деятельности по установлению связи с представителями преступного мира буржуазных стран.

Количество «воров в законе» в стране пока достоверно не установлено, поскольку их выявление и учет начались лишь в конце 1985 года. Но уже на 1 июня 1989 года их выявлено более 500. Надо, конеч-

но, иметь в виду и то, что на учете в органах внутренних дел состоит около 20 тысяч «авторитетов» уголовной среды, а это мощный резерв для пополнения сообщества «воров в законе». Однако было бы ошибочным исходить лишь из количественной характеристики, тем более когда речь идет о совершенно замкнутой касте профессиональных преступников, стремящихся ограничить прием в сообщество и одновременно расширить свое влияние в уголовной среде с помощью создания обширной периферии (окружения).

Структура сообщества «законников» отличается от всех известных криминальных объединений. В районах и городах южных регионов страны «власть» его представлена одним «вором в законе», который имеет свое окружение, ведет работу по сбору денег в общую кассу, пропагандирует воровские «идеи» и вовлекает в преступную деятельность новых лиц. Несмотря на свою независимость, эмиссары подчиняются центральному звену — «общаковой братве». В настоящее время есть основания полагать, что среди «воров в законе» выделены наиболее опытные и авторитетные преступники, которые стремятся управлять сообществом в масштабе страны и определять его тактику, подчинять себе иные категории преступников. На это указали 60 процентов сотрудников органов внутренних дел из числа опрошенных.

Управление корпорацией осуществляется с помощью воровских сходок, а воздействие на уголовную среду — посредством специально назначенных «авторитетов» и воровских обращений. Повестка сходки определяется, в отличие от 50-х годов, не одним вором, а группой лиц («общаковой братвой»). Обсуждаемые вопросы предварительно ворам не сообщаются, интересоваться ими не принято и считается подозрительным.

Воровская сходка — это форма коллективного решения наиболее важных вопросов «воровской жизни», таких, например, как определение источников пополнения денежных фондов, ликвидация лиц, предавших интересы сообщества, разрешение противоречий, возникающих в среде преступников, изменение форм и методов противоправной деятельности. Места сходок подбираются заранее, для чего используются любые благоприятные легальные условия — свадьбы, крестины, именины и даже похороны. В условиях ИТУ сходки нередко организуются в областных, межреспубликанских и республиканских больницах для лечения осужденных.

В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ в деятельности сообщества обозначилась тенденция к его большому сплочению, поскольку стали заметны разногласия между различными течениями, определившимися главным образом по национальному признаку. Этот вопрос стал активно обсуждаться на воровских сходках. Пересматривается статус тех, кто проник в сообщество, минуя традиционные условия приема («крещение»), делается попытка создания своих кланов в Прибалтийских республиках, где почти

нет «воров в законе». Наблюдается отрицательное отношение, вплоть до объявления «презрения» и «войны», к бродягам, хулиганам и насильникам, которые якобы создают и формируют неправильное мнение об уголовной среде. Разумеется, на сходках всячески поддерживаются лица, осужденные за кражи личного и государственного имущества. Предполагается использовать в своих интересах попавших в ИТК расхитителей и представителей молодежи, на которых делается ставка. В последнее время «воры» весьма обеспокоены так называемым беспределом — группировками преступников, не признающих уголовных традиций. Некоторые «воры в законе» высказывают опасение по поводу возможности вооруженных конфликтов, как это было в 1977 году.

Таким образом, мы столкнулись с целой программой действий, рассчитанных на перспективу и выживание сообщества «воров в законе». И это не просто слова, игровой момент, как иногда можно услышать. Это реальность, с которой нельзя не считаться. Она подтверждается и другими данными. В частности, органами внутренних дел разоблачена организация «воров в законе» под названием «Союз истинных арестантов», которая ставила своей целью активное противодействие администрации ИТУ, бойкотирование закона об уголовной ответственности за злостное нарушение правил внутреннего распорядка и режима содержания осужденных (в организации была своя программа, включая создание общей денежной кассы, оказание помощи осужденным профессиональным преступникам, ведение идеологической работы среди молодежи...).

Поэтому не являясь случайными меры конспирации и структурные образования «пятерок» в некоторых местах лишения свободы. К одной из реально существующих моделей такой «пятерки» относится следующая:

1. «Вор в законе» — единоличный лидер, имеющий в своем окружении осужденных с разными ролевыми функциями.
2. Хранитель общей кассы — он также имеет доверенных лиц, отвечающих за сбор «общака» в отрядах.
3. Телохранитель — лицо, обеспечивающее безопасность «вора в законе» и всей его «пятерки».
4. «Советник» — лицо, хорошо ориентирующееся во внутренних вопросах ИТУ, помогающее «вору в законе» советами при решении спорных вопросов, с которыми к нему обращаются «рядовые» осужденные.
5. «Ученик» — кандидат на «вора в законе», проходящий стажировку у лидера по всем вопросам воровской жизни (на случай замены).

К одной из опасных тенденций деятельности «воров в законе» относится организационная работа по установлению своего влияния на осужденных в ИТУ. Делается это также с помощью обращений, подкупа, угроз, терроризирования осужденных и путем направления специальных эмиссаров, которым выдаются мандаты с полномочиями. Например, из объяснения осужденно-

го П. было установлено, что перед этапом он получил инструктаж от «вора в законе», который предписывал ему в новом месте его нахождения поддерживать и распространять воровские традиции и обычаи. Для выполнения этого задания П. должен был организовать в колонии группировку из числа осужденных отрицательной направленности, которая могла бы пойти на любые преступления. Если не сумеет подготовить группировку, то должен покинуть колонию с новым сроком, то есть совершить другое преступление.

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИНТЕРЕС и другая сторона организационной роли «воров в законе» — сращивание их с расхитителями. Сейчас распространено мнение, что связь эта носит односторонний характер и выгодна только «законникам». Действительно, определенную власть над дельцами они (их называют «жуками») имеют — вымогают деньги, насильственно становятся компаньонами и вкладывают в подпольное производство свои средства. Каждый «жук» распространяет влияние на отдельный регион и контролирует его с помощью приближенных лиц. Заметим, что теперь некоторые «воры в законе» аналогичным образом действуют в отношении кооператоров и с помощью их «отмывают» противоправно добытые деньги.

Но подобная деятельность была характерна для первоначального этапа развития рэкета. Оправившись от шока, многие дельцы от экономики стали подкупать профессиональных преступников. Если вначале они выплачивали им 10—15 процентов от суммы дохода (что не исключается и сейчас), то теперь все чаще берут их в дело, заставляя при этом нести охрану, сбывать продукцию и выполнять различные сомнительные поручения. Например, по указанию расхитителя Раджапова членами преступной группы Болوشيца был убит за вознаграждение в 30 тысяч рублей конкурент Мирзаев. Думается, что процесс сращивания приобретает продуманную, рассчитанную на перспективу линию поведения расхитителей. На это же указывают факты их участия в воровских сходках.

Надо сказать, что сращивание двух сфер организованной преступности является одной из специфических черт нашей мафии. Более того, в отличие от мафии западных стран доморощенные быстро меняют свою тактику. И нельзя не признать значительного отставания правоохранительных органов от изменений, происходящих в современной преступности. Преступники этим, естественно, пользуются. В своем письме осужденный «вор в законе» Д. прямо указывает на данный фактор: «Вы — органы — отстаете в информации от всех преступных процессов. За это время нам многое удается сделать». Однако с развитием гласности, приданием остроты проблеме организованной преступности положение в корне меняется. Общество вынуждено и даже обязано перед народом поставить мафию «воров в законе» по-настоящему вне нашего закона.

Полковник милиции А. ГУРОВ,
доктор юридических наук

«Создается впечатление, что история после 17-го года пишется сегодня сыновьями, зятьями, женами, снохами, шуринами и т. д. бывших «сильных мира сего».

Вдова Бухарина через 50 лет «вспоминает» устное «письмо» своего мужа...

С. ЖУРАВЛЕВ

«Я никогда не была политической сторонницей Бухарина...»

НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА

А. М. ЛАРИНОЙ

ПО роду своих научных интересов приходится бывать в исправительно-трудовых учреждениях, знакомиться с архивными материалами. Порой встречаются документы, недоступные для широкого круга долгие годы, а потому вроде бы и не существующие ни для печати, ни для тех, к кому имели когда-то непосредственное отношение. Именно так, случайно, и попало ко мне лагерное личное дело А. М. Лариной, осужденной якобы за контрреволюционную деятельность. Отдельные материалы «дела» (ниже они публикуются полностью) и побудили еще раз обратиться к воспоминаниям Лариной «Незабываемое» (Знамя, 1988, № 10, 11, 12).

Итак, обратимся к воспоминаниям: «Декабрьское постановление 1938 г. не застало меня врасплох, к нему я была психологически подготовлена, оно не подавило меня неожиданностью. Смерть, она не страшна. Мертвый не мыслит. Страшен предсмертный час, предсмертное мгновение». Далее следует красочное описание того, как Ларину вели на казнь. Эпизод, безусловно, впечатляет и вызывает естественное чувство сострадания. Но попытаемся подойти к нему с точки зрения документальных фактов. Так вот, в деле содержатся все постановления Особого совещания, под которыми стоит ее подпись. Если бы существовало постановление о расстреле, то оно, несомненно бы, сохранилось так

же, как и все остальные, сохранилось бы и постановление об отмене смертной казни. Допустим существование такого документа, впоследствии изъятого из дела. Но какая необходимость в этом была?

Человек может забыть многое другое, но день, когда заново рождаешься, вряд ли не сохранится в памяти. Обратимся вновь к документам. Ларина свой приезд в Москву относит к концу декабря 1938 года. На акте же о личном обыске в тюрьме г. Москвы стоит дата—4 декабря 1938 года. Следовательно, даже если эпизод с мнимым расстрелом перед вызовом в Москву состоялся в Марининске не в первых числах декабря, а 1 декабря, то никаким образом она не могла оказаться в Москве даже с учетом проезда в скором поезде, не говоря уже об обычном маршрутном эшелоне с осужденными.

Вызов в Москву вряд ли был связан с кампанией по пересмотру дел членов семей, репрессированных за измену Родине, которая в то время проходила. Подлежавшие освобождению в связи с прекращением дела по решению Особого совещания получали справку об освобождении. Все они имели право свободного выбора места жительства. Скорее всего, Берию интересовал определенный круг вопросов.

Конечно, кому не хочется показать себя на допросе, носящем характер непринужденной беседы, с самой выгодной для се-

Сейчас, когда несколько схлынула волна сенсационных публикаций, наступает время более взвешенно подойти к тому, что нам преподносилось в периодической печати. И здесь уместно напомнить слова М. С. Горбачева: «Когда мы говорим об особенностях социалистического плюрализма, то прежде всего имеем в виду ответственность в суждениях, что предполагает в первую очередь компетентность и достоверность фактов». И непосредственно связанное с этим: «К сожалению, в наших средствах массовой информации наблюдается стремление распространять скороспелые, необоснованные выводы и суждения, а кое-кто стал делать ставку на сенсацию. И должен сказать откровенно, появилось много вранья».

ба стороны. Именно таким образом описывает этот эпизод встречи с Берией Ларина, в котором они находились вроде бы по разные стороны баррикады и каждый остался при своем мнении. Тем не менее она до сих пор уверена, что в период содержания в Москве Берия проявил о ней заботу, переведа на ее лицевой счет деньги. С какой стати он стал бы это делать? Видимо, это те 20 рублей, розыск которых велся по ее заявлению в управлении ИТЛ и ТП и МЗ УНКВД по Новосибирской области с просьбой о их высылке во внутреннюю тюрьму в Москве. Воссе не исключено, что какая-то часть денег была снята с конфискованного у нее 22 мая 1939 года аккредитива на сумму 2000 рублей (деньги по тем временам немалые, хотя, как мы помним по «Незабываемому», нечем было заплатить за квартиру после переезда из Кремля, так как они с Бухариным до этого сами бедствовали). Этот аккредитив был изъят у Лариной еще при аресте в Астрахани и истребован в Москву в начале мая 1939 года.

О ТОМ, как Лариня вела себя при встрече с Берией, написано ею собственноручно в письме на имя Берии, датированном 10 января 1944 года. Уже первая фраза представляет интерес и позволит читателю сделать собственный вывод. Оказывается, с Берией они воссе и не противники, а самые настоящие единомышленники. Но для Берии Бухарин враг. Кем же в таком случае он был для Лариной? Далее из письма следует, что она была готова забыть все, а ведь это все, по ее воспоминаниям, жизнь с Бухариным. И Берия уже воссе и не враг, а старший товарищ для нее. А старшего товарища вроде как-то и нехорошо, даже спустя полвека, называть «извергом», «безыдейным карьеристом», «преступником», готовым всадить нож в спину Сталину-диктатору. Оказывается, и свобода была обещана ей Берией. Интересно бы знать, за что именно? По всей видимости, эта свобода была обещана ей после того, как Берия посоветовал Лариной спастись себя. Правда, в воспоминаниях не рассказывается, каким образом она это делала. Ни за что ни про что такие обещания, как известно, не даются.

На страницах воспоминаний присутствуют и любовь, как говорится, до гробовой доски, и преданность идеям Бухарина, и отстаивание его позиций, и так далее и тому подобное. Теперь Ларина стремится убедить читателя в том, что «...никогда я не испытывала сожаления, что вместе с Н. И. прожила короткую жизнь и самые тяжелые для него дни». А как же тогда расценивать ее утверждение в письме Берии: «Хватит уж, ну сколько же можно расплываться за такую короткую—двухлетнюю жизнь с Бухариным».

Ко времени написания письма Берии шел 7-й год с момента ее ареста и оставалось менее двух лет до конца срока. Самое трудное время для всех находящихся в лагерях и колониях было уже позади. Работала Ларина в конторе. Администрацией характеризовалась следующим образом: честно и добросовестно относится к работе, усидчива, исполнительна, замечаний по ра-

боте не имеет, дисциплинирована, опрятна, уживчива с окружающими.

Разумеется, вполне возможно допустить мысль о стремлении добиться освобождения при помощи этого письма. Но тогда выходит, что цена за это — отказ от Бухарина и всего с ним связанного. Как-то не укладывается это с нынешней преданностью ему и борьбе за восстановление его доброго имени.

В «Незабываемом» читаем: «Я росла в среде профессиональных революционеров, после свержения революции ставших во главе страны. Поэтому внутрипартийная жизнь начала интересоваться меня очень рано; отец, безусловно, этому способствовал. Интерес к политике был особенно остерен близостью к Н. И. Казалось, судьба неотвратимо притягивала меня к нему в самые тяжкие его дни. Не вяжутся эти нынешние слова о Бухарине и с тем, что писалось Лариной в заявлении на имя министра государственной безопасности СССР в ноябре 1948 года, которое мы позволим себе процитировать: «Я никогда не была политической сторонницей Бухарина...» А далее еще один и, пожалуй, самый сильный удар «по светлой памяти»: «За свои преступления Бухарин ответил сам, я не могу нести ответственности за него...»

Оказывается, Бухарин, по ее же собственным словам, был преступником. Наверное, жене лучше знать, кем в действительности был ее муж. Не отсюда ли стремление теперь поставить под сомнение все опубликованное меньшевиком Б. И. Николаевским за рубежом, объявить его фальсификатором. (Речь идет о содержании бесед Николаевского с Бухариным во время командировки последнего в Париж для покупки архива Плеханова). Впрочем, обвиняется не только Николаевский, но и жена Ф. И. Дана—Л. О. Дан в связи с опубликованием ею воспоминаний—«Бухарин о Сталине». Это наводит на мысль, что предпринимаются попытки для обеления Бухарина, отметая то, что хоть каким-то образом мешает этому.

Возникают вполне закономерные вопросы. А почему мы должны верить на все сто процентов Лариной? Разве только потому, что истина в споре, тем более с ушедшими из жизни оппонентами, должна остаться за последним из живых? Но ведь это тоже не бесспорная истина?

Все изложенное наводит на определенные размышления и вызывает сомнение относительно существования письма Бухарина «Будущему поколению руководителей партии». Если уж память Лариной не сохранила полных строк собственно сочиненного стихотворения своему первому ребенку, то текст письма она тем более не позволяла сохранить. А ведь ребенок для матери всегда стоит на первом месте перед мужем с его заботами. По всей видимости, кому-то очень хочется, чтобы Н. И. Бухарин оставил письмо-завещание. И цель этого избречения просматривается вполне отчетливо: создать в лице Бухарина еще одного вождя. А какой же это вождь без завещания?

С. КУЗЬМИН,
кандидат юридических наук.

Тов. Берия, простите за такое обращение, я его разрешаю потому, что у меня твердая уверенность, что пропасть, лежащая между нами, только формальная, юридическая, а не действительная — идейная.

Желание написать Вам уже давно меня одолевает, но я все себя сдерживала, сдерживала потому, я бы забыла все старое, началась бы новая жизнь, и Вы, я помню (а я до сих пор помню) каждое произнесенное Вами слово. Помню, при разговоре с Вами меня душили слезы не от страха, как это бывает у попавшейся в лапы своего противника. Конечно, не потому, что питала ненависть к Советской власти и к Вам, как ее представителю. Перед врагом я держала бы себя гордо, с приподнятой головой. Меня душили слезы потому, что в Вас я почувствовала своего старшего товарища, потому что Вы со мной разговаривали по-человечески, со мной соглашались, но свобода мне не была дана, хотя была обещана Вами.

Пошел уже седьмой год со дня моего ареста. Столько лет отделяют события, в связи с которыми я арестована, от сегодняшних дней — бурных, кипучих, волнующих для героической борьбы советского народа с ненавистным озверелым врагом. То, что было актуально несколько лет тому назад, теперь уже отмерло, не волнует народ, не может волновать меня.

Я с Вами разговаривала в январе 1939 года, пять лет тому назад, и тогда, когда все еще было так свежо, я Вам сказала, что если бы мне была дана жизнь—свобода, несомненно, я бы забыла все старое, началась бы новая жизнь, и Вы, я помню (а я до сих пор помню) каждое произнесенное Вами слово. Помню, при разговоре с Вами меня душили слезы не от страха, как это бывает у попавшейся в лапы своего противника. Конечно, не потому, что питала ненависть к Советской власти и к Вам, как ее представителю. Перед врагом я держала бы себя гордо, с приподнятой головой. Меня душили слезы потому, что в Вас я почувствовала своего старшего товарища, потому что Вы со мной разговаривали по-человечески, со мной соглашались, но свобода мне не была дана, хотя была обещана Вами.

Время все-таки сделало свое дело, Бухарин окончательно вытеснен из моего сердца, на это потребовались годы и годы, потому что, не имея нового, трудно забыть старое, особенно такое яркое, в котором было так много хорошего (личного) и так много страшного, трагически тяжелого. Но метаморфоза свершилась. Могу сказать, что я прошла огни, воды и медные трубы. Я шла по скользкому пути. В дни такой глубокой тревоги я не имела никакой моральной поддержки. Арест мог привести только к озлоблению, особенно в столь юном возрасте, в каком была я, когда я могла и не быть человеком твердым, вполне сложившимся, стоящим на прочных рельсах. Тем не менее я отбросила все личное, не поддавалась никакому чуждому влиянию. Я получила больше, чем «боевое крещение», и с чистой совестью могу сказать, что чувствую себя полноценным советским человеком, имеющим право на жизнь, могу шагать в ногу с советским народом. Я хочу, чтобы мои, хотя бы маленькие крупички, были заложены в фундамент победы и восстановления моей любимой страны.

Хватит уж, ну сколько же можно расплачиваться за такую короткую—двухлетнюю жизнь с Бухариным.

Отец, умирающий, уже еле слышным хриплым голосом спросил меня: ты умеешь любить Советскую власть только потому, что мы победили? Сможешь ли ты защищать ее, не жалея жизни для Советской власти, если она будет в опасности? Я обещала отцу, за минуту до его смерти, защищать нашу страну, если это надо будет, я хочу иметь возможность это обещание выполнить. Мне осталось еще почти два года, а здоровье уже пошатнулось так сильно, несмотря на то, что я физически не работаю (работаю в конторе), и вынуждена большую часть времени проводить в постели. Прошу Вас о досрочном освобождении-реабилитации, и если Вы сочтете возможным это сделать, сможете убедиться, что оказанное доверие я оправдаю.

А. М. Ларина

Лист 58.

Личное дело.

10/1—44 г.

Министру государственной безопасности СССР

Заявление

В 1935 году я вышла замуж за Н. И. Бухарина, прожив с ним всего 1,5 года по день его ареста. В сентябре 1937 г. я была арестована и осуждена Особым совещанием.

По делу Бухарина я ни в чем замешана не была и никаких обвинений мне не предъявлялось.

Мне кажется, что 15 лет репрессий (8 лагеря, 2 года закрепления за лагерем и 5 лет ссылки)—это наказание очень суровое, я его ничем не заслужила. Мало ли как ошибается человек, особенно в годы столь юные, какими они были у меня, когда я вышла замуж.

Я никогда не была политической сторонницей Бухарина, в период оппозиции я была еще ребенком. Неужто за мою полуторалетнюю жизнь с Бухариным должна так строго отвечать?!

За свои преступления Бухарин ответил сам, я не могу нести ответственности за него — мы слишком неравноценные фигуры. Между нами была возрастная разница 16 лет. В феврале 1949 года пойдет 13-й год с тех пор, как я рассталась с Бухариным, даже личное—единственное, что меня с ним когда-то связывало, заглохло в моей душе — окончательно забыто. У меня появилась другая семья, маленький ребенок. 22/XI—48 г.

С этой мыслью уходили из жизни необоснованно репрессированные в 30—40-е и в начале 50-х годов. Но только сейчас мы начинаем узнавать о последних днях канувших когда-то в неизвестность заслуженных людей. Только сейчас, хотя многие уже давно реабилитированы. Перед собой, перед современниками, перед потомками.

Среди реабилитированных немало бывших военнослужащих внутренних войск [войск ВЧК—ВНУС—ВОХР—ОГПУ—НКВД]. Нередко судьбы их до последних дней оставались неизвестными общественности. О них, о самом процессе реабилитации, являющемся логическим продолжением политики партии на восстановление исторической и социально-правовой справедливости, рассказал в беседе с корреспондентом нашего журнала помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Н. Анисимов.

— Николай Леонидович, как повлияли последние решения партии и правительства на процесс реабилитации?

— Надо сказать, что за все время с тех пор, как в сентябре 1953 года было положено начало реабилитации, более 500 тысячам человек было возвращено честное имя — по проверенным военными прокурорами делам спецподсудности. Теперь же, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года, по делам, поднадзорным военной прокуратуре, реабилитированными считаются сразу около 25 тысяч человек — все те, в отношении которых еще не были отменены внесудебные решения, принятые в 30—40-е и начале 50-х годов действовавшими в то время «тройками» НКВД—УНКВД, коллегиями ОГПУ и «особыми совещаниями» НКВД—МГБ—МВД СССР. В число это не входят те, на которых, согласно Указу, правило это не распространяется, — изменники Родины, каратели периода Великой Отечественной войны, нацистские преступники, участники бандформирований и их пособники, работники, занимавшиеся фальсификацией уголовных дел, а также лица, совершившие умышленные убийства и другие уголовные преступления...

— Но ведь не только внесудебные решения обрывали тогда жизнь человека, лишали его свободы. Множество дел рассмотрено на заседаниях Военной Коллегии Верховного Суда СССР в соответствии с, казалось бы, процессуальными требованиями. Как поступаете вы в этих случаях?

— Соответствие процессуальным требованиям в подобных делах, конечно, только кажущееся. Обвинение, как правило, ос-

новано на признаниях обвиняемого, являющихся самооговором, буквально выбитым следователем на предварительном следствии, и на свидетельских показаниях, полученных тем же способом. Обычно это видно из дела невооруженным глазом. Подшиты в делах и жалобы подсудимых на следователей, слезные просьбы спасти от произвола, уверения, что ни в чем не виновны, а оговорили себя в невменяемом состоянии. Они и на судебных заседаниях отказывались от признаний, данных в ходе предварительного следствия. Но жалобы обвиняемых никем не принимались в расчет.

Исходя именно из этих обстоятельств, мы и проверяем уголовные дела, и проводим детальное расследование всех обвинений. По итогам проверки военная прокуратура составляет заключение или протест, после чего соответствующий судебный орган выносит решение о реабилитации.

— Не могли бы вы на конкретных делах рассказать, как производится проверка дел военным прокурором, на основании чего делается вывод о необоснованности обвинения, о фальсификации доказательств? Ну взять хотя бы дела командиров дивизии имени Дзержинского, поочередно сменявших друг друга в 30-х годах, — Кобелева Павла Георгиевича, Кондратьева Сергея Игнатьевича, Торощина Павла Васильевича.

— Всем им было предъявлено одно обвинение: участие в заговоре в войсках НКВД.

Кондратьев был арестован в ночь на 12 апреля 1938 г., а уже 26 августа 1938 г. — приговорен Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58—16, 8 и 11 УК РСФСР

ИЗ ИСТОРИИ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

НЕ ВИНОВНЫ

к высшей мере наказания как «участник антисоветского заговора в войсках НКВД и вредитель в боевой и политической подготовке дивизии ОСНАЗ». Приговор приведен в исполнение в тот же день.

Торощина, который в 1936 г. принял у Кондратьева дивизию, арестовали 29 июля 1938 г. Обвинение, предъявленное ему только в феврале 1939 г., звучало уже так: «Участник военно-фашистского заговора в войсках НКВД под руководством Кручинкина... обвиняется в том, что... проводил подрывную вредительскую работу, направленную на ослабление боеспособности войск НКВД, в то же время подготавливая использование дивизии для вооруженного антисоветского восстания, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58—16, 2, 7 и 11 УК РСФСР с применением закона от 1 декабря 1934 г.» Он тоже приговорен к высшей мере наказания 28 января 1940 г., тогда же и расстрелян.

Комбрига Кобелева, бывшего к тому времени начальником пограничных и внутренних войск НКВД Северо-Кавказского военного округа, арестовали 12 декабря 1938 г., а в постановлении об аресте, составленном тоже только в феврале 1939 г., следователь Лихачев записал: «...достаточно уличается в том, что с 1933 года является активным участником военно-фашистского заговора, существовавшего в войсках НКВД, и руководителем террористической организации в штабе войск НКВД Московского округа, подготавливая убийство руководителей ВКП(б) и Советского правительства».

По делу Кобелева проходили также комбриг Смирнов Павел Иванович, начальник войск НКВД Азербайджанской ССР, полковники Лунев Александр Георгиевич, командир бригады войск НКВД, и Гильфонд Александр Михайлович, командир конвойного полка войск НКВД Московского округа. Все четверо осуждены и расстреляны 24 января 1940 года.

Все эти военачальники реабилитированы в 1956 году.

При проверке дела Кондратьева, например, военный прокурор изучил архивно-следственные дела всех, кто как-либо упоминался в деле, запросил госархивы о шпионской деятельности Кондратьева, госархив Красной Армии о службе, партархивы об антипартийной деятельности, изучил личное и партийное дела Кондратьева,

установил Когана и Гусева, расследовавших тогда его дело, были найдены и опрошены живые свидетели тех событий.

Выяснилось, что доказательствами того, что Кондратьев в 1931 г. «вошел в состав военно-фашистского заговора в войсках НКВД» (из обвинительного заключения), явились лишь показания самого Кондратьева и свидетелей. Однако часть свидетелей еще в ходе заседания изменила свои показания, заявив, что они вымышлены и они дали их под влиянием физических мер воздействия. Нашлись жалобы свидетелей, которые тоже были осуждены невинно. В архивах обнаружилось характеристики (только положительные), опросили людей, выживших после тех лет, — все свидетельствовало о невинности Кондратьева, о его заслугах перед народом и государством. И по протесту Главной военной прокуратуры Кондратьев был реабилитирован, а потом и его жена Варвара Иосифовна, репрессированная как член семьи изменника Родины и освобожденная только в ноябре 1945 г.

— Имелись ли в делах вышеназванных военачальников документы, свидетельствующие о применении к ним физических мер воздействия?

— Конечно. В деле Торощина скрупулезно подшиты десять заявлений: мелкими буквами на половинке листа. Он писал из Бутырки наркому Военно-Морских дел СССР командарму 1 ранга Фриновскому, Прокурору СССР, Сталину, замнаркому внутренних дел СССР Берии. Не знаю, доходили ли эти заявления до адресатов. Скорее всего, нет. Может быть, даже имели противоположное влияние. Вот, например, в первом заявлении он жаловался Фриновскому: «...Следователь, не предъявив мне никакого конкретного обвинения, заявил, что я был в подчинении Фомина, Кручинкина — работал с ними, стал жестоко систематически в течение 5 месяцев меня избивать. В результате чего я дал 22 августа и 2 сентября вымышленные показания. Я категорически отрицал какую-либо свою вину тогда, когда давал показания следователю, заявив, что это клевета на себя — вымысел. Я категорически отрицаю свои показания от 22/VIII и 2/IX сейчас...» Несколько заявлений послал Торощин Фриновскому, последнее — 22/IV

сл. Лихачевым при подписании ст. 206 УПК, которые **разоблачают провокационность и дикость** этого дела:

1. Выписку из послужного списка б. нач.-штаба ОМСДОН Миронова Николая Ивановича...

2. Выписку из моего посл. списка...

3. Историю болезни Матерова... Ему грозило удаление правого глаза. **Сделайте вывод — какой из него террорист...**

4. Приказ оперштаба НКВД СССР о наряде в Колонный зал в день смерти А. М. Горького 18.6.36. Это был выходной день. Кобелев был на даче в Клязьме. Матеров был на даче... Я целый день был на стрельбище...

5. Именной список дежурных по штабу округа на 7.11.37 г.

Все остальное в своих показаниях мне пришлось выдумать и помочь Кобелеву оговорить Гильфонда А. М., Лунева А. И. и Рубцова. Я и все эти товарищи ни в чем не виновны. Разберитесь и освободите нас. Смирнов.

Мою честную работу подтвердят сотни командиров.

Допросите жену. Она член ВКП(б) с 1921 г., я жил с нею 18 лет».

После ликвидации в 1953 году несудебных органов многие фальсификаторы были привлечены к ответственности, и впоследствии, когда рассматривались дела, которые вели, уже одно их участие служило подтверждением невиновности обвиняемого. В заключении по пересмотру дела Торощина есть, к примеру, такой вывод:

«В ходе следствия Торощин отказался от приведенных выше своих показаний как от ложных.

В судебном заседании Торощин также виновным себя ни в чем не признал и показал, что в начале предварительного следствия дал ложные показания в силу применения к нему физических мер воздействия.

Следствие по делу Торощина вели Лихачев И. Т., осужденный в 1954 г. Военной Коллегией Верховного Суда СССР за преступную работу в органах НКВД, и Казакевич В. М., вопрос об ответственности которого за нарушение законности поставлен перед соответствующими органами».

— А если кто-либо сейчас обратится с просьбой о реабилитации таких следователей и им подобных!

— Да, как ни странно, встречаются и такие просьбы. Хотя... Если подобный следователь был осужден несудебным органом в те самые годы, то лишь только оставшиеся в живых знали о предъявленных ему обвинениях. Родственников не извещали о подробностях. Они не знали даже, когда и где, и как, и за что был осужден интересующий их человек, да и жив ли он вообще. Потому и просят о пересмотре, считают их незаконно репрессированными. Ведь когда убрали Ягоду, вместе с ним арестовали не только непосредственных исполнителей его распоряжений —

заплечных дел мастеров, — но и многих честных людей, которых требовалось на тот момент устранить. Та же история происходила, когда убрали и Ежова, и Берию, и его преемников на посту главы НКВД. Проверка дел этой категории требует особого внимания. И конечно, о реабилитации фальсификаторов, на чьих руках кровь людей, не может быть и речи. Новый Указ четко определяет это положение.

— Среди военнослужащих внутренних войск были рядовые люди, оставшиеся неизвестными истории, но именно те, из которых слагались миллионы незаконно репрессированных. Ведь даже в некоторых исторических формулярах частей конвойных войск НКВД за 1937—1938 гг. упоминаются фамилии людей, осужденных за контрреволюционные или антисоветские высказывания. Встречаются ли вам такие дела!

— Буквально накануне выхода Указа мы рассматривали подобное дело. Жаль, не запомнил фамилию — много их проходит перед глазами, — но история такова: приехал красноармеец из отпуска обратно — в одну из частей внутренних войск, а тут фильм показывают — «Кубанские казаки». Он посмотрел его, да в сердцах и говорит, дескать, в кино-то хорошо показывают, а вот в нашей-то деревне живет так туго, что и сказать страшно, домой, дескать, и мамаша не велит возвращаться. Ну вот его за дискредитацию советской действительности и осудили, это уж после войны было. Отсидел, жив остался, теперь просит о реабилитации. Его и ему подобных, конечно, реабилитировали. А теперь, после Указа, все подобные внесудебные решения отменены.

— Можно ли где-нибудь выяснить, сколько военнослужащих внутренних войск было репрессировано!

— У нас имеются данные, что за 1937—1953 гг. репрессировано около 35 тысяч чекистов — сотрудников МВД, МГБ и военнослужащих внутренних войск. Но это только по делам, поднадзорным военной прокуратуре.

— Сколько человек еще осталось реабилитировать!

— По делам, поднадзорным военной прокуратуре, еще предстоит проверить несколько сотен тысяч дел для выяснения обоснованности привлечения к уголовной ответственности.

— Значит, пройдет не один десяток лет, пока будут реабилитированы все! Не слишком ли это долго!

— Тянуть, конечно, нельзя — люди ждут. Но мы работаем очень много, напряженно — ведь от нас зависит возвращение доброго имени безвинно пострадавшему человеку, возможность увидеть за белыми пятнами истории реальные события.

Беседу вела С. ЯРОСЛАВЦЕВА.

ЕСТЬ ФЕРМА У СОЛДАТ

С удовольствием идут на свою солдатскую ферму ефрейтор Виталий Барановский (на верхнем снимке), рядовой Михаил Тымкив (на нижнем снимке) и другие их сослуживцы. Хотя и не просто накормить прожорливых кроликов, задать корм пороссятам, а все же интересно ребятам возиться с живностью. Есть в хозяйстве и бычки, и лошадка. Есть сад — яблони, абрикосы, вишни... Есть огород — картофель, столовая зелень, кормовые культуры. Словом, многоотраслевая ферма успешно функционирует во имя общего блага — пополняется солдатский рацион.

Фото
В. Семенова.

Победа Советского Союза над фашистскими агрессорами — это победа советского строя, его Вооруженных Сил над империалистическими захватчиками, претендовавшими на мировое господство. Итог известен: от капиталистической системы отпал ряд стран Европы и Азии, в которых утвердился народно-демократический строй.

Сорок лет идет Германская Демократическая Республика (ГДР провозглашена 7 октября 1949 г.) путем социализма, мира и прогресса. Сегодня наш рассказ об интернационалисте Фрице Штраубе и его русском друге Петре Михайловиче Рыбкине, приближавших День Победы, новую страницу в истории немецкого народа.

Встреча через годы

Возможно, никто бы и не обратил внимания на человека, стоявшего у станции метро «Октябрьская». Мало ли тут народа в ожидании — и военного, и гражданско-го. Вдруг он, забыв о возрасте, побежал навстречу светловолосому от седины, худощавому, подтянутому мужчине, явно нездешнему.

— Здравствуй, Фриц! Здравствуй, мой дорогой лейтенант...

— Здравствуй, Петр Михайлович...

Они замерли в крепком мужском объятии, повторяя без конца простые и великие слова. Фронтовики, вместе шагавшие когда-то по тяжким боевым дорогам, расставшиеся в Берлине в те памятные майские дни сорок пятого и вот свидевшиеся через долгие десятилетия в шумной морозной Москве.

— Фриц, как я искал тебя...

— И я тебя... И я тебя!

Известный немецкий ученый-историк Фриц Штраубе. Военный врач из Центрального госпиталя МВД СССР... Несколько лет назад полковник медицинской службы Петр Михайлович Рыбкин с радостью узнал из

публикации в немецком иллюстрированном журнале, что его друг Фриц Штраубе жив-здоров, стал ученым и живет в столице ГДР — Берлине. Он написал в редакцию письмо, получил его адрес, и вот теперь, в Москве, друзья встретились, чтобы вспомнить минувшие годы, своих фронтовых побратимов, не доживших до Победы. Им было что рассказать друг другу, ведь они не виделись сорок с лишним лет...

Совсем юным студентом Московского мединститута Петр Рыбкин встретил тот роковой день — 22 июня 1941 года. Вместе с товарищами он рыл противотанковые рвы, строил укрепления, затем, оказавшись по заданию на оккупированной врагом смоленской земле, в партизанском отряде, выхаживал в полевом госпитале раненых партизан. Вернувшись в Москву, закончил институт и в сентябре сорок третьего отправился на фронт, в часть внутренних войск, выполнявшую задачи по конвоированию и охране военнопленных. Туда же, двумя месяцами позже, в качестве переводчика прибыл молодой немецкий антифашист Фриц Штраубе. С израненной белорусской земли начался их совместный боевой путь. Лейтенант Рыбкин рассказал о себе, младший лейтенант Штраубе — о себе. Биография Фрица Штраубе потрясла Рыбкина, и он об этом не раз писал с передовой матери, невесте—фронтовой треугольнички сохранились, они и сейчас волнуют сердце...

Но обо всем по порядку. 12 сентября 1935 года издававшаяся в Лейпциге газета опубликовала объявление: «Как уже сообщалось, о месте нахождения учащегося народной школы Фрица Германа Вернера Штраубе, исчезнувшего две недели назад, до сих пор ничего не известно... Всех, кто что-либо знает о пропавшем мальчике, просим срочно явиться в полицию».

Нет, не случайно искала полиция Фрица Штраубе! Только что арестована его мать — коммунистка. «Свидетели» доказывали, дескать, она и сына втянула в свою работу, листовки дает распространять. Мать, спасибо ей бесконечное, успела шепнуть, когда ее уводили: «Беги к отцу, ты знаешь, где он, предупреди об опасности...» К счастью, подпольщики и без юного связного успели переправить Отто Штраубе, его от-

ЛЮДИ. ПОДВИГИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ

ца, в Чехословакию. Вскоре там и встретились они: Отто и Фриц, отец и сын. Встретились тайно, на нелегальной квартире. «Я должен вернуться в Германию, чтобы продолжать борьбу, ты же поедешь в Советскую Россию — и жить, и учиться». На втором слове — «учиться» — отец всем тоном поставил восклицательный знак.

И мальчик понял отца. В Московском Доме политэмигрантов Фриц Штраубе оказался самым юным. Правда, там находились и другие дети, но те приехали с родителями, а Фриц был один. Все жили семьей единомышленников, вынужденных на время покинуть свои страны и нашедших здесь, на советской земле, новую Родину.

В Доме политэмигрантов Фриц Штраубе прожил несколько месяцев. Затем его направили в Монино, а оттуда — в Ивановский интернат им. Е. Д. Стасовой. В том интернате, неподалеку от знаменитой по 1905 году Красной Талки, нашли кров и дружную семью сотни детей зарубежных революционеров — болгары и поляки, чехи и словаки, итальянцы и югославы, китайцы и корейцы...

О том, что происходило в Германии, в Лейпциге, Фриц узнавал из писем от родных, которые приходили тайными почтовыми тропами, очень редко, но все-таки приходили. За недостатком улик его мать Гертруду Штраубе выпустили из тюрьмы, она находилась под надзором гестапо и должна была регулярно отмечаться в полиции. Его отец писал из Испании, где в составе Одиннадцатой интербригады сражался против франкистов. В коротенькой весточке от 8 апреля 1937 года Отто Штраубе рассказывал: «Фашистам мы наносим такие удары, что они не раз удирали. Если ты что-нибудь слышал о нашей победе под Гвадалахарой, то знай, что твой отец тоже там был...»

Петр Михайлович Рыбкин рассказывал, что он узнал о войне в институтской аудитории — готовился к завтрашним экзаменам. Почти так было и с Фрицем Штраубе: возвращаясь с занятий, он увидел толпы людей, сгрудившихся на улице и слушающих радио. У всех были взволнованные, встревоженные лица. «Война!»

Так узнал юноша о нападении гитлеровцев на Советский Союз. И на всю жизнь запомнил: не паника, не растерянность, а ненависть к врагу, вера в правое дело светились в глазах людей.

В первые дни войны в различные организации Иванова поступило свыше 30 тысяч заявлений от трудящихся с просьбой немедленно отправить их на фронт, в ряды Действующей армии. Не остались в стороне и воспитанники интердетдома, и от них хлынул поток заявлений в военкомат. Ребята и девочки дежурили во время воздушных тревог на крышах домов, шили военное обмундирование, трудились на совхозных и колхозных полях. Одна мысль, одно желание владело всеми — сделать как можно больше для страны, ставшей им матерью!

Фриц поступил на краткосрочные офи-

церские курсы, вместе с другими рыл за городом окопы и противотанковые рвы.

И вот, наконец, исполнился его мечта: Штраубе стал советским воином, офицером. В одном из своих писем, адресованных в детдом, он рассказывал товарищам:

«Сейчас нахожусь в Брянске. По пути посчастливилось, правда, всего-навсего несколько часов, провести в Москве. Не верьте никому, нисколько она не изменилась, разрушений никаких не заметил. Покатался вдоволь на метро, прошелся по Красной площади, зашел в кино («Жди меня») — вот и все. А будто дома побыл, с родными встретился, настроение самое что ни на есть боевое.

От Москвы до Брянска доехал как нельзя лучше. На рассвете выглянул в окно и ужаснулся. «Здесь побывали немцы!» — ударило мне в голову. Вы не знаете и не сможете себе представить, на что способны фашисты, что они могут натворить. То и дело видишь под откосом вагон, паровоз, целый состав вагонов. Все без исключения станции взорваны или подожжены. Дома обгорели, и тянутся в небо одни трубы. Брянска тоже больше нет. Выйти из поезда пришлось за несколько километров перед городом, весь путь искромсан снарядами, и рельсы, кривые и винтом завинченные, торчат вверх. Весь центр выжжен, все большие здания взорваны. Я прошел около стены, которая вся избита пулями, — здесь, объяснили мне, расстреливали русских...»

Теперь, думаем, самое время вернуться к фронтовому другу и однополчанину Фрица Штраубе — Петру Михайловичу Рыбкину, слушаем и его рассказ о тех далеких, незабываемых днях, когда они вместе, русский и немец, боролись во имя одного, общего дела, в рядах одной армии.

— 1 сентября 1943 года, — вспоминает Петр Михайлович Рыбкин, — я прибыл в город Орел, еще дымящийся от пожаров, и приступил к несению службы в качестве врача на сборном пункте военнопленных. Наша часть двигалась вплотную за наступавшими войсками. А в декабре — мы тогда были уже в городе Речице Гомельской области — у нас появился совсем юный Фриц Штраубе, назначенный переводчиком. Мы узнали, что он одиннадцатилетним мальчиком убежал из фашистской Германии, пробрался через Чехословакию в Советский Союз. Учился в Иванове, вступил там в члены ВЛКСМ и в 1943 году после десятка заявлений добился призыва в ряды РККА. Сразу скажу: отличным он показал себя воином, не жалел себя, не трусил. Часто помогал мне проводить первичный врачебный осмотр поступающих с фронта военнопленных. Для большинства солдат вермахта наши заботы казались странными, но они принимали их охотно. Мы неукоснительно выполняли обещание советского командования — обеспечить лечением и питанием солдат противника, сдавшихся в плен. Их лечили, и не только от ран, но и от фашистского дурмана, прочно засевшего в их головах.

502

Вспоминается такой эпизод. Летом 1944 года наши войска освободили Освенцим, где гитлеровцы создали гигантский концлагерь — душегубку для сотен и сотен тысяч узников со всей Европы. Нашим армейским хозяйственникам было разрешено получить некоторое имущество, обнаруженное на тамошних складах. В качестве грузчиков мы взяли с собой наряду с антифашистами и убежденных нацистов, тех, кто не хотел верить в преступления своего режима.

Командир роты, охранявшей концлагерь, вначале отказался впустить военнопленных немцев, но мы ему объяснили нашу цель, и тогда он разрешил: «Пусть посмотрят на дело рук своих».

Нас потрясло увиденное. В полной сохранности стояли крематории, газовые камеры и лагерные бараки. На складах груды одежды, обуви, принадлежавших тем, кто был здесь зверски уничтожен. Страшные атрибуты смерти... Удирившие от возмездия фашисты оставили повсюду нестираемые следы.

Мы возвращались к себе молча. Никому не хотелось говорить. Молчали наши солдаты-конвоиры, молчали немецкие солдаты-военнопленные. Молчал и наш товарищ — Фриц Штраубе. Лишь на сборном пункте он гневно спросил своих соотечественников: «Теперь убедились, что наши слова в беседах с вами — не пропаганда? Убедились?!» Он даже двинулся на них. Я испугался, ведь через плечо автомат...

Во всяком случае, младший лейтенант Штраубе стал после Освенцима неузнаваем. Работал как заведенный, забывая хотя бы о кратком отдыхе. Один лишь пример: он сам, без чьей-либо просьбы взял за распространять и читать воззвания Национального Комитета «Свободная Германия», обращенные к немецким солдатам и офицерам. Листовки подчас на пять-десять минут, а спор — на долгие часы, смелый, беспощадный был он в споре.

Пленные гитлеровцы часто спрашивали Фрица Штраубе, действительно ли он немец? Они считали его предателем. Об этом некоторые говорили ему прямо в глаза. В дебатах с ними молодой антифашист помогал им понять правду, понять, кто же настоящие немцы: нацисты или их противники.

Вместе со своими боевыми советскими друзьями Фриц Штраубе участвовал в допросах немецких солдат и офицеров, в разборе и изучении захваченных трофейных документов, в выявлении лиц, совершавших зверства и преступления на оккупированной земле.

В конце 1943 года, почти сразу после прибытия на фронт, ему довелось участвовать в допросе пленного немецкого ефрейтора Вальтера Лессера, который сообщил интересные сведения об Эрнсте Тельмане, томившемся в фашистской тюрьме.

Вальтер Лессер до нападения Гитлера на СССР служил тюремным надзирателем в городе Баутцен, а во время войны, незадолго до отправки на фронт, заведовал

хозяйством домов предварительного заключения и тюрем Баутцена.

На допросе он рассказал, что между 7 и 10 октября 1943 года ему под строжайшим секретом сообщили, что в тюрьме находится Эрнст Тельман. С помощью своих сослуживцев Вальтер Лессер сумел пройти к нему в камеру.

«Когда я вошел, Тельман, оторвавшись от книги, с удивлением взглянул на меня, неизвестного ему солдата.

Я никогда не видел Тельмана раньше, но очень хорошо знал его по портретам и тотчас убедился, что это действительно он. Все же я спросил, он ли Тельман, вождь коммунистической партии. Он, улыбаясь, ответил: «Да, Тельман — это я».

...Так как я в скором времени должен был отправиться на Восточный фронт, я решил спросить его, что он думает о войне против России и о положении Германии.

Эрнст Тельман смотрел на меня некоторое время молча, потом в тоне, не допускавшем возражений, ответил, что война с Советским Союзом — величайшая ошибка Гитлера. Германия, так сказал Тельман, никогда не победит Советскую Россию, потому что Советская Россия за двадцать лет после Октябрьской революции стала сильнее, чем какое-либо государство. И немецкий народ, сказал Тельман, исключительно заинтересован в дружбе с советским народом».

Слушая рассказ ефрейтора, Фриц Штраубе и представить не мог, что его отец в те дни тоже находился неподалеку от Баутцена — в каторжной нацистской тюрьме. Но он будто слышал его голос и спешил увидеть быстрее родную землю, освободить ее от преступной фашистской нечисти!

— В одной из листовок, сохраненных мною, — рассказывал полковник Рыбкин, — Фриц Штраубе писал в начале сорок пятого: «Наш народ должен жить вопреки лживому утверждению Гитлера, связывающему судьбу немецкого народа с фашистской кликой, за которую он проливает кровь и погибает на фронтах этой войны на Атлантическом вале, на холодном севере и жарком юге. В дни, когда остатки германского вермахта гибнут на немецкой земле, когда в руины превращаются города и села, фашистский призыв «Бороться за каждый куст, за каждый дом...» противоречит интересам нашего народа и всей Германии. Гитлер связывает свое проклятое существование с жизнью немецкого народа, потому что он рассчитывает жить тем дольше, чем больше немцы будут сражаться за него...»

Петр Михайлович задумался на мгновение, потом произнес гордо:

— Сын коммунистов, сам в душе коммунист, он в этой и других листовках представлял перед нами неумным идеологическим бойцом, истинным тельмановцем!

— В документальном фильме «Я—Фриц», рассказывающем о моей судьбе,—вступил в нашу беседу Штраубе,—особое внимание обращено на вопрос: в чем суть настоящего патриотизма? Как должен вести себя

коммунист-патриот, когда он в войне противостоит своим же соотечественникам? Я об этом говорю потому, что одно дело — агитация, убеждение немецких солдат в несправедливости и преступности развязанной фашистами войны, а другое — это, по-моему, более высокая ступень истинного патриотизма — готовность всеми средствами бороться против своих соотечественников, если они выступают на стороне классового врага!

От некоторых своих сограждан, перешедших во время войны на сторону Национального Комитета «Свободная Германия», мне доводилось слышать мнение, что против «своих» пристало бороться только словом, агитацией, а не винтовкой, не автоматом. С этим не могу согласиться! Я убежден, что для настоящего патриота не должно существовать никаких, в том числе и национальных, ограничений при защите классовых интересов народа и социализма. Наш лозунг — пролетарский интернационализм — не фикция, а факт, священный долг и священная обязанность. В письме, полученном мною от одного из москвичей, тоже воевавшего, были такие слова: «Нам, советским людям, во время войны было страшно тяжело, а немецким коммунистам, боровшимся с нами заодно, духовно было вдвойне тяжелее...» Спасибо ему, русскому другу, он понял меня, понял всех нас...

Слушая взволнованную исповедь этого много пережившего человека, мы хорошо понимали: долог и труден был его путь к дому, к родным и близким. И он прошел его, прошел достойно.

Весной 1945 года вместе с Советской Армией лейтенант Фриц Штраубе увидел покинутую некогда немецкую землю. На одном из самодельных щитов около сгоревшего дома он прочитал слова, написанные крупными буквами по-русски: «Вот она, проклятая Германия».

Сложные, противоречивые чувства овладели Штраубе в те минуты. Прав был советский солдат, первым прошедший здесь? Абсолютно прав! Повсюду разбитая военная техника, сгоревшие здания, толпы беженцев. Женщины, дети, старики. Испуганные, робкие, жалкие... Фашизм оставил в их душах свой страшный след. И все-таки, несмотря ни на что, Фриц Штраубе верил, что придет время, когда из руин войны поднимется новая, социалистическая Германия!

Лейтенант Фриц Штраубе демобилизовался из Советской Армии и вернулся в родной Лейпциг. Там с помощью друзей он разыскал отца, работавшего в антифашистском комитете. Отто Штраубе освободили из застенков Баутцена советские солдаты. Той самой армии, в которой был и его сын, его дорогой, ненаглядный Фриц. На всю жизнь запомнилась Фрицу встреча с отцом, а затем и с матерью.

День — 17 февраля 1946 года — он не забудет никогда.

— В тот день, — рассказывает Фриц Штраубе, — я подал заявление в КПГ. Меня сразу же приняли и предложили долж-

ность заместителя секретаря городской партийной организации по вопросам молодежи. Тогда готовилось объединение социал-демократической и коммунистической партий, завершившееся 21 апреля 1946 года основанием СЕПГ. Мне очень помог опыт моей школьной и армейской комсомольской работы... Время было удивительное и незабываемое!

Пришел час, и Фриц стал студентом, начал изучать в Дрездене архитектуру, закончил второй курс. Узнав, что в Лейпцигском университете открылся факультет общественных наук, он меняет свои планы и приступает к изучению истории.

— Посвящая себя изучению прошлого, узнаешь многое, что полезно сегодня, — говорит он. — Знания вооружают людей, чтобы они могли решать проблемы современности. Основание СЕПГ — тоже выгода, извлеченный из истории немецкого народа: единство рабочего класса, боевая марксистско-ленинская партия. Трудно переоценить значение этого события для моего жизненного пути...

Фриц Штраубе стал историком. Он участвовал в издании произведений В. И. Ленина на немецком языке, в подготовке научных кадров и работников идеологического фронта для ГДР, опубликовал целый ряд книг и статей, разоблачающих буржуазных фальсификаторов истории. Недавно закончил большую книгу по истории России — от древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции, являющуюся первым исследованием такого рода, написанным зарубежным ученым-марксистом.

В Лейпциге, в здании бывшей ратуши, где ныне размещается Музей новейшей истории, можно увидеть скромный полевой офицерский китель Фрица Штраубе. И под ним, в витрине, — три советские медали, боевые награды патриота-антифашиста. Кстати, в этом дорогом для него зале, где фотографии и отца, и матери, ветеранов-коммунистов, он провел цикл публичных выступлений, посвященных боевому братству ГДР и СССР. В архивах Берлина и Москвы им собран огромный фактический материал, ярко подтверждающий многолетние связи, нашу глубоко заинтересованную взаимопомощь. «Мои лекции — подарок лейтенантам армии и полиции, приуроченный к большому празднику — 40-летию образования ГДР. Я с ними дружу, как дружил когда-то с их отцами и дедами, ведь по поручению лично Вильгельма Пика мне довелось участвовать в создании и немецкой народной армии, и немецкой полиции...»

Да, прошумели, пробежали годы! Трудные и великие, горькие и радостные. Стоят рядом, прижавшись друг к другу, два фронтовика, два боевых однополчанина, а нам видится, чувствуется: это же стоят не просто немец и русский, это же две армии, две страны, два народа.

**Валентин ТОМИН,
Александр СГИБНЕВ,
участники Великой
Отечественной войны.**

«Сделал, что мог...»

503

«Сорок с лишним лет находится на вооружении воинов, в том числе и во внутренних войсках, автомат Калашникова. Больше служила русскому солдату — полвека — трехлинейная винтовка С. И. Мосина. У АК есть хорошие предпосылки перекрыть этот рекорд.

Расскажите, пожалуйста, подробнее о создателе этого замечательного автомата: как он шел к успеху, опередив надолго время?»

Это строки из письма в редакцию курсанта Г. Беляева. Аналогичные просьбы высказывали и другие наши читатели. Выполняя их пожелания, наш корреспондент встретился с дважды Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской и Государственной премий, доктором технических наук Михаилом Тимофеевичем Калашниковым.

— Михаил Тимофеевич, не раз приходилось слышать самые лестные отзывы о «Калашникове». А «афганцы» ставили его в ряд своих боевых товарищей... Пользуясь случаем, разрешите высказать слова глубокой благодарности, которые многие наши воины просили передать Вам за автомат, о надежности и безотказности которого ходят легенды.

— Спасибо. Для конструктора слышать такую похвалу о своей работе всегда приятно. Тем более, если она стала для меня делом всей жизни.

— В своих письмах читатели журнала интересуются тем, откуда Вы родом, кто Ваши родители, в каком звании Вы закончили службу, где трудитесь! Расскажите обо всем этом хотя бы коротко.

— Я — полковник в отставке. Работаю главным конструктором в машиностроительном объединении. Родился в крестьянской семье в селе Курья, ныне Алтайского края. Там же учился в школе. Потом работал в Казахстане техническим секретарем политотдела одного из отделений на «Турксибе» — Туркестано-Сибирской железной дороге. Осенью 1938 года призвался в Красную Армию и попал в школу механиков-водителей танков. Потом была Великая Отечественная...

— Известно, что Вы создавали свой знаменитый автомат, не будучи профессиональным конструктором. И в 1949 году, когда Вам присудили Государственную премию за разработку АК, Вы продолжали службу в звании старшего сержанта...

— Вас удивляет, как я, старший сержант, решился на это? Так время было такое, когда каждый стремился внести максимальный вклад в разгром ненавистного, сильного и коварного врага. Я с первых же дней Великой Отечественной войны участвовал в боях. Командовал тридцатьчетверкой — отличной, исключительно надежной, а по тому времени и совершенной боевой машиной. Но не мог не видеть, что пехоте катастрофически не хватало автоматического оружия. Фашисты же буквально заливали свинцом все вокруг. Естественно, мы несли огромные потери.

В сентябре 1941 года после тяжелого ранения под Брянском оказался я в госпитале. Много наслушался во время долгого лечения от тех, кто хлебнул сполна лиха, кто в бессильной злобе ходил в штывковую против танков, кто отступал, прорывался из окружения. Не раз раздавались голоса: где же наши конструкторы, почему так мало надежного современного оружия!?

Тогда-то впервые зародилась мысль попробовать сконструировать надежный и безотказный пистолет-пулемет. Тогда сделал первые наброски собственного образца под пистолетный патрон, начал всерьез и основательно штудировать имеющуюся в местной библиотеке литературу. К счастью, удалось получить некоторые опубликованные труды конструктора В. Г. Федорова по эволюции стрелкового оружия.

Сами понимаете, поначалу дальше эски-

зов, весьма примитивных, дело не пошло. Пришлось заняться и общеобразовательной подготовкой. Ведь даже чертеж грамотно я тогда не умел выполнить.

Но идея уже всецело завладела мной, я не мог от нее отказаться. Тем более, что все вокруг старались помочь, как умели.

Когда здоровье немного поправилось, мне предоставили отпуск на полгода и отправили в тыл. Так оказался на станции Матай, что в Казахстане, — оттуда я призывался в армию. Местные товарищи, прежде всего начальник железнодорожного депо, с пониманием отнеслись к моим конструкторским замыслам и оказывали всестороннее содействие. Выделили помещение, дали возможность изготавливать детали задуманного изделия в мастерских. И здесь как только люди узнали о моих планах, каждый считал своим долгом протянуть руку помощи. Нашлись среди путейцев толковые токари, фрезеровщики, кузнецы. Женщины из технического бюро вызвались выполнить необходимые чертежные работы.

Большое содействие оказали в ЦК Компартии Казахстана. Так, по рекомендации одного из секретарей доводка опытного образца продолжалась в мастерских столичного вуза, эвакуированного в Алма-Ату.

Короче, в том, что пистолет-пулемет был собран и показал неплохую стрельбу, заслуга многих и многих людей.

— Однако первый Ваш опыт, к сожалению, не удался, не так ли!

— Не совсем так. Действительно, тот пистолет-пулемет, разработанный в 1942 году, не получил путевку в жизнь. Но, подчеркиваю, не потому, что был плох. Просто тогда на вооружение уже поступил ППС — пистолет-пулемет А. И. Судаева и отпала острая необходимость в создании аналогичного автоматического оружия.

И все же мы потратили столько сил и времени не впустую. По оценке академика Анатолия Аркадьевича Благодрава, признанного авторитета в области стрелкового оружия, хотя мой пистолет-пулемет какими-то преимуществами перед серийным не обладал, в нем имелось несколько интересных технических решений. Ученый их подметил. Он вообще очень внимательно отнесся к моему творчеству, настоятельно советовал не останавливаться в поиске. Его обстоятельное и сердечное письмо-отзыв о работе хранию до сих пор. Оно окрылило меня, придало силы. К тому же вскоре я был откомандирован для дальнейшего прохождения службы на испытательный стрелковый полигон, где открывались более широкие возможности для творчества.

— Как же дальше развивались события!

— Продолжал на полигоне работу. Теперь уже над новым автоматом, а заодно и над ручным пулеметом. Они, неплохо показав себя на испытаниях, тоже не получили признания. Не имела успеха, на который я очень рассчитывал, и попытка создать самозарядный карабин под патрон калибра 7,62 мм. Тогда лучшим был признан карабин С. Г. Симонова — опытейшего оружейника.

Однако и на этот раз проделанное не прошло бесследно. Каждая очередная,

пусть и не совсем удачная, работа приближала к успеху, который ждал нас в 1946 году, — именно тогда мы собрали опытный образец автомата, через год рекомендованного для принятия на вооружение в Советской Армии под названием «7,62-мм автомат Калашникова (АК)».

— Интересно бы узнать о самих истоках Вашего технического творчества. Ведь все-му есть первопричина!..

— Вы правы. Наряду с субъективными факторами, конечно, были и объективные предпосылки того, что я посвятил свою жизнь именно разработкам стрелкового оружия. Можно вполне допустить, что я никогда бы не стал конструктором-оружейником, если бы не имел уже тогда некоторого, пусть небольшого, опыта рационализаторской и изобретательской деятельности. Так, еще в бытность курсантом танковой школы в конце тридцатых годов придумал нехитрое приспособление, упрощающее стрельбу из пистолета ТТ через смотровые щели в танке: без него, того приспособления, стрелять было трудно и даже опасно. Затем изготовил к пистолету магазин большей вместимости патронов, чем у токаревского. Примерно тогда же сконструировал счетчик выстрелов из танковой пушки...

А незадолго до войны принимал участие во всеармейском конкурсе на создание счетчика моторесурса танка. Решить эту задачу оказалось куда труднее, тем более для меня, не имеющего даже законченного среднего образования, не говоря уж об инженерных знаниях.

Тем не менее прибор я создал — простой и надежный. В связи с этим был даже приглашен на встречу с командующим Киевским особым военным округом генералом армии Георгием Константиновичем Жуковым, заинтересовавшимся моей работой. Запомнились слова прославленного военачальника: «Приятно, что красноармейцы не только успешно изучают боевую технику, но и активно участвуют в ее совершенствовании».

Прибор испытывали в Киеве, затем в Москве. В конце концов меня направили на один из ленинградских заводов для подготовки серийного производства счетчика. С началом войны я вернулся в родную часть.

— Значит, вопрос некоторых наших читателей, случаен ли выбор Вами профессии конструктора, можно, пожалуй, снять!

— Как сказать. Ведь все могло ограничиться первыми опытами... К слову, в свое время я увлекался всевозможной поэзией. Писал стихи, в основном о танках. Занимался в литобъединении. Печатался в армейских газетах. Был даже участником окружного совещания молодых литераторов. К счастью, хватило ума понять, что вершин на поэтическом поприще не достигну, а светить вполне можно — такого не признаю.

— И все же хотелось бы понять, что помогло Вам без достаточной теоретической и практической подготовки справиться с поставленной задачей!

— Может быть, кого-то и удивит мой ответ, но я все же скажу: помогла здоровая конкуренция. Мы, кажется, до сих пор

не любим это слово... Но именно соперничество, бескомпромиссная борьба с опытнейшими мастерами, среди которых были такие корифеи, как Дегтярев, Шлагин, Симонов, заставляла работать неистово, по большому счету. Так что я за здоровую конкуренцию. Больше того, уверен, если мы хотим достичь настоящего прогресса в той или иной области, надо чаще использовать конкуренцию. Ее боится только тот, кто не умеет или не хочет по-настоящему трудиться.

— Ваши жизненные установки, да и сама Ваша жизнь — лучший ответ тем, кто ныне пытается протащить мысль о том, что, дескать, армия чуть ли не губит талант, что служба не способствует развитию личности, что у военных происходит со временем атрофия творческих способностей... У Вас-то как раз все и началось с армии. Выходит, все зависит не столько от того, где человек находится, а от него самого, от его активной жизненной позиции.

— Именно так.

— Не вернемся к АК. Несмотря на всеобщее признание и высокую оценку изобретения, Вы все последующие годы продолжали настойчиво совершенствовать его. По какому пути Вы шли? Ведь если брать в целом, то принципиально автомат не менялся.

— Да, если не вдаваться в подробности, то действительно принцип действия автомата остался неизменным — он основан на использовании энергии пороховых газов, отводимых через отверстие в стенке ствола. Запирание канала, как и прежде, осуществляется поворотом затвора вправо. Но за десятилетия многое нами доработано и изменено в автомате. Так, позднее на вооружение принят АКМ — модернизированный вариант. В нем введен ряд усовершенствований, существенно улучшивших боевые и эксплуатационные характеристики автомата.

Позже был создан на основе принципиальной схемы автоматики новый, унифицированный по сравнению с предыдущим комплекс оружия калибра 5,45 мм (АК-74, РПК-74 и другие).

— Известны ли еще случаи такой унификации стрелкового оружия?

— В настоящее время подобный опыт имеется и за рубежом, например, в США. Но проблема широкой (межвидовой) унификации стрелкового оружия, причем не только в пределах одного калибра, но и при переходе на другой, решена впервые в нашем КБ.

— Ваши увлечения!

— Я страстный охотник. Люблю рыбачить. Нравится быстрая езда на автомобиле. Конечно, когда сам за рулем.

— Ваш девиз в жизни!

— Знаете, среди самых памятных сувениров у меня хранится медаль — награда журнала «Изобретатель и рационализатор». На ней вычеканены слова великого скульптора Огюста Родена «Сделал, что мог, кто сможет, пусть сделает лучше». Мне эти слова очень нравятся. Я всегда готов первым позвать руку тому, кто сделает лучше.

— Кто из знакомых Вам людей является для Вас примером?

— Конструктор Михаил Владимирович Марголин. Тот, кто создал спортивный пистолет, признанный и у нас, и за рубежом одним из лучших образцов спортивного оружия и назван его именем — «пистолет Марголина». Я с ним не раз встречался, и всегда он вызывал у меня чувство безмерного уважения, даже восхищения. Поистине его жизнь сродни подвигу. Ведь свое творение конструктор создавал, будучи слепым — он служил в отряде ВЧК и потерял зрение при ликвидации одной из бандитских шайк. Войсковая закалка помогла бывшему командиру взвода чекистов стать бойцом в жизни и творцом в технике. Слепой человек, он всю Великую Отечественную войну работал в арсеналах, на полигонах, оборонных заводах, внося свой вклад в совершенствование оружия, а после Победы создал «мирный» пистолет, прославивший имя творца.

— С автоматами Вашей конструкции ежедневно заступают на службу и сегодняшние воины внутренних войск. Что бы Вы им пожелали!

— Быть любознательными. Не уходить от трудностей. Не бояться ставить перед собой задачи посложнее и успешно их решать.

— Скоро, 10 ноября, Вам исполняется 70 лет. От имени коллектива редакции, а также наших читателей поздравляем с грядущим юбилеем. Желаем, чтобы сбылись Ваши самые заветные желания.

— Спасибо. А заветное мое желание в настоящее время — дописать таки книгу, которую замыслил. Автобиографическую. Нет-нет, не в смысле памятника себе при жизни. Я обращаюсь в ней к тем, кому наше дело продолжать, кому наш опыт, может быть, будет небезыntenесным.

Беседу вел подполковник В. АФАНАСЬЕВ.

*Григорьевич Журчалов
"За боевом посту"
Успехов Вам в службе, активной
иной позиции в перспективе,
Благополучия в личной жизни.
Г. Григорьевич*

САМЫЙ ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Ребяташки, живущие в одном из детских домов Калининской области, успели в этой жизни насмотреться всякого. Тем острее желание педагогов, воспитателей, шефов сделать все возможное, чтобы чаще детские лица освещались улыбкой.

Когда приходят в гости солдаты — настоящий праздник. Прихорашиваются девчонки, а мальчишки чуть не на ушах стоят от избытка чувства.

Зная, как любят военных друзей в детском доме, политработник офицер Н. Лукаш месяц от месяца активизирует шефскую работу. Подгонять и упрасивать здесь никого не надо — каждым движет милосердие.

Для прапорщика Хайдыра Альбинова (снижок слева вверху) встречи эти по-особому волнующи. Прежде здесь была школа-интернат, восьмой класс которой он заканчивал. Как родного встречает своего бывшего воспитанника Рижма Павловна Кузнецова — радуется его успехам в службе.

А у этих сорванцов успехи в службе еще впереди. Пока надо спортом больше заняться, учиться хорошо. «Ну-ка, давай подтягивайся!» — сильные руки солдата помогают мальчугану. На спортплощадке рядовой Александр Павлов — самый авторитетный тренер. Он — кандидат в мастера спорта по боксу.

Жене Смирнову и Эдику Павлову хочется «поругать». Свой «пост» в кабине автомашины охотно уступил водитель рядовой Анатолий Девяткин.

Дети знают, что уборка территории военного городка — тоже солдатское дело. Потому и не гнушаются мальчишки взять в руки метелки.

Спросите у Тани и Иры, кто, по их мнению, самый добрый человек. «Дядя Дима Голубев, — ответят подружки, — он сильный, веселый, ласковый...»

Фото А. Александрова.

НА ВСЮ ОСТАВШУЮСЯ ЖИЗНЬ

Когда я собирался на встречу с Вячеславом Александровичем Дмитриевым, казалось мне, что он уже устал от внимания корреспондентов. Еще был во время дружественного визита М. С. Горбачева на Кубу, за которым с интересом следил весь мир, советский руководитель преподнес в дар кубинским товарищам портрет Фиделя Кастро, выполненный из зерен художником-оформителем В. А. Дмитриевым. И хотя я, по воле случая, вез ему приятную весть: телеграмму из ЦК КПСС, официально удостоверяющую факт передачи подарка кубинскому лидеру, — на особо радушный прием не рассчитывал...

На удивление тепло и даже радостно встретил меня этот скромный, доброжелательный человек. С первых же вопросов выяснилось, что Вячеслав Александрович давно ждал этой встречи — встречи со своей юностью, с родными войсками. Оказалось, что он ветеран внутренних войск и очень гордится этим: девять, и без всякого сомнения, лучших лет своей жизни отдал Дмитриев службе в строю воинов-чекистов. Самые добрые воспоминания о тех годах живут в его сердце.

Что же, однако, за человек Дмитриев? С виду самый обыкновенный. Одевается он без нарочитой замысловатой броскости. До обаятельности прост Вячеслав Александрович в разговоре: немногословен, удивительно искренен, точен и емок в выражении своих мыслей. И именно это свидетельствует о его творческой натуре, незаурядности. Именно эта очаровывающая простота и помогает понять, что перед нами человек мудрый.

...По-разному становятся художниками. Кто-то с детства продолжает семейные традиции, кто-то развивает свои способности к рисованию в художественных институтах, училищах, учебных студиях. Дмитриев — самоучка. Родился и вырос во Владимире, знаменитом на Руси мастерами-богомазами. И хотя похвастать родством с кем-нибудь из них не может, но учиться у иконописцев учился. В чем, в чем, а в этом ему повезло — занятия в кружке юных художников при владимирском Доме пионеров в конце тридцатых годов вели настоящие народные умельцы, бережно хранившие секреты и традиции старых мастеров-иконописцев. И сын служащего железной дороги увлекся рисованием всерьез.

Вот только не мечтал тогда Слава о сла-

ве художника. Он вообще о профессии художника не помышлял — виданное ли дело стать живописцем, имея за плечами лишь школу-шестилетку! На свое пристрастие к рисованию, не строя никаких иллюзий, смотрел лишь как на любимое увлечение и не больше. А потому, шагнув во взрослую жизнь, нисколько не сожалел о сделанном выборе — о поступлении в ремесленное училище. И кто знает, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если бы не война...

На фронт он стремился, как все тогдашние мальчишки, неистово. Но именно война распорядилась таким образом, что юноша надел форму войск НКВД, а уже служба в строю воинов-чекистов, как это ни парадоксально, выковала из него профессионального художника.

Однако прежде были всякие невзгоды — досрочный выпуск из ремесленного училища и тяжелая для подростка работа в депо слесарем-электромонтером. Изнурительные, наполненные ежеминутной опасностью поездки на фронт в качестве кочевара магистрального паровоза. Два неудачных побега на передовую и расплата за них: за первый — суд железнодорожного трибунала и приговор: месяц исправительных работ на деревянных складах НКПС; за второй — угодил в детдом киевского поселка Березань...

Солдатом он, как ни торопил время, стал лишь в семнадцать лет. Курсант школы младших командиров 35-й конвойной дивизии войск НКВД, рядовой; командир отделения станковых пулеметов 227-го кон-

О НИХ ГОВОРЯТ

войного полка, младший сержант — таков послужной список Вячеслава Александровича в Великой Отечественной войне. Польша, Румыния, Германия — его боевой путь как солдата-освободителя. Пограничный румынский городок Сигет, Ровенщина и Виннитчина — места жарких схваток с бандеровцами уже после того, как отпраздновали Победу...

Он вправе считать себя человеком счастливым: сколько раз свистели над головой бандитские пули, и ни одна даже не зацепила. Как командир, он сделал все от него зависящее, чтобы в боях не погиб ни один из его подчиненных. Людей берег — и от выстрелов в упор, и от нападений из засады, и...

Однажды в конце сороковых годов, пригнав для конвоирования по железной дороге несколько сот захваченных в плен оуновцев, он сумел подавить в себе всю накопившуюся ненависть к ним, вместе с шестью другими младшими командирами конвоя, вопреки самым строгим инструкциям, разрешив пленным здесь же, на станции, попрощаться с родными и близкими. Не жалость и тем более не малодушие руководили тогда им и его товарищами — осознание того, что запрет по своей сути неоправданно жесток, а следовательно, бесчеловечен, антигуманен и самое страшное — способен породить у местного населения, и без того зараженного вирусом враждебности, еще большую неприязнь к Советской власти.

В результате — лишение сержантского звания.

Нет худа без добра. Пока командование гадало, на какую же должность определить теперь вышедшего из доверия бывшего сержанта, тот тем временем вспомнил о своем прежнем увлечении живописью. Между боевыми операциями, выполнением других ответственных задач появилась возможность взять в руки кисточку, краски. Он не замедлил воспользоваться ею. И, скажем, очень кстати. Клубу части давно требовался хороший художник. Им стал вскоре комсомолец рядовой Дмитриев...

— Я был назначен кинорадиомехаником, а фактически являлся художником-оформителем, очень часто оставался за начальника клуба. Работы выпадало много, но она не была в тягость — занимался любимым делом, но впервые (и теперь уже навсегда) не на правах любителя, а профессионала, — вспоминает Вячеслав Александрович.

Вот так нежданно-негаданно он вдруг нашел свою подлинную судьбу, на всю оставшуюся жизнь прочно и неразрывно связал себя с искусством. Служба во внутренних войсках «благословила» его в художники, оценила и развила его талант.

А как оценила — об этом свидетельствуют факты: среди поощрений рядового Дмитриева как художника части были денежная премия, краткосрочный отпуск на родину — награда от министра внутренних дел УССР легендарного генерала Т. А. Строкача. Одобрительную резолюцию наложил в 1951 году старший командир на рапорте воина с просьбой остаться на сверхсрочную.

Служба во внутренних войсках не только помогла Вячеславу Александровичу стать художником-профессионалом, она способствовала его росту как Мастера, как личности.

...Личность Мастера отражается не только в его поступках, но и в его работах. Впрочем, в отношении художника это, наверное, одно и то же: за каждой новой картиной — поступок. Возьмите нашумевшую, обошедшую все газеты историю с портретом Фиделя Кастро. Огромная симпатия, которую питает Дмитриев к кубинскому лидеру, помогла создать высокохудожественный портрет. Но этого мало. За несколько дней до отлета М. С. Горбачева в Гавану необходимо было за свои личные средства, подавив бюрократическое сопротивление чинуш, отправить улакованную в специальный ящик работу в Москву. А потом, набравшись терпения, не находя себе места, ждать ответа: ведь мог прийти и отказ...

Портрет Эриха Хонеккера из зерен он вручил от чистого сердца немецким строителем газопровода «Дружба», портреты В. И. Ленина — музеям Москвы и Киева... Всех дарственных работ не перечислить. Но следует все же сказать и еще об одной. Это портрет из зерен Л. И. Брежнева, подаренный художником творцу застоя к его семидесятилетию. Очень уж данный факт не красит сегодня Вячеслава Александровича. Неужели ему тогда изменила мудрость? Трудно найти ответ. Самому же художнику о том сожалеть уже поздно, а каяться ни к чему — в декабре 1976 года он был искренен в своем порыве, вопреки, может быть, даже здравому смыслу верил в Брежнева как в выдающегося руководителя. Порой заблуждаются, допускают непоправимые ошибки и люди мудрые, честные, живущие по совести...

И последний штрих к рассказу о художнике, ставшем сегодня известным не только у себя в Виннице, где он поселился после увольнения в запас из внутренних войск. Почему в свое время он сменил краски и мольберт на «рисование» зерном? Оказывается, двадцать пять лет назад поразил и увлек его богатый выбор цветовых гамм, которые таили в себе зерна злаковых растений. По душе пришлось и то, что сложная техника исполнения таких картин не прощает небрежности. Любое неточное движение заостренной деревянной палочки или пинцета — орудий труда художника, дает неисправимый брак. Вот и получается — работать с ленцой, ниже своего мастерства не сможешь, выше — хоть всю жизнь. А стремиться к высшему совершенству всегда было уделом только Мастеров.

Старший лейтенант Ю. РЖЕВЦЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Когда этот материал был написан и подготовлен к печати, из Винницы пришла еще одна новость: Вячеславу Александровичу из Москвы поступила посылка, в которой находились письмо от Михаила Сергеевича Горбачева со словами искренней благодарности за прекрасно выполненный портрет Ф. Кастро, а также именные золотые часы,

Мерстень Люцифера

Юрий КЛАРОВ

ПОВЕСТЬ

На следующий, седьмой, день недели, выделенной ему для подготовки операции, Яровой уже докладывал председателю Петроградской ЧК о проделанной им работе.

Судя по всему, Яковлева была довольна.

— Выходит, я не зря понадеялась на вашу фантазию, — сказала она, когда Яровой закончил.

Яковлева взяла конверт, полученный Яровым в подарок от субинспектора Московского уголовного розыска, вытрянула на стол его содержимое, брезгливо отодвинув в сторону фотографии, стала просматривать газетные вырезки. Их было всего три.

ИЗ ГАЗЕТЫ «СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА»
от 1/XI—1917 г.

«Граждане Петрограда!

Убедительно просим всех граждан приложить все усилия к розыску повсюду, где только возможно, вещей, похищенных в Зимнем дворце в ночь с 25 на 26 октября. Скупщики, антиквары и все, кто окажется в числе укрывателей, будут привлечены к судебной ответственности и наказаны со всей строгостью.

Комиссары по защите музеев и художественных коллекций
Г. Ятманов, Б. Мандельбаум».

Окончание. Начало в № 9.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

ИЗ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»

от 7/VI—1917 г.

«20 000 000 долларов

ассигновано крупным американским обществом для покупки античных вещей в России.

Не продавайте ничего раньше, чем показать ваши драгоценные камни, золото, серебро, миниатюры, табакерки, гобелены, мебель, фарфор, бронзу, гравюры и пр. представителю фирмы П. Горвица.

Преображенская, 21, кв. 2, тел. 215-33
Прием от 11 ч. утра до 2 ч. дня.»

ИЗ СТАТЬИ А. М. ГОРЬКОГО

В ГАЗЕТЕ «НОВАЯ ЖИЗНЬ»

от 28/V—1918 г.

«Человек, недавно приехавший из-за границы, рассказывает: «В Стокгольме открыто до шестидесяти антикварных магазинов, торгующих картинами, фарфором, бронзой, серебром, коврами и вообще предметами искусства, вывезенными из России. В Христиании я таких магазинов насчитал двенадцать, их очень много в Гетеборге и других городах Швеции, Норвегии, Дании. На некоторых магазинах надписи: «Антикварные и художественные вещи из России», «Русские древности».

Чтобы убедиться в этой истине, стоит только посвятить два-три дня на обзор того, что творится в галереях Александровского рынка, в антикварных лавках Петрограда и бесчисленных комиссионных конторах, открытых на всех улицах города. Всюду неумоимо ходят хорошо выбритые, но плохо говорящие порусски люди американской складки и — без конца покупают все, что имеет хотя бы ничтожное художественное значение».

Яковлева собрала газетные вырезки и вместе с фотографиями положила в конверт. Спросила:

— Леонид Николаевич, а вас не заинтересовал этот представитель американского общества для скупки антиквариата в России — Горвиц, кажется?

— Заинтересовал. Думаю в ближайшие дни им заняться. Любопытная, на мой взгляд, ниточка.

— Загадывать не будем, но... чем черт не шутит!

— А пока...

— А пока будем считать, что подготовка операции закончена, — сказала Варвара Николаевна.

Нет, похоже, что она не ошиблась в своем выборе. Яровой для этого дела был самой подходящей кандидатурой. Молодец, ничего не скажешь! Но ведь всего не предусмотреть. Давно замечено: гладко было на бумаге, да забыли про овраги...

Как будут развиваться события? На этот вопрос могло ответить только будущее. Ближайшее будущее.

VII

Если события, которые произошли в начале сентября в далеком Стокгольме, отразились каким-то образом в газетной уголовной хронике, судебно-медицинском акте, архиве отдела надзора над иностранцами, досье контрразведки на Ковильяна и, наконец, в памяти капитана Акселя Юрберга, то случившееся в конце октября 1918 года в оккупированном германскими войсками Киеве вообще не оставило никаких следов. Оно прошло незамеченным.

Поэтому вполне понятно, что о происшедшем не было доложено ни славному гетману новоявленной Украинской державы Павлу Петровичу Скоропадскому, который так уютно устроился на германских штыках, ни его верному сподвижнику министру-председателю Лизогубу, ни причисленному к особе гетмана графу Альвенслебену, ярому патриоту «самостийной Украины» и верному слуге кайзера Вильгельма.

Но что говорить о гетмане, министре-председателе или графе Альвенслебене, если о происшедшем даже не подозревали люди, находившиеся в непосредственной близости от тех событий. Ведь все случилось чуть ли не на глазах у командора аристократического яхт-клуба князя Кочубея, короля киевских бильярдистов ротмистра 48-го драгунского Ее императорского высочества великой княгини Ксении Александровны полка несравненного Жоржа Спириденко и проницательного репортера Гришука, прозванного в Киеве Пацюком. Как это ни покажется странным, но они ничего не заметили. Абсолютно ничего.

Конечно, Киев конца восемнадцатого года — это не тихие европейские задворки вроде Стокгольма, где выловленный в озере один-единственный труп уже событие — и для полиции, и для репортеров.

За прошедший год в Киеве привыкли ко всему: к немцам, к красным, к зеленым, к Раде, к гайдамакам, к махновцам, самостийникам, добровольцам...

Здесь уже ничему не удивлялись и ни на что не обращали внимания. Жизнь бурлила. Каждый день был заполнен развлечениями. То премьера «Москаля-Чаривника» или «Наталки-Полтавки», то левые эсеры убивают командующего оккупационными войсками фельдмаршала Эйхгорна. То «бриллиантовый» благотворительный бал в Дворянском собрании с участием самого гетмана и графа Мумма, то погром на Подоле. То фильмы с участием очаровательной Веры Холодной — «Позабудь про камин, в нем погасли огни», «Молчи, грусть, молчи», то красочный репортаж о том, как налетчик Мишка Кабан вырезал на Фундуклеевской всю семью фабриканта Беловаорова...

Лотереи, убийства, банкеты, кражи, речи, налеты, журфиксы, мошенничества, бега, скачки, слухи о том, что махновские отряды окружают город и уже хозяйничают на Куреневке, балеты «Венера и Адонис» и «Принцесса Каррарская», крестьянские восстания, забастовки, взрывы бомб на Большой Васильковской и Бибииковом бульваре...

В такой сумасшедшей круговерти разве заметишь все, что происходит на твоих глазах?

И голова кругом, и земля... Все вертится и кружит.

Верно, конечно. Верно. Но...

Дело заключалось в том, что происшедшее имело прямое отношение не к какому-нибудь киевскому обывателю, которого и в упор не увидишь, — так, мельтешит что-то этакое вроде бы в панталонах и потертом пальтишке, а к человеку в свете достаточно известному и влиятельному, представителю древнего дворянского рода, внесенного в шестую часть родословной книги депутатского дворянского собрания Полтавской и Киевской губерний. В шестую же часть родословных книг, как известно, заносились лишь те дворяне, чьи предки владели дворянским имением еще до 1685 года.

Кроме того, Родзаевский был богат, а род его, польского происхождения, славного герба Побог, в каком-то колене переплетался с родом самого гетмана Скоропадского.

Но вес Николая Викентьевича Родзаевского в обществе определялся не только богатством, происхождением и неизменной благосклонностью гетмана Скоропадского. Имелось еще одно крайне существенное обстоятельство.

В высшем свете никогда не забывали, что у истоков масонства стояла аристократия.

В Швеции масонам покровительствовал не кто-нибудь, а король Густав III, в Австрии — Франц I.

В Пруссии гроссмейстерами масонских лож были герцог Брауншвейгский, принц Людвиг Гессен-Дармштадтский. В Англии — принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, герцог Суссекский, во Франции — герцог Орлеанский.

А Россия? Какие имена!

Великие князья Павел Петрович и Константин Павлович; сенатор и обер-гофмейстер Иван Перфильевич Елагин, которого глубоко уважала Великая Екатерина и нередко шужливо подписывалась на бумагах: «Канцлер господина Елагина»; потомок легендарного касожского князя Редеди Иван Владимирович Лопухин; обер-шенк и член государственного совета граф Головин; князья Куракин, Гагарин, Щербатов, Черкасский, Трубецкий, граф Воронцов...

И Николай Иванович Новиков, и создатель «Истории государства Российского» Николай Михайлович Карамзин, и почти все декабристы... Впрочем, о декабристах вспоминать в 1918 году в высшем свете не любили.

Принадлежность к масонству была почетна. А Николай Викентьевич Родзаевский был не просто масоном, а занимал в Киевской ложе достаточно высокое положение. Он числился там то ли магистром, то ли венераблем, а по утверждению некоторых, — блюстителем храма и короны. Было также известно, что к нему благоволил фаворит царской семьи Филипп. Филипп в сопровождении князя Андронникова дважды навещал Родзаевского в Киеве, а затем они неоднократно встречались в Петербурге, где Филипп представил Родзаевского царской чете. По слухам, Родзаевский был принят Александрой и Николаем весьма благосклонно и некоторое время спустя имел с царицей продолжительную беседу, в которой участвовала и фрейлина Вырубова. С тех пор он стал желанным гостем министра двора барона Фредерикса и других высокопоставленных чиновников.

Короче говоря, Николай Викентьевич Родзаевский был в Киеве, что называется, на виду. И тем не менее...

Тот треклятый день, о котором Родзаевский будет помнить до самой своей кончины, начался как обычно.

Николай Викентьевич, снимавший роскошную холостяцкую квартиру в доме мадам Борисоглебской (отправив за границу семью, он тотчас же продал свой особняк вместе с мебелью), проснулся около одиннадцати часов. Голова славного представителя рода Родзаевских раскалывалась от боли, а во рту было сухо и мерзко. Увы, вчера на банкете в ресторане «Черевички» он перепил. Основательно перепил.

Стараясь не шуметь, чтобы не привлечь внимания своего камердинера, Родзаевский встал, достал из шкафчика графин водки, которую теперь в Киеве с легкой руки гетмана именовали только горилкой, налил стопку, выпил и понял, что жизнь прекрасна. Даже в пятьдесят два года. Николай Викентьевич пригладил встречаемые после сна волосы, задулся. И в тот момент, когда он уже почти принял решение налить вторую, в спальню вкатил столик с завтраком камердинер Савелий.

Родзаевский поспешно поставил графин на место: он не любил обнаруживать перед прислугой своих слабостей.

После завтрака Родзаевский выкурил папиросу, просмотрел «Киевлянина».

Начавшись как обычно, день точно так же и продолжался. Казалось, он не сулил Родзаевскому ничего из ряда вон выходящего. День как день.

А вечером Николай Викентьевич беседовал с репортером Грищуком, самым осведомленным человеком в Киеве, пытаясь выведать у него биржевые новости. Играл в бильярд с Жоржем Спириденко, проиграл, разумеется. А затем ужинал в отдельном кабинете с князем Кочубеем, который так же, как и он, был весьма озабочен продажей недвижимости и не без юмора декламировал Пушкина: «Богат и славен Кочубей...» Увы, богатство князя находилось под серьезной угрозой.

Было около часа ночи, когда клубный катер доставил их на Николаевскую набережную к пристани, расположенной наискосок от церкви святого Ильи.

Здесь Кочубея ожидал его длинный, сверкающий черным лаком автомобиль, за рулем которого сидел важный шофер в очках-консервах. Князь предложил ротмистру Спириденко и Родзаевскому завести их домой. Спириденко охотно воспользовался любезностью князя, а Николай Викентьевич, как всегда, отказался. Он не выносил эти мерзко воняющие бензином чудища, о которых какой-то мудрец сказал что-то явно неодобрительное. Кроме того, ему хотелось немного побыть одному.

На набережной стоял одинокий лихач. Родзаевский попрощался с Кочубеем и Спириденко. Грищук помог Николаю Викентьевичу забраться в экипаж, приветственно помахал тростью. Лихач, не спрашивая, куда барину требуется, что немного удивило Родзаевского, чмокнул губами, и лошадь рысью взяла с места.

Родзаевский полулежал на упругих подушках сиденья, прикрыв глаза и блаженно думая, что уже через полчаса будет дома в постели. Но к себе на квартиру он не приехал ни через полчаса, ни через час, ни через сутки...

На Крецатики лихач (ехал он совершенно правильно, видно, когда-то отвозил Николая Викентьевича) придержал лошадь — и в то же мгновение в экипаж с двух сторон выпрыгнули двое. Они кляпом заткнули Николаю Викентьевичу рот, молниеносно связали ему руки и натянули на голову мешок. Все это проделано было настолько стремительно, что Родзаевский не успел даже удивиться.

— На Подол? — спросил, повернувшись, лихач.

— Точно.

Ясновидящим Николай Викентьевич не был. Случившегося он никак не ожидал.

Не видел он внутренним взором, как полагалось ясновидящему, и того, что происходило в эти минуты на его квартире, где некий человек в новом, еще не надеванном халате Николая Викентьевича и в его новых домашних туфлях, позевывая, сидел за его письменным столом и рылся в его бумагах.

Зазвонил телефон. Человек в халате Родзаевского по-хозяйски снял трубку, молча выслушал, что ему сказали, и дал отбой.

— Что там? — просунул в комнату голову Савелий.

— Ажур, милый, ажур.

— Живой?

— А как же!

— Не поврежденный?

— Без царапинки.

— Ну и слава богу! — вздохнул Савелий и перекрестился. — Хошь и кровопивец, а барин добрый, ничего не скажу. Грех жаловаться: и с душой и с пониманием...

— Все они с душой и с пониманием, — буркнул человек, читая какую-то телеграмму.

— Чайку не желаете?

— А приличный?

— Другого не держим, — похвастался Савелий. — Китайский байховый, первого разбора. А ежели желаете, то и водочка имеется...

— О змей-искуситель! — вздохнул человек в халате и задвинул ящик письменного стола: то, что ему было нужно, он уже нашел.

На следующий день владелица дома узнала, что Николай Викентьевич Родзаевский по неотложным делам выехал в Берлин. А в его квартире покуда будет жить кузен из Харькова.

У Родзаевского, правда, никаких родственников в Харькове не имелось, но мадам Борисоглебской знать об этом было совсем необязательно.

VIII

Если бы капитан Юрберг увидел Николая Викентьевича с кляпом во рту и со связанными руками, он бы, наверное, догадался, что письмо из Стокгольма своевременно доставлено по назначению. Но Акселю Юрбергу не привелось полюбоваться в Киеве этим своеобразным зрелищем. Между тем, как известно, капитан никогда и ничего не забывал, особенно если происшедшее имело какое-либо отношение к его служебным обязанностям. Лейтенант Тегнер знал об этом лучше, чем кто бы то ни было. Поэтому вопрос шефа, доволен ли работой шведского почтового ведомства господин Водовозов, не застал его врасплох. Он заверил Юрберга, что господин Водовозов полностью его удовлетворен.

— Адресат Водовозова получил письмо, господин капитан. Так же быстро, как в довоенное время.

— И у Водовозова есть этому подтверждение?

— Да.

— А у вас?

— Тоже.

Разговор этот происходил не в кабинете капитана Юрберга, а в знаменитых банях на Стюэ-гатах, которые были чем-то вроде клуба для избранных и издавна считались одной из достопримечательностей шведской столицы. Юрберг шутил, что здесь вместе с потом уходят все заботы, а душ возвращает молодость. Оба собеседника в цветастых мохнатых халатах сидели в мягких покойных креслах, распаренные и умиротворенные.

— Скооль! — приподнял Юрберг стакан виски с содовой. — Итак, я весь — внимание. Что же вы хотите сказать в защиту нашего почтового ведомства?

— Господин Водовозов получил письмо от госпожи Решетняк.

— Очень интересно. И вы, конечно, догадываетесь о его содержании.

— С достаточной мерой точности.

— Надеюсь, надеюсь. И что же она, по вашим предположениям, пишет?

¹ Скооль (швед.) — здоровье, ваше здоровье.

— Она пишет, что муж ее в данное время, к сожалению, отсутствует, но сведения, сообщенные господином Водовозовым, переданы людям, которые распорядятся ими самым наилучшим образом.

— А вы, разумеется, считаете, что наилучшим образом этими сведениями могут распорядиться только петроградские чекисты?

— Да, точно так же, как и вы, господин капитан.

Юрберг расхохотался.

— Bravo, лейтенант! Если когда-нибудь мне вас назовут как инициатора создания шведской большевистской партии, я не удивлюсь.

— Вы меня переоцениваете, господин капитан. Так далеко мои симпатии к большевикам не простираются.

— Надеюсь, — сказал Юрберг. — Во всем нужна мера, особенно в симпатиях. Но мы отвлеклись. Итак, что же еще, по вашим предположениям, сообщает в этом письме госпожа Решетняк Водовозову?

— Чекистами изъяты антикварные вещи, которые русские эмигранты, перед тем как покинуть Россию, оставляли до лучших времен на хранение директору Императорского Эрмитажа графу Толстому. Они находились в тайных кладовых.

— Да, похоже, что письмо дошло по назначению, — сказал Юрберг.

— Госпожа Решетняк, в частности, сообщает, — продолжал лейтенант Тегнер, — о собрании графини Паниной. В ее особняке на Сергиевской улице после отъезда графини Паниной за границу не оказалось ни одной картины, и это очень беспокоило большевиков. Теперь же картины графини — Ривера, Сурбаран, Пуссен и многие другие — обнаружены чекистами, и из письма следует, что в этом усматривается определенная заслуга господина Водовозова и его шведского друга.

— Бедная графиня Панина! — melancholically заметил капитан Юрберг.

— Ну ей самой судьбой было предопределено потерять свою коллекцию картин. А из двух бед предпочтительна меньшая.

— Меня вы убедили, — согласился Юрберг. — Что же касается графини Паниной, то в конце концов это ее личное дело и пусть она сама выясняет свои взаимоотношения с большевиками.

— Совершенно справедливо, господин капитан.

— Ну что ж, у меня теперь нет сомнений, что высокая репутация шведской почты вполне ею заслужена, хотя Ковильян пока и не повешен.

— Имеется еще одна любопытная информация, — сказал Тегнер. — Бежавший из России в Ревель штаб-капитан Данилович привез из Петрограда письмо баронессы Врангель...

— Оно, разумеется, было адресовано вам?

— Не совсем, — признался Тегнер. —

Баронесса предназначала его для супруга — барона Врангеля¹. Но я не сомневаюсь, что она ничего не имела бы против нашего вполне обоснованного любопытства.

— И на чем же основывается эта уверенность?

— Род Врангелей издавна связал свою судьбу со Швецией.

— Вон как?

— Да, господин капитан. Как-никак, а в 1709 году после сражения под Полтавой шведов с русскими на поле боя осталось 22 шведских офицера, представляющих славный род Врангелей.

— Мне остается только позавидовать вашей эрзудии, — сказал Юрберг. — Но какое отношение это письмо имеет к русским поклонникам шведской почты?

— Во-первых, баронесса подтверждает сведения относительно коллекции картин графини Паниной. Правда, она считает это случайностью, как и другие находки в тайниках Эрмитажа, — «чекистам повезло». Но это ее заблуждение объясняется отсутствием надлежащих источников информации, что вполне естественно. А во-вторых, баронесса сообщает мужу, что петроградские чекисты почему-то заинтересовались деятельностью в России в семнадцатом году анонимной американской фирмы по скупке антиквариата.

— Убедительно, — согласился капитан. — Обе дамы подтверждают вашу правоту.

Они помолчали. Потом Юрберг сказал:

— Я вам очень благодарен, Тегнер. Вы не только отстояли честь шведской почты, что уже само по себе важно, но и убедили меня, что Ковильян будет все-таки повешен.

— Расстрелян, — поправил шефа лейтенант. — В России расстреливают.

— Да, да, все забываю про эти капризы моды. Я, конечно, не ретроград, но подобного рода нововведений не одобряю. Не говоря уже о том, что виселица эффективней, она больше соответствует русским традициям и национальным вкусам. Зачем же игнорировать те особенности, из которых складывается самобытность каждого уважающего себя народа? Лишите французов их неподражаемой гильотины и неповторимых бордоских вин, и вы сможете их отличить от конголезцев только по цвету кожи. Но это так, между прочим. Расстрелы имеют свои неоспоримые преимущества, а полностью игнорировать моду, конечно, нельзя. Но по тому, что вы мне сейчас рассказали, похоже, что чекисты не торопятся с арестом нашего приятеля.

¹ Отец командующего белогвардейскими войсками на юге России в 1920 году генерала П. Н. Врангеля — барон Н. Е. Врангель был исключительно богатым человеком. До революции он являлся председателем Амгунской золотопромышленной компании, вице-председателем акционерного общества «Сименс и Гальске». Вскоре после революции эмигрировал. Его жена, мать генерала Врангеля, баронесса М. Д. Врангель, жила под чужой фамилией в Петрограде вплоть до конца 1920 года. Затем переехала к мужу.

— Не исключено, что он еще не приехал в Россию.

— Не исключено. И все же... У меня складывается впечатление, что петроградские чекисты не слишком стремятся ускорить события и копают достаточно глубоко, вы не находите этого, Тегнер?

— Думаю, вы правы, господин капитан.

Лейтенантам, конечно, не рекомендуется ни при каких обстоятельствах спорить с капитанами. Но в данном случае лейтенант Тегнер не кривил душой...

Юрберг и Тегнер не ошиблись. Действительно, операция «Перстень Люцифера» не только расширялась день ото дня, вовлекая все новых и новых людей, но и углублялась.

Баронессе Врангель нельзя было отказать в наблюдательности: да, Яровой интересовался деятельностью американской фирмы по скупке антиквариата, которая в свое время так взволновала Алексея Максимовича Горького. Недаром же в своей статье «Американские миллионы»¹ он в июне 1917 года писал:

«Это предприятие грозит нашей стране великим опустошением, оно выносит из России массу прекрасных вещей, историческая и художественная ценность которых выше всяких миллионов. Оно вызовет к жизни темный инстинкт к жадности, и возможно, что мы будем свидетелями историй, перед которыми потускнеет фантастическая история похищения из Лувра бессмертной картины Леонардо да Винчи. Мне кажется, что во избежание разврата, который обязательно будет внесен в русскую жизнь потоком долларов, во избежание расхищения национальных сокровищ страны... Правительство должно немедленно опубликовать акт о временном запрещении вывоза из России предметов искусства и о запрещении распродажи частных коллекций прежде, чем лица, уполномоченные правительством, не оценят национального значения подобных коллекций».

Опасения Горького относительно «разврата, который обязательно будет внесен в русскую жизнь потоком долларов», были, конечно, небезосновательны. Из России тогда вывезли немало антиквариата, но «великого опустошения», к счастью, все-таки не произошло...

К тому времени, когда Яровой интересовался деятельностью американской фирмы в России, ее представителя в Петербурге Горвица уже и след простыл. И тем не менее Яковлева и Яровой ни на минуту не сомневались в успехе. И действительно, после нескольких неудачных попыток выйти на людей, связанных в свое время с русским представительством американской фирмы, комиссару секретно-оперативной части удалось отыскать в Петрограде Семена Петровича Карабашева, опытного специалиста по антиквариату, который считался левой

рукой Горвица (правой числился американец Решевский).

Карабашеву было за семьдесят, но держался он достаточно бодро и, как понял Яровой, на покой не собирался. Да и о каком покое могла идти речь в конце беспокойного и голодного восемнадцатого года.

У этого костлявого старика, которого Яровой тут же про себя окрестил «шкелетом», был мрачный характер и еще более мрачная жизненная философия, что, впрочем, не мешало ему получать доступные удовольствия от жизни.

В молодые годы антиквар увлекался женщинами и картами. Позднее — только картами.

«Шкелет» всех людей делил на две категории: жуликов и дураков. Иных представителей рода человеческого, если не считать, понятно, придурковатых жуликов или жуликоватых дураков, по его глубокому убеждению, не было и быть не могло.

Себя он причислял к дуракам и, похоже, немного этим гордился. Ведь как-никак, а в священном писании прямо говорилось: «блаженны нищие духом...» Так что, ежели жуликом рай на земле, то дуракам на небе, объяснил он Яровой.

Комиссар секретно-оперативной части поинтересовался его мнением о недавнем хозяине.

— О Горвице, что ли?

— О нем.

— Ба-альшой жулик! — сказал «шкелет» и, подумав, добавил: — И дурак. Тоже большой.

Карабашева американцам порекомендовал барон Вельде, один из старейших петербургских коллекционеров.

«Шкелет», как понял Яровой, был для приезжих коммерсантов просто находкой. Он одинаково хорошо разбирался в живописи, восточных коврах, скульптуре, древних монетах, драгоценных камнях, бронзе, мебели, фарфоре, изделиях из серебра.

Карабашев был докой и в коммерческой стороне антикварного дела (некогда ему принадлежал антикварный магазин на Невском), имел связи среди коллекционеров и продавцов антиквариата. При чем деятельность его не ограничивалась пределами Российской империи. Готовясь к разговору с Карабашевым, Яровой узнал от антикваров, что с его именем были связаны передача за границу шедевров из знаменитой пинакотекы* князей Сан-Донато и распродажа в 1913 году на аукционе у Жоржа Пти в Париже Рембрандта, Буше, Рубенса и Фрагонара из собрания западно-европейской живописи Деларова. К услугам Карабашева при покупке и продаже прибегали такие известные коллекционеры, как принц Ольденбургский, граф Бобринский и граф Строганов, киевлянин Ханенко, астраханские купцы Сапожниковы, в пинакотеке

¹ Текст статьи цитируется по книге С. Варшавского, В. Реста «Билет на всю вечность», ч. 2.-Л.: Лениздат, 1986.-С. 204.

* Пинакотекa — картинная галерея.

которых некогда числились полотна Леонардо да Винчи, Джорджоне, Тинторетто, Яна Брейгеля, Тропинина и Аргунова.

К какой из двух разновидностей рода человеческого отнес «шкелет» Ярового, так и осталось неизвестным. Что же касается самого «шкелета», то комиссар из Петроградской ЧК ни на минуту не сомневался, что он может оказаться кем угодно, но только не дураком. И от рая на грешной земле «шкелет» не торопился отказываться, надеясь, что в оное время от него не убежит и рай на небесах. Нет, «нищие духом» к нему никакого отношения не имели. И он к ним — тоже.

На вопросы Ярового Карабашев отвечал довольно охотно. Об американцах и их деятельности в Петрограде отзывался с юмором.

— Россия — это вам не Англия, не Германия, простите за выражение, — говорил он. — К русскому человеку подход нужен.

— В каком смысле?

— А во всех смыслах. Без подхода — труба. Вот и получился так, что до того, как со мной связаться, подзалетели они малость. Как говорится, смех без конца, сто юмористических рассказов писателя Тургенева за один пятак. Приобрели они у любителя пятнадцать старинных миниатюр на слоновой кости в деревянных рамках с червоточинкой. Любитель, натурально, помещик, дворянин, в детах, род в Бархатной книге числится. Усадьбу, понятно, мужики спалили, только это и удалось спасти. Миниатюры одна лучше другой, а цена не то что божеская, а почти что даром. Очень они этой покупкой гордились, сплошное колебание всех семи чувств природы. Иностранцы, словом. Помните, как когда-то пели:

Он не красив, но очень симпатичен,
В его устах сквозит любви привет...
В речах всегда был Поль нигилистичен,
Дарил Марьете из цветов букет.

Ну я, понятно, поздравил. Чего не поздравить? Хорошая, говорю, работа. Тонкая, с деликатностью. Только с веком накладочка. Не шестнадцатый век. Очень они огорчились, особенно Горвиц. Неужто, спрашивает, семнадцатый, какая обида! Да нет, говорю, не семнадцатый. Нынешний, говорю, двадцатый. Как так? А так. В нынешнем году сделано, уже после свержения государя императора, в революционное светлое времечко, при нашем любимом Александре Федоровиче Керенском, да продлит господь дни его. Никак не позже, как месяц назад. Не верят. К одному эксперту, к другому, к третьему — не верят. Что тут будешь делать? Вижу, еще день-другой — свихнутся. Или прямым ходом в желтый дом, или в петлю. А я еще от того Горвица и аванса не получил. До того мне обидно стало, что повел их обоих на квартиру к Васе Бодунову. Посмотрели они, как он подстриженным пером из крыла

вальдшнепа древнюю красоту создает, как кракелюры¹ комбинацией масляного и спиртового лака впрок готовит, — и к двери.

«Нет, — говорит Вася, — так дело не пойдет. Прежде заплатите». — «За что?» — «За науку». Заплатили. Сполна. Не скарденничали. Сообразили, что наука чего-то да стоит. Не дураки.

С того дня по каждому мало-мальски солидному приобретению со мной совет держали: Рубенс, спрашивают, или Вася? Вроде бы со смехом, а вроде бы и всерьез. Ежели скажу: «Рубенс» — стоящее дело. Скажу: «Вася» — значит, пардон-мерси, денег не проси, ищи дураков в другом месте. Вроде игры это у нас стало: «Рубенс или Вася?» В общем, знакомство с Васей Бодуновым на пользу пошло. Осторожничают они стали.

По словам Карабашева, от посетителей у Горвица отбоя не было. Но американцы все-таки были недовольны. И не без оснований. К ним, по выражению того же Карабашева, шел не «сохатый», то есть маститый коллекционер, владелец уникальных вещей, а «суслик», человек в мире антиквариата случайный, который не мог предложить ничего из ряда вон выходящего, что бы «потрясение в коленках и прочих суставах вызывало». Между тем американцы ориентировались именно на «сохатых» и жаждали «потрясения в коленках и прочих суставах».

Особенно американцам не давали спокойно спать дворец князей Юсуповых на Мойке и их знаменитое имение под Москвой.

Юсуповы издавна считались, и не без оснований, одними из самых богатых людей России. Об их сокровищах рассказывали чудеса. Драгоценности Татьяны Васильевны Юсуповой, урожденной Энгельгардт, которая приходилась племянницей фавориту Екатерины II Потемкину, были уже в конце восемнадцатого века широко известны в Европе. Ей принадлежали знаменитые бриллианты «Маркграф» и «Полярная Звезда», некогда являвшиеся собственностью графини де Шово, диадема неаполитанской королевы Каролины, жены Мюрата, алмазное стекло Великого Могола, уникальные жемчужины «Пилигрим» и «Правительница», находившаяся в былые времена в сокровищнице испанского короля Филиппа II.

Коллекция эта в дальнейшем была основательно пополнена Николаем Борисовичем Юсуповым, который приобрел в 1874 году на аукционе в Женеве герцогство Карла Брауншвейгского — Венеру, вырезанную из цельного сапфира высотой в три с половиной дюйма, на круглом постаменте из рубина цвета голубиной крови. Им же были куплены свыше ста великолепных античных гемм, на многие из которых зарисовал Императорский Эрмитаж, большое и разнообразное собрание дендритов, многочислен-

¹ Кракелюры — трещины, появляющиеся в красочном слое старых картин.

ные виртуозные изделия итальянских ювелиров шестнадцатого и семнадцатого веков, обширная коллекция фарфоровых, золотых и серебряных табакерок восемнадцатого века работы немецких, французских, австрийских и русских мастеров.

Короче говоря, у Юсуповых было чем поживиться. Но Феликс Феликсович вообще не нашел времени для американцев. Зинаида же Николаевна Юсупова Горвица, правда, приняла и согласилась даже на продажу ряда вещей, но вещей второсортных, не представлявших для фирмы особого интереса.

В общем, бизнес с Юсуповым не клеился. Если бы знали, что вскорости Октябрьский переворот большевики устроят, тогда бы, понятно, все по-иному обернулось. Только человек не бог: ничего наперед не знает. Задним умом лишь крепко. И ни графские, ни княжеские титулы тут прозорливости не добавляют.

...За окном жидкой кисеей опустились сумерки. Карабашев зажег висящую над столом керосиновую лампу (электричества в Петрограде второй день не было).

— Говорят, из особняка Юсуповых исчезли чуть ли не все их сокровища? — сказал Яровой.

— Говорят.

— Куда ж они подевались?

«Шкелет» дернул плечом.

— Вот чего не знаю, того не знаю. Все куда-то подевалось. И мясо подевалось, и масло, и сахар, и хлеб...

— А все же?

— Загадки, так думаю, особой нет.

— Ну-ну, — подбодрил Яровой.

— Часть, видно, Юсуповы с собой за границу увезли, а остальное растащили все кому не лень. А ленивых нынче днем с огнем не сыщешь. Никто себе мирно на печи не лежит, каждый бегаёт — кто рысью, а кто и галопом. Ну и тащат, что ухватить удастся. Даже удивление берет, что Казанский собор до сего времени на прежнем месте стоит. А в юсуповском особняке кто только после революции не квартировал: советы какие-то, комитеты, комиссии, шведское консульство одно время размещалось, представительство по обмену военнопленных... Ну и просто питерский обыватель. У каждого интерес походить по дому, в котором Распутин убивали. А если уж по дому ходишь, то почему бы и на память чего не взять? Один статуэтку приглядел, другой — подсвечник или коврик для собачки, а третий Мурильо или Веласкеса уволок. Вот небось и остались в особняке одни стены. Свобода, словом. Она для дураков и жуликов что мать родная.

— Понятно, — кивнул Яровой и, достав из кармана пиджака фотографии Ковильяна-Корзухина, аккуратно разложил их на столике.

— Из особняка Юсуповых, что ли? — заинтересовался «шкелет».

— Нет, не из особняка. У меня будет к вам маленькая просьба, Семен Петрович. Посмотрите-ка, пожалуйста, повнимательней на этого гражданина. Знаком?

Антиквар надел очки, взгляделся в фотографию.

— Да вроде бы нет.

— А без «вроде»?

— Нет, не знаком.

— Странно.

— А чего странно-то?

— Видели вас с этим гражданином.

— Кто?

— Винкельман видел на Невском. А Шууров и Васильченко здесь с ним встречались, у вас на квартире.

«Шкелет» ничуть не смутился.

— Выходит, не зря вам жалованье платят, а?

— Не зря, Семен Петрович, не зря. Так припоминаете этого гражданина?

Карабашев «припомнил». По его словам, в конце семнадцатого года к нему пришла дама, приехавшая из Москвы, которая представилась ему госпожой Усатовой. Ее сопровождал некий вертлявый молодой человек (по описанию антиквара, вертлявый очень смахивал на Ваську Дубоноса, о котором Яровому рассказывал субинспектор Московского уголовного розыска Волков). Дама предложила Карабашеву фарфоровую табакерку восемнадцатого века, усыпанную бриллиантами. Вещь была стоящей, но у нее имелся весьма существенный изъян — ворованная. Табакерка числилась в списке похищенного из Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 года и подлежала сдаче комиссару по защите музеев и художественных коллекций Ятманову.

Так что сделка не состоялась. А через неделю у Карабашева появился с той же табакеркой и несколькими персидскими миниатюрами вот этот самый господин с фотографии. Уговаривал антиквара приобрести эти вещи. Миниатюры Карабашев у него купил, верно, хотя вначале вообще не хотел с ним иметь никаких дел, а табакерку так и не взял. Чего не было, того не было. Правда, комиссару по защите музеев о том прискорбном случае не сообщил, потому и не хотелось признаваться, что знает гражданина, запечатленного на фотографиях. Грешен. Но что с него, старика, возьмешь?

— Эх, Семен Петрович, Семен Петрович! — ласково сказал Яровой, дослушав Карабашева до конца. — И все-то вы пытаетесь великого Рубенса Васей подменить, святую истину — ложью. Ведь Вольдемара Петровича Корзукина вы давненько знаете, если память мне не изменяет, с 1906-го. Это сколько же получается? Двенадцать лет. И здесь с ним встречались, и в Париже, и в Берлине... И в картишки с ним не раз перекидывались, и в рулетку играли... Но я ни на чем не настаиваю. Не хотите об этом говорить — не надо. А вот один вопрос все-таки позвольте. Когда последний раз вы от него восточку получали?

— Никаких «восточек» я от Корзукина не получал.

Глаза антиквара глядели холодно и настроенно.

— Не могу вам поверить. Но это мы выясним через других людей. А теперь...

— Арестуете? — догадался Карабашев.

— Зачем же арестовывать? Нет, не арестую, — заверил его Яровой и спросил: — Племянник у вас есть?

— Нет.

— Ну так с сегодняшнего дня будет.

— Кто будет? — опешил «шкелет».

— Племянник, — сказал Яровой и, так как антиквар молчал, объяснил: — Сегодня к вам, Семен Петрович, приедет погостить племянник из... ну хотя бы из Калуги, что ли. Милый молодой человек, окончивший в прошлом году реальное училище. Скромный, общительный, немного наивный. Проживет он у вас на квартире, наверное, дней десять, может, немного больше. Все будет зависеть от оперативной обстановки. Хлопот особых он вам не доставит, тем более что пайком его мы, конечно, обеспечим, нахлебником не будет. Парень он не ленивый, расторопный и будет питать к вам самые теплые родственные чувства. Наведет в квартире порядок, о чем надо — позаботится, присмотрит за вами...

— Как присмотрит?

— Как положено. Ведь за пожилыми людьми глаз да глаз нужен. Далеко ли до беды! Так что будете под постоянным присмотром. Родственным...

— Как звать-то вашего?..

— Племянника? Федор Никитович Хвостов. Но для вас он, конечно, будет просто Федей.

В дверь постучали. Яровой пошел открывать и вернулся с курносым парнем в кожаной фуражке.

— Знакомся, Федей, это дядя Семен. Целоваться не обязательно.

IX

На следующий день после похищения Николая Викентьевича Родзаевского в Киеве исчезли при невыясненных обстоятельствах еще два масона, занимавших в местной ложе достаточно высокое положение.

Таким образом, всего за два дня Украинская держава гетмана Скоропадского не досчиталась трех своих подданных, причем один из них — Николай Викентьевич Родзаевский — в довершение ко всему неожиданно обзавелся харьковским кузеном, который бесцеремонно вселился в его квартиру, где чувствовал себя как дома. С легкой руки комиссара секретно-оперативной части Петроградской ЧК Ярового родственник (племянник из Калуги Федор Никитович Хвостов) объявился и у старого петроградского антиквара Семена Петровича Карабашева.

Надо сказать, что все эти странные события имели прямое или косвенное отношение к директору Эрмитажа (он тогда еще не стал бывшим директором) Дмит-

рию Ивановичу Толстому, приехавшему с согласия Анатолия Васильевича Луначарского в отпуск для лечения в Киев, а вернее, в Кагарлык, где находилось его обширнейшее имение, которое жена графа Елена Михайловна шутливо именовала латифундией.

Но Дмитрий Иванович и не подозревал, что эти события имеют к нему какое-либо отношение. Более того, судя по всему, он ничего не знал даже о самих событиях, хотя и был знаком еще по Петрограду с Родзаевским и разделял лестное мнение о нем месье Филиппа.

И в тот день, когда Яровой познакомил опешившего Карабашева с его новоявленным племянником из Калуги, Дмитрий Иванович, как обычно, после завтрака удалился к себе в кабинет, где его дожидалась начата в Киеве рукопись.

За окнами кабинета шелестела опавшими листьями осень. В кабинете же было тепло и уютно. Запах пыли и дорогого английского табака располагал, как любил выражаться Дмитрий Иванович, к сибаритству души.

Писалось ему, как никогда, легко. Казалось, перо само скользило по бумаге.

«Среди многих досужих версий возникновения славного союза франкмасонов, или свободных каменщиков, на мой взгляд дилетанта, внимания исследователей заслуживает лишь одна, которую принято именовать тамплиерской, — мчалось по бумаге перо, оставляя за собой маленькие округлые буквы, — среди других талантов Дмитрий Иванович обладал и каллиграфическим. — Как известно, знаменитый рыцарский церковный орден тамплиеров, покрывший себя славой во времена крестовых походов, был в XIV веке безжалостно уничтожен. На беду рыцарей ордена и всего христианского мира, несметные сокровища тамплиеров привлекли внимание французского короля Филиппа Красивого, отличавшегося не только красотой, но и коварством. Жестокий и беспринципный политик, для которого не было ничего святого, Филипп постоянно нуждался в деньгах. И вот 22 сентября 1307 года Королевский совет Франции принял решение об аресте всех тамплиеров. Рыцари ордена, облыжно обвиненные в отречении от Христа, приверженности дьяволу и богохульстве, под нечеловеческими пытками признавались во всем.

А когда 18 марта 1314 года великий магистр ордена Жак Моле, приговоренный к пожизненному заключению, заявил, что виновен в действительности лишь в том, что, не выдержав мук, назвал ложь правдой и оклеветал ни в чем не повинный орден, его в тот же день сожгли на костре.

Так Филиппу Красивому, чье имя проклято в веках, удалось завладеть многими сокровищами тамплиеров. Он приобрел богатство, но потерял свою королевскую честь.

И все-таки королю не удалось уничтожить всех рыцарей ордена тамплиеров. Некоторые из них, переодевшись строи-

тельными рабочими — вольными каменщиками, бежали от расправы на один из островов вблизи побережья Шотландии. Здесь они избрали вместо сожженного на костре Жака Моле нового магистра (им стал Пьер д'Омон) и решили, чтобы уберечь себя от дальнейших преследований Филиппа Красивого, отныне именоваться франкмасонами, то есть свободными каменщиками. Но решение это было вызвано не только опасностью королевских происков. Имелось в виду, что между рыцарями ордена и каменщиками есть нечто общее. Рыцари, как и каменщики, призваны богом возводить здания, но не предметные — из камня и дерева, а здания любви, милосердия, взаимного понимания и служения высоким идеалам. И поэтому в франкмасонской «Новой книге уставов», изданной в 1723 году в Англии, указывалось:

«Масон по самому своему положению подчиняется законам морали и не может стать ни тупым атеистом, ни нечестивым распутником. В старые времена масоны поневоле держались в каждой стране ее местной религии, какова бы она ни была, но в наше время человек свободно выбирает себе веру. И лишь одна религия обязательна для всех — это всеобъемлющая, объединяющая людей религия, которая состоит в обязанности каждого из нас быть добрым и верным долгу, быть человеком чести и совести, каким бы именем ни называлось наше вероисповедание и какие бы религиозные догматы ни отличали нас от других людей».

Рыцарскими принципами масонства с момента его основания и до наших дней всегда были объединение людей во Христе, их равенство, братство, любовь, содружество.

Духом того же рыцарства проникнуты и обряды масонов, их церемониал. При всем своем уважении к графу Л. Н. Толстому и его литературному творчеству не могу не отметить не только его прискорбный конфликт с православной церковью, но и неуместность его иронии при описании приема Пьера Безухова в члены ложи, хотя писатель, следует признать, достаточно точно воспроизводит обрядовую сторону этого важнейшего события в жизни своего героя.

Следует сказать и о той реликвии, которую враги масонов именуют «Перстнем Люцифера».

Рукопись, над которой с таким вдохновением трудился Дмитрий Иванович, называлась «Мои заметки и мысли о свободных каменщиках» и, как явствовало из титульного листа, предназначалась старшему сыну автора («И. Д. Толстому к сведению и размышлению»). Хотя в глубине души Дмитрий Иванович и понимал, что Ваник (так звали в семье Ивана) никогда эту рукопись не прочтет, в лучшем случае, позевывая, поliest перед сном, удивляясь причудам отца и его странным — старческим, что ли? — пристрастиям к всякой траченной моллю чепуховине, о которой следовало забыть еще в прошлом веке. А «чепуховиной» для Ваника, похоже, было все: традиции

русского дворянства, этикет, идеалы отцов и даже великая, пронесенная через века идея русского самодержавия. Когда в Киев пришла трагическая весть об убийстве большевиками в Екатеринбурге государя императора, Ваник не только не проронил слезы, но ему даже не пришлось в голову отменить назначенное накануне свидание с какой-то гризеткой, и вообще в тот день он был весел до неприличия. Правда, одно время он рвался на юг под знамена генерала Корнилова. Но Дмитрий Иванович очень сомневался, что им двигало чувство долга, а не влияние товарищей, которые воспринимали белое движение, как увлекательное путешествие за славой, чинами и орденами. Во всяком случае, отговорить его от этой затеи особого труда Елене Михайловне не составило...

Жаль, жаль, но что тут поделаешь?..

Дмитрий Иванович в его возрасте был совсем иным. Идея самодержавия была у него в крови, которую он, не задумываясь, готов был пролить по первому требованию монарха. Да, не задумываясь, ибо мысль — это уже сомнение, а дворянин, преданный царю, мог сомневаться в чем угодно, но только не в необходимости безусловного послушания божьему помазаннику. Для него идеалом являлся генерал-адъютант и личный друг почившего в бозе императора Александра III незабвенный Петр Антонович Черевин. Ведь это Черевин, обращаясь как-то к одному из придворных, сказал: «Разве есть воля, кроме царской? Я совсем не злой человек, и вот вы, например, очень мне симпатичны. Но велел бы мне государь: «Повесь Лебедева!» — жаль мне было бы вас, но, поверьте, не стал бы спрашивать — за что? Тут же бы и повесил».

Именно такой беззаветной, нерассуждающей любовью к своему монарху и сильна была Русь. Любят не рассуждая, а когда рассуждают, то уже не любят, а прикидывают, что выгодно, а что — нет. И, по мнению Дмитрия Ивановича, Александр III умел возбуждать к себе любовь дворянства и всего русского народа. В нем все импонировало окружающим, даже внешность. Богатырь, подковы гнул, плечом дверь вышибал. Умел ценить преданность и на вещи смотрел достаточно трезво. Когда тобольский губернатор в своей докладной записке посетовал на малое распространение грамотности среди населения губернии, то император написал: «И слава богу!»

Кое-кто из придворных, вспоминая эту резолюцию императора, посмеивался: обскурантизм. А ведь еще в Ветхом завете сказано: «Во многую мудрости много печали». На пользу русскому народу грамотность пошла? Бунты, голод, революции, гражданская война...

От чего для России больше пользы — от обскурантизма или от повального просвещения — это еще вопрос. Эпидемия прогресса порой пострашней эпидемии холеры или оспы. И Александр Алексан-

дрович, если и не понимал этого умом, то ощущал душой.

Дмитрий Иванович вспомнил резолюции Александра III на деловых бумагах: «Экое стадо свиней!», «Экая скотина!» — и развеселился. Прост, да не очень. Царь из сказки. А именно такие цари русскому народу всегда и нравились.

Да, он, Дмитрий Иванович, был в молодости совсем иным, чем Ваник, хотя и отдал, конечно, должное и женщинам, и вину, и картам. И приятели у него были другие.

Кто только не перебивал по милости Ваника в их доме в Кагарлыке и здесь, на киевской квартире!

Какие-то пьяные офицеры, не умеющие пользоваться за столом ножом и вилкой; провинциальные крикливые помещики с черной траурной каймой под ногтями, наглые, самодовольные бурбоны в мышиного цвета мундирах; наглые гетмановские чиновники; всякие крайне подозрительные личности, о роде занятий коих можно было только догадываться. Со всеми ними Ваник был на дружеской ноге — пил без меры, хохотал, играл в карты, давал им в долг.

Омерзительнейшая публика!

Но особенно раздражал Дмитрия Ивановича среди этих беспрерывно меняющихся приятелей Ваника приехавший неделю назад из Харькова подполковник Петров-Скорин, с которым Ваник познакомился в яхт-клубе. У этого молодого офицера с двумя Георгиями на груди было заспанное и недовольное лицо человека, который, проснувшись, увидел, что за время его сна все в мире, как и следовало ожидать, катастрофически изменилось к худшему и, хочешь не хочешь, надо немедленно считать покрывшую русскую землю паршу — расстреливать, рубить и вешать. И делать это надо ему, Петрову-Скорину, больше никому. И он, Петров-Скорин, не лентяй, не штабная крыса, не штафирка, который боится замарать в крови руки. Если надо, так надо, отлынивать не будет: «Взвод! По врагам России...»

Ваник с восхищением рассказывал, что Петров-Скорин, самый молодой подполковник в дивизии, собственноручно застрелил в Харькове пять большевиков. И Дмитрий Иванович ничуть в этом не сомневался: такие убийцы с несправившимися лицами и пустыми глазами просто созданы для того, чтобы расстреливать, вешать и тануть из людей жилы.

В компании Ваника подполковник, как понял Дмитрий Иванович, считался философом. Прослыть там философом было, конечно, нетрудно. Но Петров-Скорин действительно любил порассуждать о революции и гражданской войне, считая причиной всех русских бед иностранцев и инородцев, которые не только распространяли в стране чуждые русскому духу идеи, но и разбавили своей кровью чистую русскую кровь.

Особенно от него доставалось немцам.

— Ведь если разобраться, то они нам даже царей подменили: вместо Романо-

вях Голштейн-Готторпских подсунули, закусай их мухи с тараканами, — говорил он, щеря в ухмылке рот. — Петру III еще хоть четвертушка русской крови от его матушки Анны Петровны, дочери Петровой досталась. А «русский» царь Павел уже на 7/8 немцем был, Александр I — 15/16, а уж у последнего нашего императора Николая Александровича, помилуй, господи, его душу, — всего ничего — 1/256 частичка русской крови. Что такое 1/256? Капля. Брызг. Муха, прошу прощения, накакала. Нет, я не хочу бросить тень на Николая II. Я присягал покойному императору и ни в чем от присяги не отступал. Хоть и немец, а русский император. Но русский православный народ понять могу. Не горевал народ, когда большевики его расстреляли. Иностранец. Одним немцем больше — одним немцем меньше, подумаешь! В Пруссии или Саксонии еще наштампу-ют. Не было и не могло быть нового Су-санина, который отдал бы жизнь за царя. Не русский царь-то был.

Покопчив с династией Романовых, он обычно переходил на дворянство, демонстрируя незаурядные познания в родословных книгах.

— Никогда не интересовались, к примеру, вы так называемыми русскими литераторами из дворян? Напрасно. Очень любопытные вещи при желании узнать можно. Каков царь, таков и царь. Фон-визин — потомок ливонского рыцаря, род Дельвига — из Вестфалии, Герцен — сын немки Луизы Гааг, Блок — немец, Даль — датчанин...

— Иностранцы и инородцы — вот наша беда, — этими словами он неизменно заключал свои пространные пассажи, от которых Дмитрию Ивановичу всегда становилось грустно и тошно.

Почему Ваник не мог обзавестись друзьями, которые вызывали бы у его отца другие, более приятные чувства? Ведь от длительного общения с такими, как Петров-Скорин, можно из монархиста превратиться в кадета, а то и в большевика. По крайней мере, господин Луначарский, с которым Дмитрию Ивановичу последнее время приходилось общаться довольно часто, производил впечатление вполне воспитанного и отчасти даже светского человека. Нет, подобных вещей Луначарский себе не позволял. И ногти у него всегда были чистыми...

Неужто Ваник и сегодня пригласил к ним на обед Петрова-Скорина?

Опасения графа были не напрасны. Ваник действительно пригласил подполковника, в котором души не чаял.

Но Петров-Скорин на этот раз не пу-скался в свою гнусную философию и большей частью молчал. Кажется, его несколько сковывало присутствие за сто-лом обер-лейтенанта Штуббера и госпо-дина Ланге, которого Штуббер с разре-шения Дмитрия Ивановича привел с со-бой. Ланге, приехавший в Киев из Бер-лина, чтобы ознакомиться с собраниями киевского коллекционера Ханенко, был, по словам Штуббера, любимым учеником директора берлинского Кайзер-Фридрих

Музеума Вильгельма Бодe и, конечно же, давно мечтал познакомиться с графом Толстым, явившим пример святого подвижничества в захваченном большевиками Петрограде. Ведь вся Европа знает, что ценности мировой культуры в Императорском Эрмитаже сохранены только благода-ря его неусыпным заботам и порази-тельным мужеству.

Дмитрий Иванович, разумеется, пони-мал, что в словах Штуббера и Ланге имеется некоторое преувеличение его заслуг перед человечеством и мировой культурой. И все-таки слышать столь ле-стную оценку его деятельности на высо-ком посту директора Эрмитажа было, ра-зумеется, очень приятно.

Сдержанный и немногословный, с вкрадчивыми манерами, Ланге не только фамилией, но и лицом походил на нем-ца. Дмитрия Ивановича смущали лишь его темные и быстрые, слегка раскосые глаза — «с азиатчиной», как выразился в свое время в разговоре с Юрбергом лейтенант Тегнер о глазах Ковильяна-Корзухина. Да, глаза у гостя директора Эрмитажа были не немецкие, у немцев таких глаз не бывает. И Дмитрий Ива-нович подумал, что Петров-Скорин уже небось определил, что в род господина Ланге в каком-то колене бесцеремонно вторгся татарин, а возможно, и не один... Осталось надеяться, что словоохотливый подполковник не захочет поделиться с сидящими за столом своими наблюдения-ми. Это было бы ужасно. Но пока Пет-ров-Скорин вел себя панишкой и молча пил водку.

Разговор за столом в основном вра-щался вокруг шедевров Кайзер-Фридрих Музеума, Императорского Эрмитажа (у Дмитрия Ивановича просто не пово-рачивался язык называть его просто Эр-митажем) и гордости киевлян — особня-ка Ханенко, именуемого корректным гос-подином Ланге восьмым чудом света.

А после обеда...

— Вы не могли бы уделить мне десять или пятнадцать минут? — спросил Лан-ге.

Дмитрия Ивановича эта просьба не-сколько озадачила. Но, может быть, Бо-де, зная о его приезде в Киев, хотел ему что-то передать через своего ученика? Ведь дирекция Эрмитажа всегда поддер-живала добрые отношения не только с Лувром, но и с Кайзер-Фридрих Музе-умом. Искусствоведы, в отличие от поли-тиков и военных, всегда находят общий язык.

Толстой пригласил Ланге в кабинет. Плотной прикрыл за собой дверь. Указал гостю из Берлина на кресло.

— Я к вашим услугам.

Ланге сел.

— Может быть, разговор наш пока-жется вам несколько странным, Дмитрий Иванович, но к нему меня вынуждают некоторые обстоятельства, а обстоятель-ства, как известно, сильнее нас. Должен вам признаться, что в Киев я приехал не из-за особняка Ханенко, а для встречи с вами, уважаемый Дмитрий Иванович, —

неторопливо начал Ланге, поудобнее устраиваясь в кресле и закуривая сигару, хотя директор Эрмитажа и не предложил ему курить. И вообще, тот Ланге, который находился сейчас в кабинете хозяина квартиры, мало чем напоминал обходительного берлинского гостя за обеденным столом. В его голосе чувствовались металлические нотки, а в лице появилось нечто жесткое, пугающее. — Я о вас много знаю, Дмитрий Иванович, может быть, даже несколько больше, чем вы знаете сами о себе. И меня радует, что мы не ошиблись в вас. («Кто это мы?» — мелькнуло в голове Толстого.) Нас радует, что вы, повинувшись своему внутреннему долгу, оказали существенные услуги многим коллекционерам, вынужденным в условиях революции покинуть Петербург и уехать за границу. Благодаря вам надежно спрятаны и никогда не достанутся большевикам собрания графини Паниной, Голутвина, Барского...

— Я не совсем понимаю, по какому праву вы считаете возможным касаться этого вопроса! — вскинулся Толстой. — Вас просил об этом Боде?

— Нет, — качнул головой Ланге.

— Так какого черта! — крикнул Дмитрий Иванович и... осекся. На безымянном пальце правой руки господина Ланге красовался странной формы перстень. Дмитрий Иванович готов был поклясться, что еще минуту назад этого перстня не было. Толстой как завороженный смотрел на покоящуюся на подлокотнике кресла руку странного гостя, не в силах оторвать глаз от надетого на палец перстня. Сон? Мираж? Иллюзия? Колдовство? К голове графа горячая волной прилила кровь. Очертания перстня двоились, тропились, расплывались.

Дрожащими пальцами он растегнул ворот сорочки, вытер платком мокрое от пота лицо. Встал, подошел к окну, вернулся обратно.

Ланге, не шевелясь, снизу вверх смотрел немигающими глазами ему в лицо.

— Сядьте, Дмитрий Иванович, — ровным тихим голосом приказал он.

Толстой послушно сел. Ланге молчал.

— Что вы от меня хотите? — спросил Толстой. — Приказывайте.

Ланге пробыл в кабинете хозяина дома не пятнадцать минут, а почти час.

Когда горничная подавала ему пальто, шляпу и трость, он ущипнул ее за щечку. Подобная вольность, которую Ланге, он же Ковильян-Корзухин, позволял себе крайне редко, свидетельствовала о том, что гость из Берлина более чем доволен своим пребыванием в Киеве и только что состоявшейся беседой.

Когда он вышел из подъезда, то заметил поджидавшего его Петрова-Скорина. Судя по поднятому воротнику шинели, подполковник успел замерзнуть.

— Однако вы долгонько, — недовольно буркнул он.

— Ничего, вам полезно проветриться, тем более что пили вы чуть-чуть больше, чем следует.

— Немудрено. Но хоть мерз-то не зря? Ковильян усмехнулся.

— Вы слишком много вопросов задаете, подполковник. И знаете почему?

— Да?

— Потому, что вы по натуре большевик. — Петров-Скорин хохотнул. — Да, большевик, — подтвердил господин Ланге. — Вы все пытаетесь делить пополам... даже революцию. Весьма дурная привычка. Вам давно следует от нее избавиться.

— Постараюсь, — вздохнул Петров-Скорин.

— Уж сделайте такую милость.

Похоже было, что эти двое хорошо знают друг друга. И уж во всяком случае, познакомились они не на обеде у графа Толстого, а значительно раньше.

X

Ланге отобрал у Петрова-Скорина только что налитую им себе рюмку коньяка, повертел ее в пальцах, посмотрел на просвет. Коньяк был светлый, золотистый, не пустовский, а настоящий французский. Такой коньяк сейчас и в Париже редкость. И вот, пожалуйста, в столице опереточного гетмана на оккупированной немцами Украине. Коньяк в рюмке распространял вокруг тонкое благоухание, вызывая приятные ассоциации.

Ланге поставил рюмку на стол подальше от Петрова-Скорина, улыбнулся.

— Прежде всего дело, мой друг.

— Ну рюмка коньяка не помеха.

— Не уверен, — сказал Ланге и спросил: — Простите за излишнее любопытство, но каковы в кадетском корпусе были у вас успехи по истории?

— Весьма умеренные, — хмыкнул подполковник. — Весьма.

— Я так и предполагал. А история, разрешите заметить, наука поучительная.

— Даже в отношении коньяка?

— Даже в отношении коньяка. Когда-то в училище учитель нам рассказывал о спартанцах. Сами они не пили, но охотно давали вино рабам, чтобы показать своим детям, в каких скотов алкоголь превращает людей.

— Однако Спарта все-таки погибла, господин Ланге.

— К сожалению. Но я все-таки думаю, что причиной этой гибели был отнюдь не трезвый образ жизни.

— Как знать, как знать! — философски заметил Петров-Скорин. — Хотя я и не интересовался историей, но мне помнится, что Спарту победили Афины, а там вино воспевали все, кому только не лень. Так что излишняя воздержанность спартанцев до добра не довела. И европейские народы, к счастью, сделали из этого соответствующие выводы. Немцы повышали свою обороноспособность с помощью пива, французы в этих целях использовали коньяки и вина, а британцы — виски.

— Вы блестяще обосновываете свое право на выпивку, мой друг, — сказал Ланге и еще дальше отодвинул от подполковника рюмку с коньяком. — Если бы ваш преподаватель истории в кадетском корпусе держал постоянно в классе бутылку коньяка, вы бы стали у него первым учеником, доказывая, что при-

чиной всех исторических катаклизмов было отсутствие выпивки или ее избыток. Ну что ж, историческая концепция ничем не хуже других. Поздравляю, мой друг. Когда большевики вышвырнут вас за границу — чего от души вам желаю, так как это не самый худший вариант, — то вы вполне сможете заработать себе на хлеб с маслом историческим исследованием «Человек — выпивка — цивилизация». Или: «Чем был опьянен Наполеон перед Бородинским сражением — жаждой победы или стаканом коньяка?» А чем плоха такая тема: «От первобытного общества — ко всеобщему пьянству»? Да, возможности у вас неограниченные. Мне даже немного завидно. Здесь вы можете показать значительно больше лавров, чем разоблачая русских царей и русское дворянство.

Разговор этот происходил в гостинной роскошной квартиры Николая Викентьевича Родзаевского, где подполковник за прошедшие дни настолько освоился, что чувствовал себя полным хозяином.

Следует сказать, что беседующий сейчас с гостем из Берлина подполковник Петров-Скорин был не совсем тем Петровым-Скориним, которого так не любил Дмитрий Иванович Толстой. И если господин Ланге в кабинете графа ничуть не походил на господина Ланге за обеденным столом, то еще более разительные перемены произошли с приятелем Ванюка.

В поведении подполковника полностью отсутствовала обычно присущая ему уверенность, нередко переходящая в беспечность, а то и в наглость. Насмешливость преобразилась в юмор. Даже его лицо неспавшего убийцы и то стало как-то мягче и приобрело заискивающее выражение, какое бывает у собаки, не знающей, как получить продемонстрировать хозяйину свою бесконечную преданность и робко заглядывающей ему в глаза.

Таким Петрова-Скорина не знал не только Дмитрий Иванович, но и Ванюк.

Ланге забросил ногу за ногу, словно бритвой полоснул глазами по лицу подполковника.

— Ну что ж, мой друг, если не возражаете, забудем пока про Спарту, Афины и вышитый Наполеоном перед Бородинским сражением стакан коньяка. Давайте займемся делом. Надеюсь, выпитое у Толстых уже выветрилось?

— Я абсолютно трезв.

— Ну-ну, не надо преувеличивать, — сказал Ланге. — Но мне все-таки хочется вам поверить. У всех русских людей вера всегда превалировала над разумом. А я, как вы знаете, сугубо русский человек, хотя, видимо, и с примесью татарской крови, чего вы, как я слышал, не одобряете...

— Не стоит все принимать слишком всерьез, — сказал Петров-Скорин.

— А я и не принимаю, — успокоил его Ланге. Он зевнул и спросил: — Николай Викентьевич беседовал с вами перед отъездом?

— Так точно.

— Меня интересуют в данном случае

не вообще разговоры, а то, что имеет непосредственное отношение к делу.

— Я понимаю.

— Вы осознаете ту ответственность, которая на вас возлагается?

— Конечно, господин Ланге.

— И вы полностью уверены в своих силах?

— Да.

— Николай Викентьевич объяснил, что потребуется от вас в Москве?

— Так точно, но только в общих чертах.

— А зачем вам сейчас знать частности? Они только сбивают с толку. В деталях все, что от вас потребуется, вы узнаете на месте. На сколько вы оформили отпуск по семейным обстоятельствам?

— На два месяца. Но если нужно...

— Два месяца — срок немалый.

— Когда я должен выехать?

— Завтра.

Подполковник не смог скрыть своего удивления. Этот человек с темными азиатскими глазами беспрерывно его поражал своими совершенно непредсказуемыми неожиданными решениями. Ведь еще накануне из разговора с Ланге можно было понять, что отъезд Петрова-Скорина предполагается не раньше, чем через неделю. И вот на тебе! Нет, это никак не устраивало подполковника. Что за idiotская срочность?

— Боюсь, что завтра я не смогу, — сказал он. — Мне в Киеве надо утрясти кое-какие дела. Как вы посмотрите на то, что я уеду дня через два-три?

Ланге пожал плечами.

— Боюсь, что вы меня неправильно поняли. Я вас не спрашиваю, когда вам удобней ехать. Я вам говорю, когда вы выедете. Теперь вы меня поняли?

— Так точно.

— Вот и прекрасно.

— Но ведь вы не успеете с документами.

Ланге усмехнулся.

— Не волнуйтесь, мой друг. Я о вас уже позаботился. Все документы оформлены еще утром. Ober-лейтенант Штуббер привезет их вам на квартиру сегодня к десяти часам вечера. Поэтому попрошу вас до его появления никуда не отлучаться. Надеюсь, я не нарушил ваших планов?

— Я договорился встретиться в билъардной с ротмистром Спириденко, но...

— Весьма сожалею, что огорчил вас и ротмистра. Передайте ему мое искреннее сожаление. Но Штуббер вас надолго не задержит, только вручит деньги и документы. Будем надеяться, что вы еще станете ротмистра. Теперь о деньгах. На территории Совдепии принимают все деньги, кроме, понятно, гетманских карбованцев, но их и в Киеве не очень-то любят. Штуббер вручит вам десять тысяч в думских и пять тысяч керенок. Не много, но и не мало. До Москвы доберетесь, а там о вас позаботятся.

— Меня интересуют не столько деньги, сколько документы, — сказал Петров-Скорин. — Мне бы совсем не хотелось вызывать подозрение у господ чекистов. Я могу рассчитывать на надежность полученных от Штуббера бумаг?

— Не доверяете немцам? — улыбнулся Ланге. — Думаете, если они подменили в России царскую династию, подсунув православным вместо Романовых Голштейн-Готторпских, то от них и других мелких пакостей можно ожидать? Не беспокойтесь, Штуббер в полной зависимости от меня, а я больше заинтересован в вашей безопасности, чем вы сами. Во-первых, я успел вас полюбить за ваш кроткий нрав и воздержанность в употреблении горячительных напитков. А во-вторых... вы мне просто нужны. Ваш арест мог бы весьма повредить делу. Я уж не говорю о том, какую утрату понесет белое движение. Так что вы получите самые безукоризненные документы, какие только могут быть, никакой липы. Все — натурель. Сомневаюсь, что столь безукоризненными документами располагает сам Феликс Эдмундович Дзержинский. В общем, если у вас появится фантазия поболтать о погоде или о видах на урожай с Ульяновым-Лениным, смело отправляйтесь в Кремль — с такими документами вас пропустят...

— Я не очень стремлюсь заводить новые знакомства, — сказал Петров-Скорин, и Ланге засмеялся.

— Вот теперь я наконец убедился, что вы действительно трезвы. Учтите, кстати, что не только я люблю трезвых людей — большевики тоже. Они по натуре ближе к спартамцам, чем к афинянам...

Одутловатое лицо Петрова-Скорина выражало подобострастное внимание и покорную собачью преданность. Похоже, что в Москве он пить не будет. Но все-таки Ланге предпочел бы иметь в качестве своего эмиссара другого человека, не только полностью равнодушного к алкоголю, что важно само по себе, но и более осматрительного, гибкого, с цепким умом и необходимым в таких ситуациях обаянием. Когда-то Алистер Краули, который сам мало был приспособлен для избранной им деятельности, говорил ему, что тайный агент и проститутка, если хотят богатых клиентов, обязательно должны иметь шарм. Но, как это ни печально, шарм дается только природой, а выбора у Ковильяна-Корзухина не было. Конечно, Петров-Скорин отнюдь не идеальный вариант, в жизни вообще мало идеальных вариантов. Но что поделаешь? Оставалось лишь надеяться, что госпожа Усатова, которая успела пройти неплохую школу не только по линии плотских утех, сможет использовать этого подполковника с максимальной пользой для дела. Давить людей и стрелять в них он, безусловно, умеет, а это в Москве может пригодиться, хотя Ковильян-Корзухин и предпочел бы обойтись без шумных эффектов.

— До пограничного пункта, — сказал он, — вас доставит тот же Штуббер. Он же организует посадку в поезд. Вы, видимо, поедете вместе с сотрудниками миссии Красного Креста. А дальше... Дальше вы сможете рассчитывать лишь на покровительство всевышнего. Надеюсь, что у вас с ним приятельские отношения. Я не ошибаюсь?

Петров-Скорин поморщился.

— Не богохульствуйте, Ланге.

Ковильян-Корзухин был приятно удивлен.

— Никогда бы не подумал, что вы верующий. Очень рад этому. Всегда предпочитал людей, у которых есть хоть что-то святое.

— По какому адресу и к кому я должен явиться в Москве?

Ковильян-Корзухин засмеялся.

— Похоже, подполковник, что в нашем деле вы совершеннейший младенец. Никаких адресов и никаких фамилий, мой друг. Вы в Москве бывали и знаете, где находится Сухаревская башня. Вот и прогуляйте возле нее с десяти до половины одиннадцатого утра, наклеив кусочек пластыря под правый глаз. К вам подойдет молодой человек и скажет: «Небось из Ельца? Фартовый город. Не зря говорят: «Елец — всем ворах отец». Ответьте: «Кому отец, а кому — отчим». Этот человек и сведет вас с кем требуется. Если же к вам два дня подряд возле Сухаревской башни никто не подойдет, то в такое же время будьте у главного входа в магазин «Мюр и Мерилиз». Увидев там женщину в сером платке, торгующую пирожками, спросите ее: «Не из человечинки, часом?» — «А ты попробуй». — «Боязно. Одна попробовала — смерых родила!» Понятно?

— Так точно.

— И еще. Все свое офицерское обмундирование оставите, разумеется, здесь. Одежда штатская. Ничего броского, запоминающегося. Мещанин среднего достатка. А теперь разрешите откланяться, мой друг. Желаю вам успехов.

Обер-лейтенант Штуббер, как и обещал господин Ланге, пришел к десяти вечера. Передал Петрову-Скорину деньги, документы, договорился о встрече на завтра. Визит немца занял не больше десяти минут. Штуббер был деловым человеком и не любил зря тратить время.

Как только за обер-лейтенантом закрылась дверь, Петров-Скорин сел к письменному столу и мелкими, почти микроскопическими буквами написал на узкой полоске бумаги какую-то записку. Скотал ее в маленькую трубочку и аккуратно вставил получившийся у него бумажный стержень в просверленное в зажигалке отверстие. Затем надел шинель и вышел на улицу.

Было сыро и мерзко, с неба падала какая-то дрянь — то ли дождь, то ли мокрый снег. Со стороны Днепра дул холодный пронизывающий ветер.

Петров-Скорин, не тревожась, прошел до Конной площади, свернул на Полицейскую улицу. Здесь, за синемаграфом «Иллюзион», рядом с кафе с патристическим названием «Гайдамак», которое содержал приехавший из Херсона обрусевший немец, его окликнула отделившаяся от стены женщина с ярко накрашенным ртом.

— Военный, а военный, папироской не угостите?

— Прошу.

Женщина неловко взяла негнушимися озябшими пальцами папироску. Вопросительно посмотрела на него подведенными глазами.

— Огонек?

Подполковник протянул ей зажигалку. Она неумело закурила, закашлялась, а затем, щелкнув замочком, положила зажигалку Петрова-Скорина к себе в ридикюль.

Подполковник почему-то воспринял эту несусветную наглость уличной проститутки как нечто само собой разумеющееся и, не пытаясь вернуть свою собственность, зашагал обратно к дому. Похоже было, что ночная прогулка потребовалась ему только для того, чтобы угостить папироской эту ночную бабочку и лишиться своей зажигалки.

Спал Петров-Скорин в эту ночь как младенец и проснулся утром от доносившихся с улицы голосов мальчишек-газетчиков:

— Революция в Германии! Революция в Германии! К власти пришли социал-демократы! Вильгельм II бежал в Голландию!

В дверь спальни протиснулась голова Савелия.

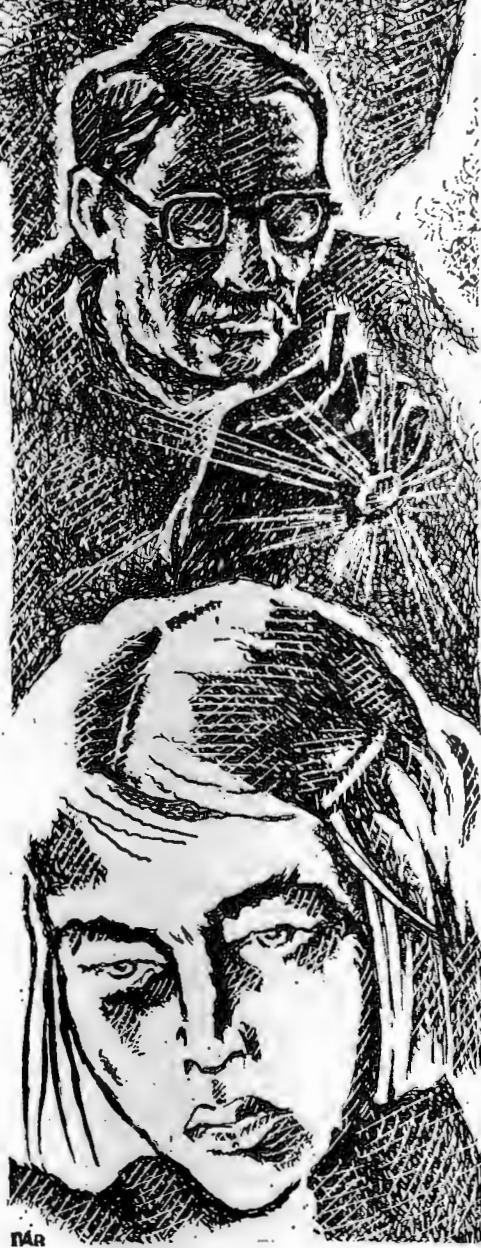
— Слушаете, что горланят?

— А як же, — отозвался Петров-Скорин, натягивая сапоги, и вполголоса пропел: — На дорожи жук, жук, на дорожи черный, погляди-ка, дивчина, який я моторный!

— Все мы моторны, коли жареный петух в неотребное место клюнет, — желчно сказал Савелий. — Николай Викентьевич-то когда возвратится?

— Теперь уже скоро, — пообещал Петров-Скорин.

Действительно, через восемь дней после этого разговора Николай Викентьевич Родзаевский уже нажимал на кнопку звонка своей холостяцкой квартиры.

ММ

За прошедшее время Родзаевский явно отощал, но отнюдь не растерял своего оптимизма. И когда Савелий пожаловался на Петлюру, который, по слухам, готовит поход на Киев, и на немцев, которые, похоже, совсем не собираются помогать Скоропадскому отступать столицу Украинской державы, магистр (а может быть, венецьян) Киевской масонской ложи жизнерадостно сказал:

— А черт с ними! В Париже тоже люди живут. И, говорят, неплохо...

Родзаевский уже видел себя в Париже. И следует признать, что на этот раз он полностью оправдал свою репутацию ясновидящего, которой был обязан не столько себе, сколько новому воплощению незабвенного графа Калиостро в лице месье Филиппа и «адъютанту господа бога» князю Андронникову. Действительно, в январе 1919 года он вместе с Любочкой Бронской оказался в Париже. Здесь, как выяснилось, люди действительно жили не хуже, чем в Киеве, а некоторые — значительно лучше. Правда, в числе этих «некоторых» Николай Викентьевич не оказался. Увы, Париж любил деньги, а их становилось все меньше. Не ждал триумф и Любочку Бронскую. Ее зад почему-то так и не очаровал избалованных французов...

Приблизительно в то же время в Париже оказался вместе с семьей и граф Дмитрий Иванович Толстой, решивший навсегда распрощаться с Эрмитажем, который перестал называться Императорским, с большевистской Россией и с Анатолием Васильевичем Луначарским, который, хотя и был вполне воспитанным человеком, но все-таки назывался комиссаром, правда, просвещения...

Но, расставшись с Россией, граф Толстой никогда не забывал своей встречи в Киеве с господином Ланге. Встречи страшной и романтической, которая навсегда оставила след в его душе. Однако об этом он предпочитал никому не рассказывать, свято блюдя данную им клятву.

Что ж, в жизни каждого человека есть свои тайны, особенно если этот человек принадлежит к благородному рыцарственному союзу вольных каменщиков.

XI

Операция «Перстень Люцифера» приближалась к своему завершению. Но из всех ее вольных или невольных участников знал об этом только комиссар секретно-оперативной части Петроградской ЧК Леонид Яровой, которого член коллегии Петроградской ЧК Максимов считал — и не без оснований — интеллигентом и фантазером, что, по его мнению, являлось если и не недостатком, то уж во всяком случае не достоинством.

Но даже Яровой не был убежден, что столь тщательно разработанная им комбинация сработает до самого конца без единой осечки, или, как он выражался, без сучка и задоринки. Поэтому, докладывая Яковлевой о событиях в Петрогра-

де, Киеве и Москве, он предпочитал ближайшие прогнозы снабжать выражениями типа: «видимо», «можно предположить», «есть основания думать», «вероятно», «скорей всего», «по логике вещей». Это должно было означать, что он всего лишь комиссар секретно-оперативной части, а не бог, и не может с абсолютной точностью предусмотреть все мысли, эмоции и поступки такой личности, как Ковильян-Корзухин, который твердо решил променять неустойчивое положение секретного агента на стабильный и покойный статус наслаждающегося жизнью европейского или американского миллионера.

Между тем, как вскоре выяснилось, всяческих похвал заслуживала не только шведская почта, но и секретная почта, организованная на Украине Заграничным бюро ЦК КП(б)У. Во всяком случае сведения, сообщенные подполковником Петровым-Скоринным, которого, впрочем, в Киевском, Харьковском и Екатеринославском подполье больше знали под кличками «Артист» и «товарищ Андрей», в Загранбюро ЦК КП(б)У поступили без промедления и тут же были по прямому проводу сообщены в Петроградскую ЧК.

Так подтвердилось еще одно предположение Ярового — относительно московских связей и московских авантюр Ковильяна-Корзухина, который не собирался ограничиваться Петроградом.

В Москву для встречи у Сухаревской башни с «молодым человеком», который оказался старым клиентом субинспектора Волкова из Московского уголовного розыска — Дубоносом, выехал помощник Ярового Миша Стрепетов. На совещании у Яковлевой было решено, что «товарища Андрея» (Яровой называл его Каратыгиным) целесообразно иметь «про запас» в Петрограде, где ему, возможно, суждено сыграть существенную роль при задержании и допросе Ковильяна-Корзухина. («Если, конечно, все произойдет без сюрпризов, как предполагается», — добавлял осторожный Яровой, который на заключительном этапе операции во всем сомневался.)

Знакомство Михаила Стрепетова с Васильевым Дубоносом произошло без всяких осложнений. Хотя субинспектор Московского уголовного розыска Волков по просьбе Ярового и принял необходимые меры предосторожности на тот случай, если Дубонос заподозрит что-нибудь неладное, лучше было, конечно, к ним не прибегать.

Стрепетов, разбитной и веселый, настолько понравился Дубоносу, что тот, не мудрствуя лукаво, тут же предложил ему стать поделщиком в очень выгодном, по мнению Дубоноса, деле — квартирной краже на Нижней Масловке.

— Румяное дело, — объяснил он своему новому приятелю, — само в руки прыгает. Не пожалейшь!

Хотя Стрепетов и отказался от «румяного дела», но доверием был явно польщен.

Очаровал он и мадам Усатову, которая, по мнению субинспектора Волкова, находилась «в последней стадии зрелости — и на взгляд, и на ощупь».

Короче говоря, помощник Ярового пришелся в Москве ко двору. По сведениям, которыми располагали петроградские чекисты, появление Ковильяна-Корзухина в Москве исключалось. Но все-таки Яровой предусмотрел и этот вариант, так что, если бы недавний гость графа Толстого решил все-таки навестить Москву, то это событие не застало бы никого врасплох.

В общем, за ту часть операции, которая осуществлялась в Москве, можно было особенно не волноваться.

Что же касается Петрограда, где предполагались главные события, то тут такой уверенности не было. То есть уверенность, пожалуй, все-таки была у всех приобщенных к операции, кроме ее руководителя — комиссара секретно-оперативной части Леонида Ярового... И следует признать, что некоторые основания для сомнений у Ярового были. Особенно его беспокоили два «если».

Что, если Ковильян-Корзухин инстинктом старого разведчика, побывавшего в сотнях различных переделок, почувствует в последнюю минуту ловушку и не поедет в Петроград?

Исключено? Нет, не исключено.

Или другое «если». «Племянник» Семена Петровича Карабашева был молодым неопытным чекистом, которому предстояло еще учиться и учиться. «Дядя Сема», отнюдь не питавший теплых чувств к объявившемуся при помощи Петроградской ЧК родственнику из Калуги, вполне мог воспользоваться его оплошностью и передать через кого-либо — мало ли неустановленных людей, с кем он связан! — предупреждение компаньону. Так, дескать, и так, все провалилось, нахожусь в руках чекистов, по старой дружбе советую: пока не поздно, беги во все лопатки подальше от Питера. Черт с ними, с миллионщиками! А то повяжут тебя здесь, как новорожденного, спеленают...

И вместо столь необходимого Петроградской ЧК живого, невредимого и, конечно же, разговорчивого Ковильяна-Корзухина, которому просто не терпится поскорей поделиться с чекистами всеми своими неосуществленными планами, останутся в руках у комиссара секретно-оперативной части Леонида Ярового лишь непотребные фотографии международного авантюриста, а для оперативных разработок — более или менее достоверные предположения, так как того главного, для чего Корзухин должен прибыть в Петроград, Яровой не знал. Не знал этого, судя по всему, и Семен Петрович Карабашев.

Таковы были два главных «если». А сколько второстепенных и третьестепенных «если»! Поневоле голова распухнет.

Но Ковильян-Корзухин, обычно осторожный, подозрительный, проверяющий все на нюх и на ощупь, на этот раз был слишком уверен в своем успехе.

Избалованный непрерывной цепью удач последних месяцев, опьяненный уверенностью в своей счастливой звезде, он безоглядно шел к давно задуманному, к тому, что теперь наконец должно было из мечты превратиться в реальность.

И когда Яровому сообщили, что «фигурант» прибыл наконец в Петроград, он вздохнул полной грудью. Теперь у него уже не было никаких сомнений в успешном завершении операции «Перстень Люцифера».

Остановился Корзухин на квартире Карабашева. Насколько Яровой понял, калужский «племянник» его не насторожил. Он к нему отнесся как к случайной и незначительной помехе, которая не может оказать существенного влияния на ход событий. И в этом была немалая заслуга Феди — его, кстати говоря, действительно так звали, и родом он был из Калуги, хотя и не состоял в родственных отношениях со «шкелетом». «Племянник», скромный и застенчивый, держался в тени, как и подобало бедному провинциалу, впервые приехавшему в столичный город к богатому дядюшке. Он был молчалив, ненавязчив, незаметен, всегда готов выполнить любое поручение дяди или его почетного гостя. А то, что Корзухин является для него самым дорогим гостем, «шкелет» подчеркивал всем своим поведением. Правда, это ему совсем не помешало передать Яровому через «племянника», что ежели чекистам что-нибудь от него потребуется в отношении Корзухина, то за ним, Карабашевым, дело не станет, он готов оказать любую сильную услугу, так как очень раскаивается в содеянном и хочет делом искупить свою вину перед рабочим классом, к которому всегда испытывал симпатию. Относительно раскаяния своего подшефного Яровой сильно сомневался: Карабашев всю свою жизнь стремился подсунуть легковерным вместо Рубенса Васю. Но то, что «шкелет» готов обменять голову своего старого приятеля на спокойную жизнь при большевиках, похоже было на правду. Он похоронил Ковильяна-Корзухина уже в тот памятный день, когда у него появился «племянник» из Калуги. А за покойников не спрашивают, в лучшем случае за них молятся. Что ж, помолиться за упокой души грешника Вольдемара Корзухина Карабашев был готов. И на свечу не поскупится. Это пожалуйста.

В первый день пребывания в Петрограде Ковильян-Корзухин, как сообщил Яровому следивший за ним сотрудник, отправился на Аптекарский остров, где зашел во второй подъезд дома № 57 по Каменноостровскому проспекту. Здесь он позвонил в квартиру № 16. Убедившись, что хозяина дома нет, Ковильян-Корзухин пошел в чайную общества трезвости, расположенную на другой стороне проспекта, где взял чайник с чаем и два пирожка с требухой. Поев, он вновь пошел к дому № 57. На этот раз он застал хозяина квартиры № 16 и находился там сорок восемь минут.

Хозяином квартиры, в которой был Ковильян-Корзухин, Аристархом Никоновичем Федулиным Петроградская ЧК интересовалась давно. Имелись агентурные сведения, что он с группой своих сообщников систематически занимается нелегальной транспортировкой в Ревель и Гельсингфорс людей и ценностей. В частности, им был переправлен через границу князь Феликс Феликсович Юсупов, который в декабре 1917 года был арестован в Петрограде советскими властями и бежал из-под стражи. С помощью Федулина Юсупову тогда удалось вывезти ювелирные изделия и два великолепных полотна Рембрандта — «Портрет женщины со страусовым пером» и парный к нему «Портрет мужчины с перчаткой»¹.

В тот же день Ковильян-Корзухин был в доме на Кирочной улице у гражданки Лобовой. О Лобовой в Петроградской ЧК никаких сведений не было. Но навести справки особого труда не составило. Лобова, вдова надворного советника Лобова, умершего в июле 1917 года, оказалась дочерью управляющего Юсуповых — Горенкова, который продолжал жить в Юсуповском дворце на набережной Мойки и после эмиграции своих хозяев. Более того, Яровому удалось получить сведения, что Никита Варламович Горенков, прослуживший у Юсуповых около тридцати лет, поддерживал с ними связь и тогда, когда они оказались за границей. Кроме того, как выяснилось, Горенков хорошо знал директора Эрмитажа Дмитрия Ивановича Толстого, который неоднократно бывал в доме Юсуповых и питал дружеские чувства к Феликсу Юсупову и его жене Ирине, племяннице Николая II. Опрос показал, что в 1918 году, до отъезда Толстого на Украину, Горенков по меньшей мере дважды навещал его.

На следующий день Ковильян-Корзухин вместе с Карабашевым с утра отправились в Успенский двор, расположенный на Калашниковском проспекте. Здесь они около двух часов провели на складе Глухова, где, как Яровой еще месяц назад узнал от Карабашева, хранился сданный Карабашевым антиквариат: ковры, бронза, фарфор, скульптура.

Затем Ковильян-Корзухин в квартире Карабашева долго беседовал с приехавшими к нему Аристархом Федулиным и Лобовой.

О чем они говорили, Яровому узнать не удалось, об этом можно было лишь догадываться. Но, как мы знаем, у комиссара секретно-оперативной части Петроградской ЧК было достаточно богатое воображение.

Вопрос об аресте Ковильяна-Корзухина был решен на третий день его пребывания в Петрограде.

¹ Оба эти портрета были проданы Ф. Ф. Юсуповым американцу Джозефу Уайдеру. В настоящее время находятся в Национальной галерее в Вашингтоне.

Когда сотрудник ЧК, руководивший группой наблюдения, сообщил Яровому, что «фигурант» в данный момент находится в помещении дворца Юсуповых, где беседует с гражданином Горенковым, Яровой отправился к Яковлевой.

Последние дни Яровой находился на особом положении, и секретарь Яковлевой Бенин, который не выносил, когда сотрудники ЧК без вызова появлялись в приемной председателя, молча пропустил его в кабинет Яковлевой.

— Что скажете, Леонид Николаевич? Яровой доложил, что Ковильян-Корзухин встретился с управляющим Юсуповых.

— Пора брать, Варвара Николаевна. — А может быть, дать ему погулять по Питеру еще день-другой?

— Да теперь уже и так почти все ясно. Встреча с Горенковым — последний штрих, — возразил Яровой. — А держать его лишнее время на воле — испытать судьбу. Черт его знает, какой фортель может выкинуть!

— Ну что ж, если вы так уверены, что больше ничего существенного вам выяснять не нужно, я не возражаю. Только постарайтесь, чтобы задержание прошло без эксцессов.

— Культурно сделаем, Варвара Николаевна, по-интеллигентному, — сказал Яровой.

Комиссар секретно-оперативной части выполнил свое обещание: эксцессов при задержании Вольдемара Корзухина не было.

Когда через полтора часа Ковильян-Корзухин вышел из особняка Юсуповых, перед ним как из-под земли появился человек в барашковой шапке. Он улыбался. Широко. Открыто. Дружественно. Благодушно.

Никаких сомнений, перед ним стоял Петров-Скорин.

— Рад вас приветствовать в Петрограде, господин Ланге!

Ковильян-Корзухин опешил.

— Вы?.. Почему вы здесь? Вы же должны быть в Москве...

Правая рука Корзухина быстро и незаметно скользнула в карман пальто. Но Петров-Скорин успел перехватить кисть его руки, сжал сильными пальцами запястье.

— Ну-ну, вы же воспитанный человек, господин Ланге. Зачем же так?

Двое подбежавших сзади чекистов схватили Корзухина за руки, отобрали браунинг, впикнули в стоящий у кромки тротуара черный лимужин.

Задержание «фигуранта», как потом докладывал Яровой, заняло ровно десять секунд.

XII

Вначале Ковильян-Корзухин отказался отвечать на какие-либо вопросы. Но он был прагматиком и, убедившись, что ни Карабашев, ни Федулин, ни Лобова молчаливостью не отличаются, а у Петрова-

Скорина более чем приятельские отношения с петроградскими чекистами, заявил о своей готовности «собственноручно изложить признательные показания».

И спустя несколько часов на письменный стол Яковлевой легла стопка исписанных листов бумаги.

Корзухин писал, что после Февральской революции, когда жизнь в России стала крайне неустойчивой, многие коллекционеры, особенно мелкие, начали распродавать свои коллекции, в связи с чем антиквариат сильно упал в цене. Карабашев, который сотрудничал тогда с анонимной американской фирмой, занимавшейся скупкой в России предметов искусства, говорил ему, что если бы он, Карабашев, располагал сейчас хотя бы пятьюдесятью тысячами рублей, он бы приобрел вещи, которые через несколько лет сделали бы его богатейшим человеком.

«Я предложил ему взять меня в компанию, — писал Корзухин, — и тогда же дал ему на покупку антиквариата пятнадцать тысяч рублей, а месяц спустя — еще десять. Карабашев, используя свое положение доверенного лица в американской фирме, приобретал для нас лучшее из того, что петроградцы приносили для оценки и продажи представителю фирмы Горвицу. Купленное им, по согласованию со мной, помещалось на хранение в Успенском дворе на Калашниковском проспекте в специально арендованном нами складе.

Кое-какие приобретения делал в Москве и я. В частности, я купил тогда у некоего Дубоноса через госпожу Усатову персидскую бронзу из собрания Халатова, несколько турецких ковров XVIII века, картины французских художников XVIII — XIX веков... (О том, что Дубонос являлся просто-напросто квартирным вором, который совершал кражи по его наводке, Корзухин в своих «чистосердечных показаниях» предпочел скромно умолчать.) Все приобретенное мною, — продолжал он, — хранилось вначале на Покровке, в квартире, которую я снимал у госпожи Усатовой, а затем на Большой Дмитровке в Московском товариществе для ссуд под заклад движимого имущества. Здесь, кстати говоря, многие коллекционеры, как в одном из самых надежных мест в Москве, предпочитали держать свои ценности. В складских помещениях Московского товарищества для ссуд под заклад тогда находились — а возможно, находятся и сейчас — картины Репина, Сурикова, Саврасова, Айвазовского, Крамского, Рокотова, Кипренского; средневековая немецкая мебель, принадлежавшая графу Вобринскому, французская мебель работы Буля, гарнитуры из карельской березы князей Оболенских»¹.

Свою «коллекцию» в Москве Корзухин значительно пополнил в апреле и мае 1918 года, когда, скупая за бесценок акции национализированных после Октябрьской революции предприятий, он через

немецкое посольство, в котором работал, предъявлял их к оплате Советскому правительству. На этих мошеннических операциях он заработал около шестидесяти тысяч рублей и всю эту сумму потратил на приобретение антиквариата.

В то время Корзухин по поручению советника посольства Рицлера поддерживал отношения с антисоветским подпольным «Правым центром», периодически встречаясь с его эмиссарами. Во время одной из конфиденциальных бесед с представителем «Центра» на конспиративной квартире Корзухин упомянул о том, что интересуется живописью. Оказалось, что его собеседник — завязтый коллекционер. «Если вы хотите в неприкосновенности сохранить свои собрания, — сказал он, — вам следует обязательно воспользоваться услугами директора Императорского Эрмитажа графа Дмитрия Ивановича Толстого. Этот благороднейший человек многое делает для того, чтобы сохранить сокровища русских коллекционеров и не дать их на разграбление большевикам».

Корзухин узнал, что граф Толстой принял под расписку для хранения в секретных кладовых Эрмитажа собрания картин уехавшей за границу графини Паниной и ряда других известных коллекционеров. Он же принял живое участие в судьбе юсуповских сокровищ, которые теперь спрятаны в надежном месте, где большевикам никогда их не разыскать.

Собеседник Корзухина обещал представить его Дмитрию Ивановичу Толстому и замолвить директору Императорского Эрмитажа за него словечко. Но он бесследно исчез, как в те дни исчезали многие другие люди, с которыми по поручению Рицлера контактировал Ковильян-Корзухин.

Карабашев, который досконально знал все более или менее выдающиеся собрания произведений искусства в России, оценивал картины графини Паниной в четыреста тысяч золотых рублей, а коллекции Юсуповых в их особняке на Мойке — в тридцать миллионов. Цифра с семью нолями Корзухина просто потрясла. В то время он не видел никаких подходов к спрятанным при содействии Толстого сказочным сокровищам Юсуповых.

Но в августе 1918 года судьба свела его в Берлине с Алистером Краули, над головой которого сгустились тучи: у одного из сотрудников третьего отдела Германского генерального штаба возникло достаточно достоверное подозрение, что благосклонностью Краули пользуются не только немцы, но и англичане. Доказательства легкомыслия этого агента сотрудник с Шварце Таффель, к счастью, не располагал, но время было военное, а Краули являлся для немцев отнюдь не самым ценным приобретением. Короче говоря, если бы не лестный отзыв Ковильяна-Корзухина, одним надежным агентом у немцев стало бы, видимо, меньше...

Краули, который понимал, что ему угрожает, был преисполнен благодарности. И его теплые чувства к Ковильяну вылились в нечто весьма существенное. Активный деятель Герместического ордена Зо-

¹ Все это было изъято Советской властью лишь летом 1919 года.

лотой заре, он хорошо знал многих масонов, в том числе русских, с которыми его в свое время свел «адъютант господина бога» князь Андронников и месье Филипп. Оказалось, что масонами были и князь Феликс Юсупов и директор Императорского Эрмитажа граф Дмитрий Иванович Толстой.

Услышав это от Краули, Ковильян-Корзухин понял, что его мечта завладеть богатствами Юсуповых не столь эфемерна, как ему раньше казалось. Тут было над чем подумать и за что ухватиться. Почему бы вольным каменщикам не помочь ему стать скромным миллионером? Чем заниматься всякой мистической чепухой, лучше сделать одно доброе дело.

А когда Алистер Краули, еще не понимая, насколько это важно для его коллеги, рассказал о мистическом масонском перстне, Ковильян-Корзухин почувствовал себя уже законным наследником Юсуповых.

«Перстень, который враги масонства обычно именуют «Кольцом Сатаны» или «Перстнем Люцифера», сами вольные каменщики, которые, как мне представляется, весьма склонны к театральщине и охотно верят в любые мистические сказки, предпочитают называть «Кольцом власти», «Перстнем Вэкона», — писал в своих показаниях Ковильян-Корзухин. — По преданию, а история масонства вся состоит из одних романтических преданий, этот перстень с изображением золотого диркуля и треугольным красным бриллиантом в платиновой окантовке с надписью на латинском языке «Братская любовь, равенство, верность» (он у меня изъят при личном обыске) принадлежал некогда «великому пророку» Нострадамусу. После смерти Нострадамуса он якобы оказался у известного философа, ученого и государственного деятеля Френсиса Вэкона, который в конце шестнадцатого — начале семнадцатого века был императором ордена розенкрейцеров. Считалось, что перстень исцеляет от различных болезней, наделяет мудростью, даром предвидения. Но главное заключалось в том, что перстень давал непрерываемую власть. Указания владельца перстня были обязательны для каждого масона.

Узнав от Краули о «Перстне Люцифера», я шутливо заметил, что подобная штука очень облегчила бы мне осуществление одной акции. Краули воспринял мои слова вполне серьезно. Не пытаюсь узнать, какую именно акцию я имею в виду, он сказал, что всегда платил по векселям и не привык забывать оказанных ему услуг. Оказалось, что «Перстень Люцифера» вот уже несколько лет принадлежит некоему Сивару Йергенсону, хранителю Стокгольмской галереи портретов знаменитых масонов. По словам Краули, он давно и хорошо знал Йергенсона. Краули взялся помочь мне заполучить перстень. Однако он переоценил свое влияние на Йергенсона. Когда в начале сентября я в Стокгольме встретился с Йергенсоном, тот отказался отдать мне эту реликвию масонства. Пытаясь заинтересовать его, я в общих чертах расска-

зал о своих замыслах и обещал ему полтора процента от выручки, что составляло весьма большую сумму. Но убедить его мне так и не удалось. Тем не менее перстнем я все же завладел, — писал Корзухин, умалчивая о том, что несговорчивость Йергенсона стоила ему жизни. — К тому времени граф Д. И. Толстой, от которого я намеревался получить сведения о спрятанных Ф. Ф. Юсуповым в Петрограде коллекциях и других собраниях, помещенных Толстым в тайные хранилища Императорского Эрмитажа (картины графини Паниной и др.), находился в Киеве. Я тщательно готовился к поездке в Киев. Помимо «Перстня Люцифера», я запасся подложным письменным согласием Ф. Ф. Юсупова на безоговорочную передачу мне «в высших интересах» всех его коллекций. Краули, который некогда создал в Киеве и Гельсингфорсе «почтовые ящики», используя свои связи среди масонов, оказал мне в Киеве определенное содействие. Он известил о моем приезде И. В. Родзаевского, блюстителя храма Киевской ложи, и еще двух масонов, которые должны были мне безоговорочно во всем оказывать содействие. Однако никого из них я в Киеве не застал. В квартире Родзаевского, к которому, по согласованию с Краули, я должен был явиться в первый день приезда в Киев, меня встретил подполковник Петров-Скорин (этого человека я знаю только под таким именем). Представившись кузеном Родзаевского и членом киевской ложи, он сказал, что Родзаевский вынужден был неожиданно уехать, переадресовав ему полученное задание. Что он, Петров-Скорин, не пожалеет жизни, чтобы выполнить в интересах братства любое мое поручение. Письмо Родзаевского, которое он мне вручил, полностью подтверждало его слова. Родзаевский писал, что Петрову-Скорину можно во всем безоговорочно доверять, что, несмотря на некоторую склонность к горячительным напиткам, это исключительно надежный и мужественный человек. Не могу сказать, что Петров-Скорин произвел на меня столь благоприятное впечатление, хотя у меня и не возникло подозрения, что он агент ВЧК.

После успешно закончившихся переговоров с Д. И. Толстым, когда мне потребовалось задержаться еще на некоторое время в Киеве, я решил отправить Петрова-Скорина в Москву. Оттуда ему с помощью Дубоноса и Усатовой надлежало перевезти хранившийся там на Большой Дмитровке антиквариат в Петербург и доставить его в Успенский двор, где, как я уже писал, находились ранее приобретенные Карабашевым предметы искусства. Все это предполагалось с помощью Федулина и его людей переправить за границу в первую очередь, а затем уже готовить к отправке собрания князей Юсуповых.

Когда я узнал об изъятии чекистами из тайных кладовых Эрмитажа картин графини Паниной и других частных коллекций, принятых на хранение Д. И. Толстым, я, разумеется, огорчился. Но это меня, к сожалению, не насторожило. Я

577

никак не мог предположить, что это часть разработанной вами операции...»

Таинственно исчезнувшие из дворца Юсуповых коллекции были обнаружены... в том же дворце, в его замурованных потайных помещениях, которые со скрупулезной точностью были обозначены на плане, изъятом у Ковильяна-Кораукина при обыске. Первый тайник находился в длинном облицованном изразцами коридоре, где в стене под толстым слоем штукатурки и кирпичной кладки чекисты обнаружили металлическую дверь, ведущую в темное помещение с низким потолком. Здесь хранились серебряные и золотые вещи, в том числе золотой обеденный сервиз художественной работы на сто двадцать персон. В других тайниках были картины, скульптуры, коллекция старинных музыкальных инструментов, включавшая в себя уникальные скрипки, гобелены, ковры, первопечатные книги, древние грамоты, рукописи выдающихся деятелей культуры, в том числе рукописи Пушкина.

Пожалуй, Карабашев поспешил, оценив коллекции князей Юсуповых всего в тридцать миллионов золотых рублей. Они стоили значительно дороже. Если, конечно, вообще можно было в деньгах измерить их стоимость. Ведь национальные сокровища цены не имеют, на то они и сокровища.

Краткий список изъятого из тайников дворца Юсуповых занял пятнадцать толстых конторских книг.

Отодвинув их в сторону, Яковлева поздравляла Ярового с завершением операции «Перстень Люцифера» и спросила, отправлено ли письмо в Стокгольм.

— Какое письмо? — удивился Яровой.

— Письмо товарища Решетняка или его жены Водовозову. Не отвечать на письма невежливо, а на письма такого рода — просто непорядочно. Так что вы, пожалуйста, позаботьтесь.

Яровой пообещал проявить заботу и попросить жену Решетняка ответить на полученное из Стокгольма письмо.

— Пусть сообщит о завершении операции «Перстень Люцифера». Скажите, что это коллективная просьба Петроградской ЧК.

— Будет сделано, — сказал Яровой, немного удивленный этой «коллективной просьбой». — Но, боюсь, письмо не застанет адресата. Есть сведения, что он куда-то переехал из Стокгольма.

Яковлева усмехнулась и совсем уже как-то странно сказала:

— Это не столь важно. Главное — чтобы письмо было отправлено.

Шведская почта действительно работала хорошо. Ровно через неделю перевод перлюстрированного письма жены Решетняка, адресованного Водовозову, Тернер уже вручил своему шефу. Похоже было, что капитан Аксель Юрберг полностью удовлетворен.

— Что мне нравится в большевиках, — сказал он, — так это их обязательность. Приятно иметь дело с порядочными людьми. Ведь они понимали, что, получив из Петербурга соответствующих сообщений, я просто умру от любопытства.

РЕПЛИКА

ЗАБЫЛИ ВЫСЛАТЬ ЗАЯВКУ

Поступил тревожный сигнал: большая группа подписчиков из отдаленного гарнизона не получает наш журнал. Проверкой в редакции было установлено, что разыскиваемые 192 экземпляра вышедших с начала года номеров действительно не высылались. По той причине, что на них нет в отделе издательства соответствующих документов или, попросту говоря, — не оформлена подписка. Следовало внимательно разобраться на месте; почему все-таки получились сбой!

К сожалению, ни в политотделе внутренних войск по Уралу, ни в политотделе соединения не проявили должной настойчивости и принципиальности при рассмотрении возникшей ситуации и не довели начатое дело до конца.

Неудивительно, что спустя несколько месяцев запутанная история с «пропавшими» журналами вновь всплыла на поверхность. Редакция решила сама распутать клубок противоречивых фактов. Проведенное на месте расследование без особого, кстати сказать, труда позволило установить, что организующие в соединении дополнительную подписку журнала на 1989 год подполковник В. Тюц, майор Ю. Самойленко отнеслись к важному поручению спустя рукава. В результате деньги почти за двести экземпляров, на которые подписались офицеры и прапорщики, выслали, а заявку с указанием почтовых отделений, адресов направить в редакцию журнала забыли...

Теперь, начиная с девятого номера, подписчики будут получать наше издание.

Хочется верить, что из этой затянувшейся истории будут извлечены уроки. Ведь речь не только о качестве воспитательной работы с личным составом, о том, как удовлетворяются нужды и запросы военнослужащих, как реагируют должностные лица на сигналы из глубинки. Но и о престиже, авторитете нашего журнала, его редакционного коллектива, кровно заинтересованного в расширении круга читателей, а отнюдь не в том, чтобы из-за каких-либо недоразумений терять подписчиков.

В. СЕДОЙ.

УВВ по Уралу.

«БЛУЖДАЮЩИЕ ФОРВАРДЫ»

(ЗАМЕТКИ НА НЕСПОРТИВНЫЕ ТЕМЫ)

«Кадры решают все!» — говорим мы, и очень даже правильно говорим. Ибо кадры — они не только в серьезном деле, но даже в игре значат многое. Футбол, к примеру, возьмем. Ну что представляет собой команда без яркого нападающего? Ну кому она нужна такая? И наперебой тренеры-селекционеры гоняются за «звездами», манят их к себе, соблазняя квартирами да машинами. Можно бы им, конечно, свою знаменитость выращивать, но уж больно дело хлопотное. И пользуясь этим, бегают по городам и весям «блуждающие форварды», ищут, где глубже или теплее.

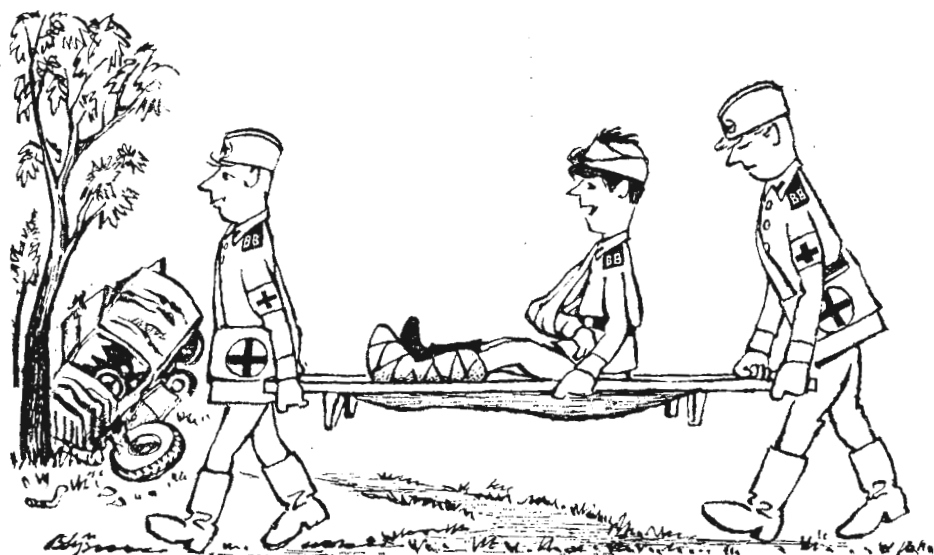
Наши подразделения выполняют служебно-боевые задачи, тут игры и не пахнет, а вот прижился-таки сей спортивный термин в воинских коллективах. Правда, наших «звезд» не то, что не приглашают, а скорее наоборот: отфутболивают из коллектива в коллектив. Чтобы теплее жилось самим командирам-воспитателям, чтобы получше выглядели у них показатели по службе, дисциплине.

Рядовой Б. Раминов примерно за год службы сменил четыре военных городка. В трех первых прославился высокими способностями организовывать неуставные взаимоотношения, а попросту драки, и халатным отношением к исполнению своих обязанностей. В четвертом же и ведет себя дисциплинированно, и на посту стоит зорко, за что три поощрения имеет. Политработник роты офицер В. Гадалов такого мнения о солдате: никто, видно, раньше не захотел присмотреться к Раминову, а у того — обостренное чувство чести, которое он отстаивал по-мальчишески, с кулаками. За правду боролся, а его только наказывали, отсюда, видимо, и были срывы по службе. И стоило по душам поговорить с человеком, поддержать морально — понял он ошибку, стал строже к себе...

Разные они, странствующие по подразделениям нарушители. Рядовой М. Мамаев пристрастился к спиртному, дважды был уличен в одной роте, третий раз — во второй и не-

давно опять «переехал». Рядовой М. Щербина притирывал младших по тризыву сослуживцев. Рядовой (бывший сержант) Н. Турченко — любитель самоволок. Рядовой И. Левец грубит командирам, подрывает их авторитет... Читатели журнала наверняка могут продолжить этот список, рассказать о рекордсменах в деле перемены мест. Однако сейчас хотелось бы поговорить о другом. Если место службы — наш второй дом (афоризмом уже стала данная фраза), то не слишком ли это суровое наказание: отлучение от дома? Кем предусмотрено оно, почему так широко применяется? Кому на руку, и какой воспитательный элемент в нем содержится?

Дисциплинарный устав можете не листать: нет в нем ничего о странниках в солдатской одежде. Наоборот, как в уставах, так и в действующих приказах есть строки о необходимости воспитательной работы, об ответственности командиров, политработников за судьбы подчиненных. Но отвыкли мы, видно, о чьих-то судьбах думать. Да и

— Вылечусь — прокачу вас с ветерком.

Рис. В. Тамаева.

СЛАДКИЙ СОН

спрашивают чаще и строже за показатели, забывая о тех, кто их творит. Есть тут информация для размышления?

Теперь — о наличии воспитательного элемента. Что полезного дает такая мера самому нарушителю? Да ничего: ну что может дать подрубка корней молодому растению?! И потом, совершивший проступок становится невольным распространителем негативного опыта. К примеру, организации пьянки, совершения самовольной отлучки, проведения «дедовского» шабаша. Хорошо, если такой опыт не встретит поддержки на новом месте службы «блуждающего форварда», но не дрогнут ли моральные устои солдат, если коллектив пополнится сразу несколькими варягами.

В роте, которой командует старший лейтенант А. Сокол (УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР), впервые за много лет произошла неприятность: подали голос «деды», организовали вечер в свою честь. Думаю, немаловажной причиной происшествия стало наряду с другими и то, что передовая рота является «местом ссылки» нерадивых воинов из других коллективов. Так, только за четыре месяца, предшествовавших данной вечеринке, в роту прибыло... одиннадцать человек — целая футбольная команда! Они-то и были основными инициаторами праздника, вылившегося в неуставные взаимоотношения между военнослужащими, они-то и убедили «местных» в том, что такие вечеринки принято проводить везде, что нет в них ничего плохого.

Вроде и доказывать не надо, что «блуждающие форварды» — явление в нашей среде негативное. Вроде и так для всех понятно: с нарушителями надо вести воспитательную работу, а не отфутболивать их с места на место. Но это все — вроде. А на самом деле с легким сердцем провозжают «гастролеров» горе-воспитатели и тяжелым взглядом встречают «старых» новичков в очередных коллективах.

Доколе же?..

И. КОЗЛОВ.

Вернулся капитан Зарывайкин со службы домой, упал на кровать и в сон провалился. А сон был таким. Выходит, значит, на трибуну командир и говорит:

— Наконец-то нам удалось добиться решения вопроса об упорядочении служебной нагрузки. Если раньше вы часто ходили и ответственными, и дежурными, и начальниками караулов, то сейчас все будет по-другому. Довожу: в субботу и воскресенье у нас — выходные, в понедельник отдыхаем после выходных, во вторник настраиваемся на работу, в среду работаем, в четверг отдыхаем после службы, в пятницу настраиваемся на выходные. Думается, никто не в обиде, никто не ущемлен. Есть вопросы?

Взметнулась рука в первом ряду.

— Товарищ полковник, — раздался голос, — есть предложение сделать и среду выходным днем!

— Обсудим, — сказал командир. — Но сейчас прерываем заседание, по домам пора...

«Пора, пора, пора...» Голос командира делался все теплей и ласковей, и Зарывайкин наконец понял, что это говорит с ним жена, Вера:

— На службу пора, уже рассвет скоро.

— А какой день сегодня, среда разве? — полусонно спросил Зарывайкин.

— Какая среда? Воскресенье. Да не все ли тебе равно, ведь каждый же день на службе: то дежурный, то ответственный, то...

Капитан М. ГРИНЮК.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Со знаниям Дела

На собраниях
в энергичных выражениях
Клим толкует
о проступках, нарушениях
И о том,
какой они приносят вред.
Самовольная отлучка?
Сей предмет
Он изложит вам
с предельной глубиной:
Как патруль шагает грозно
за спиной;
Как мурашки пробегают
по спине,
Только вспомнишь
о суровом старшине...
Или грубость.
Про нее он говорит:
— У меня от грубых слов
лицо горит!
Иль, к примеру,
ротозейство на посту.
— Гадко, вам скажу начистоту!..
Да, всех нарушений Клим знаток.
Но откуда эрудиции исток?
Очень просто:
сам он, говорят,
Совершил проступков целый ряд!
А. ЧИСТЯКОВ.

Березовый листок

Зна невидаль — березовый листок. Вчера, когда, казалось бы, на последнем дыхании ты добежал до финиша и упал, глотая пьянящий воздух, их ведь было кругом сколько угодно. Да и что в них такого? Обыкновенные листья, лесной мусор.

Что же с тобой произошло сегодня, рядовой Семенов? Неужто обо всем заставляют забывать эти строчки, выведенные знакомой рукой: «Вчера я гуляла в лесу и опять подошла к Нашей березке. Высылаю тебе ее листочек...»

Что с тобой, рядовой Семенов? Полно улыбаться, беспричинно ерошить короткий чуб, меланхолично разглядывать пропыленные сапоги...

Прости меня, дружище, что я отрываю тебя от письма. Слышишь, труба зовет. Пора идти, ученья не окончены. Ну, становись в строй. У тебя осталось время лишь на то, чтобы поправить каску да пригнать поладнее автомат к плечу. И перед атакой на секунду оглянуться, чтобы увидеть, как светятся на закате березы. Такие же, как та, Ваша.

Фотоэтиюд старшего прапорщика Н. БЕЛОНЕНКО.

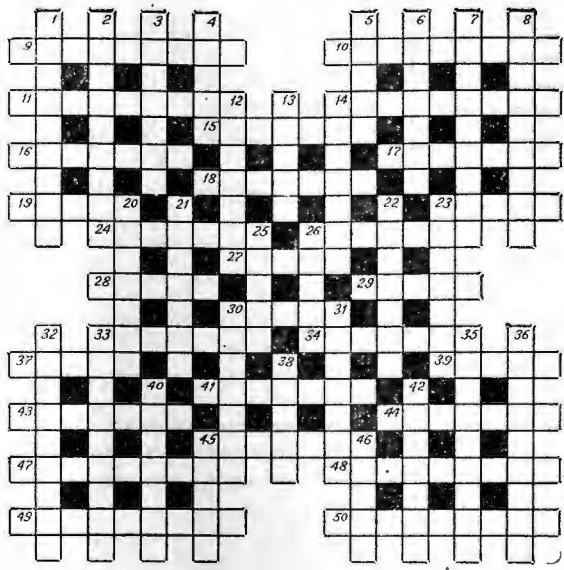
В ЧАСЫ ДОСУГА

КОНКУРС ЭРУДИТОВ

ЗАДАНИЕ № 20

Составил Е. БУРОВ

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 9. Составная часть военного искусства. 10. Город, в котором действовали подпольщики «Молодой гвардии». 11. Заряд ВВ, предназначенный для возбуждения взрыва основного заряда. 14. Удаление отравляющих веществ с зараженной местности, оружия и боевой техники. 15. Двукратный олимпийский чемпион, хоккеист ЦСКА. 16. Роман О. Гончара о гражданской войне. 17. Великий русский писатель, автор эпопеи «Война и мир». 18. Созвездие Северного полушария. 19. Перевал, близ которого находится памятник воинам, павшим в боях за освобождение Болгарии. 23. Приспособление для закрепления деталей. 24. Старинное ручное метательное оружие. 26. Командир Кубанской кавбригады, погибший от рук белогвардейцев в 1919 г. 27. Герой детской повести А. Гайдара. 28. Инертный газ. 29. Летний

форменный головной убор. 30. Способ разведки. 33. Город на Волге. 34. Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии в Великую Отечественную войну. 37. Искусственный водовод. 39. Город первых побед Красной Армии. 41. Старый, опытный воин. 43. Советский конструктор автоматического стрелкового оружия. 44. Русский изобретатель в области артиллерии и пиротехники. 45. Участок суши или моря для испытания оружия и боевой техники. 47. Русский исследователь и изобретатель летательных аппаратов. 48. Русский живописец-баталист. 49. Советский писатель, автор рассказов о Великой Отечественной войне. 50. Советский живописец, автор картин «Клятва сибирских партизан», «Мать партизана».

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Первичное тактическое подразделение. 2. Небольшой во-

енный корабль с артиллерийским вооружением. 3. Рупор для усиления звучания голоса. 4. Первый советский крейсер. 5. Основоположник советского вертолетостроения. 6. Сохранившаяся часть чего-либо, прежде существовавшего. 7. Русский князь, возглавивший русские войска в борьбе против польских интервентов. 8. Перегруппировка войск первого эшелона вдоль линии фронта.

12. Отраженный полет снаряда, пули. 13. Деталь затвора огнестрельного оружия. 14. Командир кавалерийского корпуса в битве под Москвой. 20. Склад оружия и боеприпасов. 21. Воинское звание. 22. Скульптор, автор памятника Ф. Э. Дзержинскому в Москве. 23. Один из героев трилогии А. Н. Толстого «Хождение по мукам». 25. Один из первых летчиков-космонавтов. 26. Город, в районе которого произошла одна из решающих битв второй мировой войны. 30. Автор «Повести о настоящем человеке». 31. Известный русский архитектор. 32. Советский кинорежиссер, постановщик фильмов «Валерий Чкалов», «Летят журавли». 33. Летчик-космонавт корабля «Союз-15». 35. Теория и практика вождения кораблей. 36. Устройство для автоматического управления полетом летательных аппаратов. 38. Деталь механического прицела огнестрельного оружия.

40. Режиссер и драматург кино, снявший фильм «Непокоренные». 42. Помещение в оборонительных сооружениях для защиты личного состава, оружия и боеприпасов. 45. Летчик. 46. Представитель коренного населения севера Сибири.

ЗНАКОМЬТЕСЬ: «ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ВЕСТНИК»

Если вы хотите быть в курсе повседневной работы советского правительства, знать, как готовятся и выполняются его решения, если вы стремитесь принимать самое непосредственное участие в обсуждении экономических и социальных вопросов перестройки, оказывать личное влияние на работу государственных и правительственных органов, — читайте и выписывайте новое еженедельное издание — «Правительственный Вестник» — орган Совета Министров СССР.

«Правительственный Вестник» — это своеобразная трибуна прямого диалога правительства и народа. Это знание подробностей рассмотрения важнейших вопросов экономической реформы, знакомство с различными позициями и мнениями членов правительства страны, работников аппарата Совета Министров СССР, министерств и ведомств местных советских и хозяйственных руководителей, возможность лучше понять их точки зрения, оценить стиль и методы работы.

«Правительственный Вестник» — это широкое участие читателей в обсуждении важнейших законопроектов, это живой обмен мнениями с ведущими учеными, видными хозяйственниками и специалистами, талантливыми режиссерами, колхозниками и кооператорами, это рейды и экспресс-опросы, изучение общественного мнения трудовых коллективов и различных групп населения.

«Правительственный Вестник» — это «Клуб молодых экономистов», участником которого на страницах газеты может стать каждый, у кого есть яркая идея, смелая мысль, интересное предложение — словом, все, что может пополнить теоретический и практический арсенал радикальной экономической реформы.

«Правительственный Вестник» — это очные и заочные читательские конференции, круглые столы и дискуссии с участием руководителей центральных экономических органов, министерств и ведомств, ассоциаций и концернов, представителей администрации и Советов трудовых коллективов предприятий и организаций.

«Правительственный Вестник» — это издание для всех, кто хочет больше узнать и активнее участвовать в государственном управлении, отстаивая на практике позиции перестройки, демократизации и гласности.

«Правительственный Вестник» — это открытый канал для диалога всего населения с правительством страны.

В 1990 году «Правительственный Вестник» будет выходить еженедельно. Стоимость годовой подписки — 5 руб. 16 коп., на 6 месяцев — 2 руб. 58 коп., на 3 месяца — 1 руб. 29 коп. Индекс — 50105.

ЧИТАЙТЕ

- Вас захватили террористы!
- Да!
- Они вам угрожают!
- Да!!
- Требуется помощь!
- Да!!!

«Ясно... — Еловский снял раскаленный под ферганским солнцем стальной шлем, потер виски, переглянулся с Васильевым и Чернышовым, — будем действовать так...»

**Очерк подполковника
Б. КАРПОВА
«Витязь из спецназа».**

В СЛЕДУЮЩЕМ

— Наверное, нельзя, думая о будущем эффекте в борьбе с проституцией, делить проститутку на несовершеннолетних и подростков. Ведь взрослая жрица любви тоже когда-то была школьницей, пионеркой, комсомолкой...

**«Любовь по... преискуранту»
Беседа нашего корреспондента
с кандидатом
педагогических наук
Александром
МЕЛИКСЕТАНОМ.**

НОМЕРЕ

— Товарищ старший лейтенант, за время службы произошло происшествие, — срывающимся тоненьким голосом начал он, и у Першина снова пробудилась неприязнь к этому тщедушному солдату, и опять он подавил ее: что поделаешь с мальчишкой.

— Где оружие! — оборвал он доклад...

**Виктор ЛОСЕВ.
«Операция» (повесть)**

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ

НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

«НА БОЕВОМ ПОСТУ»

КАЖДЫЙ НАШ ЧИТАТЕЛЬ НАЙДЕТ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА ИНТЕРЕСНЫЕ И ПОЛЕЗНЫЕ ДЛЯ РАБОТЫ ПУБЛИКАЦИИ:

- статьи, рассказывающие о ходе перестройки в деятельности войск на современном этапе
- корреспонденции о передовом опыте командиров, политорганов, штабов, партийных и комсомольских организаций, специалистов служб тыла
- очерки о лучших людях войск, мастерах боевой службы, активистах-общественниках, прославленных спортсменах-динамовцах
- письма читателей по самым разнообразным вопросам, консультации и справочный материал
- литературные произведения известных писателей В. Пикуля, М. Прудникова, О. Горчакова, А. Адамова, а также прозу и поэзию войсковых авторов

ДЛЯ ПРАВИЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСКИ НЕОБХОДИМО:

- Пересылку заказов и расчеты с редакцией производить через финансовые органы в порядке подчиненности.
- Бюджетную и индивидуальную подписку оформлять одним заказом.
- Заказ составлять на все войска по управлению (соединению, училищу) с приложением списка адресов частей, подразделений и указанием количества экземпляров журнала на год и полгода.
- В адресе для доставки журнала указывать почтовый индекс, номер почтового отделения, район, область, край, республику.
- При невозможности выслать заказ к установленному сроку необходимо предупредить об этом редакцию.

Заместителям командиров частей по политической части и общественным распространителям печати следует контролировать поступление журнала в войсковую часть, проверять, все ли подписчики его получили. В случае несвоевременной доставки номеров журнала обратиться к начальнику почтового отделения или начальнику городского агентства „Союзпечать“ и сообщить по адресу: 111250, Москва, Е-250, редакция журнала „На боевом посту“.

Подписная цена на год — 6 руб. 60 коп.